

МОЙ ЕС

ПРИЗРАК УБИЙСТВА

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИСИЯ

МОЙ ЕС

ПРИЗРАК УБИЙСТВА

ПАТРИСИЯ МОЙЕС

Патрисия Мойес (в девичестве Патрисия
Пэкенхем-Уолш) родилась в 1923 году
в Дублине. В годы войны служила
в Королевских ВВС, а после этого долгое
время работала личным помощником
знаменитого режиссера Питера Устинова.
Мойес создала яркий образ инспектора
Скотленд-Ярда Генри Тиббета, который
уже знаком читателям по изданным в этой
серии книгам «Убийство от-кутю»
и «Кто подарил ей смерть».

✎ PATRIGIA ✎
MOYES

.....

MURDER FANATICAL

.....

ПАТРИСИЯ

МОЙ ЕС

.....

ПРИЗРАК УБИЙСТВА

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М74

Серия «Золотой век английского детектива»

Patricia Moyes
MURDER FANATICAL

Перевод с английского *М. Левина*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Половцева

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Мойес, Патрисия.

М74 Призрак убийства : [роман] / Патрисия Мойес ;
[пер. с англ. М. Левина]. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 352 с. — (Золотой век английского де-
тектива).

ISBN 978-5-17-116194-1

Семья Мансайпл всегда отличалась экстравагантностью. Но соседи уже привыкли к странным ирландцам и давно перестали их обсуждать. Вот только труп Реймонда Мейсона на подъездной дорожке их дома спровоцировал новую волну слухов. Случайная ли это пуля со стрельбища Джорджа Мансайпла? Стоит ли принимать во внимание показания единственного свидетеля – девяностолетней старушки, увлекающейся спиритизмом? Имеет ли к случившемуся отношение сын покойного? Генри Тиббету в очередной раз предстоит восстановить картину произошедшего и объяснить ряд странных событий, случившихся в доме Мансайплов.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-116194-1

© The Beneficiaries of the Literary
Estate of Patricia Moyes, 1967
© Перевод. М. Левин, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

Глава 1

Был красивый сентябрьский вечер, теплый в лучах заходящего солнца, щедро обещающий погоду еще лучшую. В поместье «Крегуэлл-Мэнор» в графстве Феншир среди густо-красных хризантем лениво гудели пчелы. В окруженном стеною саду царило спокойствие, и на всех трех его акрах не было ничего безмятежнее, чем сам владелец имения — сэр Джон Адамсон, главный констебль Феншира. Он только что закончил косить траву и теперь отдыхал на террасе в кресле-качалке.

Поэтому, естественно, услышав из открытого окна назойливый телефон, никакого удовольствия мужчина не испытал. Но у главного констебля неслужебных часов попросту нет. Добросовестно, хотя и неохотно, сэр Джон поднялся из кресла и прошел в комнату.

— Крегуэлл тридцать два, Адамсон у телефона.

— Джон, ты? Честное слово, очень рад, что тебя застал. Это Джордж Мансайпл.

Последнее сообщение было уже лишним — сэр Джон сразу узнал легкий ирландский акцент и определил своего ближайшего соседа, владельца и жителя Крегуэлл-Грейндж.

— Привет, Джордж, рад тебя слышать.

Слова были правдой лишь частично. Нельзя сказать, что сэр Джон недолюбливал майора Мансайпла — напротив, он всегда ему симпатизировал и до последнего времени считал забавной личностью. Сейчас у него возникло устойчивое подозрение, что звонок Мансайпла может быть не просто светским, и Адамсон позволил себе мысленно произнести не слишком грубое ругательство.

— Прости, что так поздно звоню тебе, Джон, — сказал майор. — Но я по поводу моего соседа, Мейсона. Боюсь, на этот раз бездействовать не получится. Тебе придется связаться со Скотленд-Ярдом.

Сэр Джон сумел сохранить спокойствие, хотя для этого потребовалось серьезное усилие.

— Послушай, Джордж, — начал он. — Я знаю, что Мейсон ведет себя совершенно несносно, и сочувствую тебе, но Скотленд-Ярд вряд ли...

Собеседник, кажется, даже не заметил, что его перебили.

— Понимаешь, этот человек был гостем в моем доме. Незванным, конечно, но не будем придирааться. Так что я, разумеется, вижу в этом свой долг. И Вайолет тоже. Мы должны сделать все, от нас зависящее. Ты ведь меня понимаешь? Никаких полумер.

Теперь настала очередь констебля не обратить внимание на поток речи соседа.

— Как я только что сказал, — произнес Джон твердо, — мне не известно, как именно он докучал тебе на этот раз, но сейчас пятница и уже начало седьмого. Я предлагаю тебе не спеша выпить, прилечь и как следует подумать. В конце концов, до понедельника не вечность, и вполне...

— Джон, я тебя совершенно не понимаю. — Голос Мансайпла прозвучал недоумевающе. — Не может же быть, чтобы ты мне предлагал до понедельника ничего не делать?

— Именно это я тебе и предложил.

— Но, милый Джон, что мне делать с телом? Держать его здесь до понедельника я не могу, Вайолет будет очень недовольна. И Мод тоже.

— Тело? О чем ты говоришь? Чье тело?

— Мейсона, конечно. Ты меня не слушал, Джон? Разумеется, если ты настаиваешь, я оставлю его до понедельника, но мне кажется...

Адамсон ухватился за быстро тающую реальность. Солидный опыт убедил его, что разговоры с Джорджем Мансайплом рассеивают логику, как солнце — утренний туман.

— Джордж, расскажи мне, что случилось.

— Но я же тебе сказал. Этот человек был у нас в гостях, почему я и говорю, что чувствую себя обязанным. И Вайолет тоже. Томпсон предложил обратиться к Даккетту, но я не согласился и сказал: «Я позвоню сэру Джону».

— Я полагаю, — сдержанно произнес констебль, — что под «Томпсоном» ты имеешь в виду доктора Томпсона. И это он посоветовал тебе обратиться к сержанту Даккетту из полицейского участка в Крегуэлл-Виллидж. Я прав?

— Конечно же, ты прав. Это абсолютно просто, разве нет? Должен заметить, что ты, Джон, разводишь какую-то канитель вокруг очень простого дела. Я не знаю в Крегуэлле других Даккеттов, если не считать старого Генри Даккетта, ветеринара. Но он живет в Кингсмарше.

Адамсон перевел дыхание.

— Почему, — спросил он, — доктор Томпсон посоветовал тебе обратиться к сержанту Даккетту?

— Но ведь он же не мог застрелиться сам? Это убедительная причина.

— Ты говоришь о Реймонде Мейсоне?

— Ну конечно! Боже мой, я же излагаю все совершенно ясно. А ты только перепутываешь, еще приплетаешь ветеринаров каких-то. И ты сказал, что я должен держать у себя тело Мейсона и ничего не предпринимать до понедельника...

— Я ничего подобного не говорил!

— Сам знаешь, что сказал. У меня такое ощущение, что ты как-то запутался.

— Джордж, — попросил сэр Джон, — ты мне расскажешь, что случилось?

— Но я же рассказываю. Мейсон появился сегодня — не спрашивай меня, в котором часу, потому что я был на стрельбище, но Вайолет знает. Понятия не имею, чем вызван его приезд, но можно не сомневаться, что Реймонд опять задумал какую-то пакость — хотя видит бог, не должен я так говорить про беднягу, ведь он же покойник. Ну, так вот, когда Мейсон уезжал в этом своем огромном автомобиле, его застрелили. На подъездной дорожке. Убили наповал, сказал доктор Томпсон, хотя, конечно, мы в тот момент этого не знали. Вайолет позвонила ему, и Томпсон завел шарманку: не следует ли позвонить сержанту Даккетту? Но я отказался и сказал: «Кому мне надо сообщить, так это сэру Джону». Я чувствую, что должен настоять, чтобы ты позвонил в Скотленд-Ярд, Джон. И не нужно говорить, что ты не можешь этого сделать, ведь я в книге прочел: главный констебль имеет право звонить в Ярд. Это так?

— Да, но...

— Ну, вот это главное. Мы все надеемся, что ты найдешь самого лучшего работника — смею думать, тебе известно, кого просить. Это, должен сказать, серьезное облегчение.

— Что именно?

— Ну, что ты взял на себя полную ответственность за ситуацию. Мне сразу стало намного легче. Пойду скажу Томпсону, что ты взял бразды правления в свои руки и что Скотленд-Ярд прибудет с минуты на минуту. Прекрасный поступок с твоей стороны, Джон, и я тебе очень благодарен.

— Так, Джордж, подожди минуту! — К собственному неудовольствию сэр Джон обнаружил, что повысил голос. — Я никакой ответственности на себя не брал! Все должно идти по соответствующим каналам...

— По кому? Джон, объясни.

— По СООТВЕТСТВУЮЩИМ КАНАЛАМ!

— А, ну да. Конечно. Поэтому я тебе и позвонил.

— В данном случае, Джордж, соответствующие каналы — это сержант Даккетт и отдел убийств в Кингсмарше. Пока у меня не будет от них докладов, я официально ничего не знаю о случившемся.

— Конечно, конечно, Джон, я вполне понимаю и свяжусь с Даккеттом прямо сейчас. У меня нет никаких возражений против соответствующих каналов — теперь, когда мы с тобой поговорили и все утрясли. Но ведь до этого не было никакого смысла звонить Даккетту?

— Десятый раз повторяю, Джордж: ничего мы с тобой не утрясли. Я буду ждать доклада от полиции, а потом приму решение.

— Конечно, разумеется. Я просто, поскольку мы уже согласились, каким будет твоё решение...

— Джордж, можно тебя попросить повесить трубку и позвонить сержанту Даккетту?

— Разумеется, я так и сделаю. Прости, что отвлек тебя болтовней. Ты наверняка хочешь связаться со Скотленд-Ярдом прямо сейчас, я понимаю. До свидания, Джон, и большое тебе спасибо.

Джон Адамсон положил трубку, снова вышел на террасу с мыслью вернуться к сигаре и пиву в ожидании, когда к нему обратятся соответствующие каналы, но покой вечера уже был нарушен. Тогда он решил подняться наверх, принять ванну и для встречи инспектора из Кингсмарша переодеться в более официальный костюм.

Лежа в теплой воде, констебль подумал о Реймонде Мейсоне, сейчас уже мертвом в Крегуэлл-Грейндже. Трудно было бы признать, что этот человек вызывал у него какие-нибудь симпатии. Как ни старался Реймонд Мейсон изо всех сил изображать сельского джентльмена, встроиться в социальную среду Крегуэлла ему совершенно не удавалось. Неуместен он был в особняках Адамсонов и Мансайплов, у доктора Томпсона, у преподобного Герберта Дишфорта и даже в веселой компании фермеров Тома Раджа, Гарри Пенфолда и прочих. Не было сомнений, что Мейсон очень хотел найти свою нишу — он, не скрывая, говорил о желании войти в «общество графства» — так он именовал Адамсонов и Мансайплов, вызывая раздражение у окружающих.

Конечно, это было попросту невозможно. Сэр Джон часто говорил, не считая себя снобом, что совершенно неприемлемо устанавливать какие-либо отношения с человеком, который занимается бизнесом, да еще столь неудачным — букмекерством. Можете себе представить? Вполне приятный человек, добрый малый, но все-таки — обыкновенный букмекер. Нет, конечно, сословные соображения немного значат в наше время, ведь с кем только не приходится иногда обедать, искренне полагая, что ты не сноб, но все-таки...

О жизни Мейсона до приезда в Крегуэлл сэр Джон знал весьма мало. Очень часто Мейсон самодовольно называл себя селфмейдменом, хотя никогда не вдавался в детали, как именно выполнялось это интересное задание из серии «сделай сам». Определенно было известно только то, что он — основатель и владелец фирмы «Букмекерская контора Реймонда Мейсона», лондонские офисы которой победным маршем прошли от скромных комнаток в Ист-Энде до гордого особняка в Мейфэре. Четыре года назад он, в возрасте около пятидесяти, поставил во главе фирмы генерального директора, а сам ушел на покой и осуществил свою мечту: стать сельским сквайром. Конечно, Мейсон пару раз в неделю ездил в Лондон, чтобы контролировать, как идут дела, но с тех пор его домом должен был стать Крегуэлл, а сам он — истинным сельским джентльменом.

Его прибытие Джорджем Мансайплом было встречено благосклонно, поскольку он выручил семью майора в весьма затруднительной финансовой ситуации. Букмекер приобрел Крегуэлл-Лодж — старый коттедж егеря, принадлежащий имению Грейндж, купив еще два акра земли. Продажа Лоджа была очередным этапом битвы, которую вел много лет Джордж Мансайпл, желая сохранить нетронутым родовое гнездо перед инфляцией. Да, подумал констебль, старый Джордж Мансайпл в те времена в Мейсоне души не чаял, повсюду шумел о своем новом соседе, пухлом коротышке с гладкой физиономией, представляя его всей деревне. А неурядицы между ними возникли совсем недавно.

В чем причина разногласий, сэр Джон не знал. Казалось, что Мейсон вел против Мансайпла кампанию мелких судебных дел, на что майор неустанно жаловался своему другу главному констеблю. Букмекер подал в суд заявление против стрельбища Мансайпла, считая его шумным и опасным. Кроме того, он обвинил соседа в нарушении древнего права проезда по землям Грейнджа, сообщив сержанту Даккетту, что майор проехал на велосипеде в сумерки сто ярдов по пустой сельской дороге без габаритных огней. Мейсон раскопал старинные документы, относящиеся к земле, на которой стоит Грейндж, в стремлении

доказать, что новый гараж Мансайпла построен незаконно, еще букмекер... всего не перечислить.

— Но, Джордж, — возражал Адамсон, — для подобного поведения должны быть причины. Что в голове у этого человека? Почему он так себя ведет? Каким образом тебе удалось так настроить его против себя?

На столь простые вопросы так и не нашлось удовлетворительного ответа. А теперь Реймонд Мейсон мертв, и уже никогда его белый «мерседес-бенц» — регистрационный номер РМ1, — не прогремит по Крегуэллу, распугивая кур и восхищая детей. Эти короткие толстые пальцы с прекрасным маникюром больше не потянутся за набитым пятерками кошельком в баре гостиницы «Викинг» в попытке купить невозможное: входной билет в круг потягивающих пиво и наслаждающихся этим мужчин, в то деревенское общество, где так легко тому, кто в нем рожден, но невероятно трудно чужаку.

Но вот только этот неприятный факт — Мейсон погиб насильственной смертью... И такой странный разговор насчет звонка в Скотленд-Ярд... Но ведь не мог же ирландец предполагать, что Мейсона убили? Если так...

Последнюю мысль сэр Джон решительно выбросил из головы. Сейчас единственное, что необходимо сделать, — вылезти из ванны, вытереться и одеться, а потом ждать, пока к нему по соответствующим каналам поступит информация.

Как и положено в подобных случаях в Крегуэлл-Мэноре с озабоченным видом появился детектив-инспектор Робинсон из Кингсмарша, дабы представить главному констеблю имеющиеся факты.

Реймонд Мейсон приехал в Крегуэлл-Грейндж в своем белом «мерседесе» в районе половины шестого. Его видела и говорила с ним миссис Мансайпл, но майора, который тренировался на стрельбище, Мейсон не встретил. Вскоре после половины шестого он отбыл; однако, проехав по дорожке несколько ярдов, автомобиль внезапно остановился, и водитель вышел посмотреть, в чем дело.

Далее события излагались несколько путано. Мейсон, очевидно, заметил какую-то опасность, потому что взволнованно вскрикнул. В ту же секунду грянул выстрел, и букмекер свалился рядом с машиной. Единственным очевидцем — кроме, конечно, стрелявшего, — была мисс Дора Мансайпл, девятилетняя тетушка майора. Она провожала Мейсона, когда он выходил из дома, и хотела вручить ему несколько брошюр о спиритизме. Ее показания были не совсем понятными: букмекер, видимо, выбежал из-за машины, размахивал руками и кричал, словно поднимая тревогу. А потом свалился намертво.

В результате поисков был обнаружен пистолет — предположительно орудие убийства, — в кустарнике у стены дома. Это оказался один из армейских пистолетов майора, которые он использовал, тренируясь на стрельбище. Отпечатков пальцев на пистолете не было — видимо, его тщательно протерли. В обойме не доставало одного патрона.

Осмотр автомобиля показал, что он был выведен из строя в результате действия противоугонного механизма, который Мейсон установил недавно. Имелся выключатель, спрятанный под приборной панелью и перекрывающий подачу топлива, чтобы угонщик смог проехать лишь несколько ярдов, пока не кончится горючее. Вряд ли Мейсон включил бы это устройство, выходя из машины на подъездной дорожке к усадьбе Мансайплов, и еще менее вероятно, чтобы он об этом тут же забыл и поднял капот в поисках неисправности.

— Неизбежно напрашивается следующий вывод, — печально сказал Робинсон: — Устройство включили намеренно, чтобы Мейсон был вынужден остановиться на дорожке. Так он представлял собой идеальную мишень для скрывшегося в кустах стрелка. Если учесть тщательно протертый пистолет, а также что ни один человек в Грейндже не заявил о сделанном по ошибке выстреле... все очень похоже на убийство.

— Думаю, это причина, чтобы позвонить в Ярд, — сказал сэр Джон.

Робинсон с огромным облегчением выдохнул:

— Совершенно согласен. У нас просто нет соответствующих возможностей. Лучше оставим дело специалистам.

Констебль отлично понял коллегу. Имелось в виду: «Пусть этим занимаются чужие. Эти люди — ваши и мои друзья. Ваши в особенности».

— Именно так, — подтвердил сэр Джон. — У нас нет соответствующих возможностей.

В свете случившегося Генри Тиббет, главный инспектор отдела уголовных расследований Скотленд-Ярда, был вынужден отменить поход под парусом с друзьями в Сассексе, и вместо этого снять номер в гостинице «Викинг» в Крегуэлле. Его жена Эмми, естественно, была разочарована, но позже слегка приободрилась, вспомнив, что ее школьная подруга вышла за доктора по фамилии Томпсон, который работает в Крегуэлле. Так что Генри заказал номер на двоих, и Эмми было позволено поехать с ним при условии, что она не станет вмешиваться в деятельность полиции.

Супруги приехали в гостинцу в пятницу, почти в полночь.

Глава 2

В субботу утром, после долгого и дружелюбного разговора с инспектором Робинсоном и сержантом Даккеттом, осмотра останков покойного мистера Мейсона и его машины, Генри Тиббет поехал в Крегуэлл-Мэнор для знакомства с главным констеблем.

Встреча была интригующей для обоих участников. Сэр Джон очень много слышал о главном инспекторе Тиббете и его интуиции, которую Генри называл своим чутьем или «нюхом». Констебль ждал этой встречи с некоторым любопытством, как будто намеревался увидеть кинозвезду или крупного политического деятеля, поэтому при первом знакомстве с Генри Тиббетом не смог подавить некоторого разочарования. Это был человек обычной внешности с волосами песочного цвета, средних лет, вполне приятный. Конечно, его темносиние глаза смотрят очень внимательно, но не такой сэр Джон представлял себе элиту Скотленд-Ярда. Решительно не такой.

А Генри очень интересовало мнение главного констебля графства — точнее, его отношение к смерти Мейсона. Сэр Джон говорил об этом деле с какой-то странной неохотой. В частности, он становился уклончив, когда речь заходила о семействе Мансайплов.

Наконец он, многократно прокашлявшись, высказался так:

— На самом деле, Тиббет, Джордж Мансайпл звонил мне сегодня утром. Мы, видите ли, соседи, и Джордж, то есть майор Мансайпл, будет рад, если вы сегодня придете к ленчу в Грейндж... просто для знакомства. Это будет исключительно семейное мероприятие. Вот почему я не предлагаю, чтобы вы взяли с собой своего сержанта или кого-либо другого. Таким образом, вам представится шанс увидеть... то есть сформировать собственное мнение...

Адамсон замолчал, в замешательстве покручивая седой ус. Потом добавил:

— Они, конечно же, ирландцы.

— Вы о семействе Мансайпл? — вежливо осведомился Генри.

— Да, о них. Первым приехал в Англию и остался здесь дед Джорджа. Отец Джорджа — знаменитый Огастес Мансайпл, директор Кингсмаршской школы, был выдающейся личностью. Он купил Крегуэлл-Грейндж около пятидесяти лет тому назад, и с тех пор это поместье стало их фамильным гнездом. Мне кажется, вам стоит приехать к ним на ленч.

— Вы говорите так, сэр, будто это очень большая семья, — сказал инспектор.

— А, нет, на самом деле нет. Обычно там только Джордж и его жена Вайолет. Да, еще тетушка Дора, конечно. Имеется в виду мисс Дора Мансайпл, сестра Огастеса. Но как раз сейчас... ну, вы же знаете, что такое эти семейные сборища.

— Семейные сборища?

— Ну, да. Как раз сейчас они собирают в Грейндже весь клан. Братья, дочь... ну, вы всех там увидите, за ленчем. Джордж ожидает вашего прибытия в половине первого, так что

вам, пожалуй, лучше... Всего вам хорошего, Тиббет. Ну, и удачи.

Крегуэлл-Грейндж представлял собой простой и довольно уродливый дом, построенный из желтоватого камня в начале девятнадцатого века. Лес, кустарники, сады и пастбища создавали вокруг него защитную камуфляжную ширму, так что сомнительная архитектура резиденции не бросалась в глаза посетителя до тех пор, пока он не минует несколько поворотов извилистой подъездной дороги, отходящей от шоссе. Генри, изучивший топографические карты местности в кабинете инспектора Робинсона, знал, чего ожидать. Когда его автомобиль миновал последний поворот, и показался дом, он сразу понял, что приехал на то самое место, где встретил смерть злополучный мистер Мейсон.

Дом стоял чуть правее. К нему тянулась гравийная дорожка, из которой беззастенчиво прорастала трава. К солидной входной двери вели пологие ступени. По обе стороны от них буйствовали неухоженные кусты, стремясь поглотить здание как в джунглях. Вероятно, именно в этой темной и густой растительности был найден пистолет. Над кустами подслеповато щурились подобные бойницам готические окна, пропускающие в дом минимальное количество света.

Тиббет остановил машину и вышел. Дорожка была достаточно широка, чтобы разминуться двум автомобилям. Стоящие вокруг кусты и деревья были идеальным укрытием для возможного убийцы. Дом и его окружение казались безлюдными.

И вдруг раздался густой, авторитетный, мужской голос, прогремевший, словно с небес:

— Бабах! Бабах!

Генри остановился, огляделся и никого не увидел.

— Бабах! — повторил голос, и после небольшой паузы добавил: — Эй там, внизу!

На этот раз инспектор сумел определить источник звука точнее. На ветке большого платана прямо у него над головой сидел человек в выцветших шортах, джинсовой рубашке, со старым тропическим шлемом на голове. Казалось, незнакомцу было лет под шестьдесят. Серовато-седые волосы и аккуратно подстриженные усы, очень яркие карие глаза. В руке человек держал армейский пистолет, нацеленный точно в сердце Генри.

— Стоять на месте, — сказал сидящий на дереве. — Не двигаться.

И тщательно прицелился.

Сотрудники уголовного отдела обучены думать и действовать быстро. Им не свойственно стоять неподвижно, когда вооруженные недоумки направляют на них пистолет. Когда человек спустил курок, Генри уже бросился лицом вниз на дорожку.

В тот же момент незнакомец произнес:

— Бабах! Убит!

Затем донесся странный продолжительный звук, словно что-то тяжелое падало с дерева, ломая мелкие веточки.

Генри встал и отряхнул костюм от песка и камешков. Человек все так же сидел на дереве, но пистолет лежал на земле. Его бросили в направлении дома, и он теперь валялся в поросли на краю дороги.

— Хм. Вполне возможно. Хотя упал слишком близко. — Легкий ирландский акцент стал чуть заметнее. — Вы не были бы против подобрать его и подать мне?

— Я так понимаю, он не заряжен? — поинтересовался Генри.

— Конечно же нет. Определенно. Это было бы очень опасно — так его бросать, будь он заряжен.

— Вот и я так подумал, — сказал Тиббет, подошел к пистолету, поднял его и подал вверх рукояткой вперед. Человек на дереве принял оружие.

— Спасибо вам большое, — сказал он. — Спасибо. Вы, наверное, тот человек из Лондона?

— Тиббет моя фамилия, — сказал Генри. — Я из Скотленд-Ярда.

— Очень рад вас видеть, сэр! — просиял незнакомец. — Моя фамилия Мансайпл. Вы меня извините, я не буду спускаться с дерева. Мне еще кое-что нужно сделать. Идите прямо

в дом, надеюсь, вы не против — моя жена ждет вас. Увидимся за ленчем.

Садясь в машину, Генри видел тщательно нацеленный пистолет и слышал далекий возглас «Бабах!» из ветвей. Последние несколько ярдов до двери он проехал в приятном предвкушении.

Дверной колокольчик представлял собой старомодную ручку из кованого железа, привязанную к ржавой проволоке. Инспектор взялся за него решительной рукой и дернул. Через секунду из глубины дома раздался звон медного колокольчика. Затем его отзвуки его стихли, послышалось шарканье шагов, и массивная дверь отворилась. За ней стояла невысокая женщина в костюме из жатого твида. Ей, наверное, под пятьдесят, но необычайно свежее и гладкое лицо, персиковая кожа, черные волосы и темно-голубые глаза ясно говорили, что в родной деревушке она считалась самой хорошенькой *colleen*¹.

— А! — сказала она. — Инспектор Тиббет, я полагаю? Милости просим. Я Вайолет Мансайпл. Боюсь, у нас беспорядок, как всегда.

Генри вошел в просторный холл, огляделся и остался доволен увиденным. Да, миссис Мансайпл была по своему права. Дом никак нельзя назвать аккуратным, но что-то в нем было неоспоримо привлекательное. Большие вазы с поздними розами и дельфиниями стояли среди красивых предметов антикварной мебели, висели шторы из вылинявшего ситца, а рядом с камином находилась выдавшая виды медная чаша с мелко наколотыми дровами. Также в поле зрения попадали старые газеты, плетеная корзинка с мотками бечевки, грязный фартук и несколько пачек старых писем. Пожалуй, самым поразительным предметом в холле был большой портрет маслом старого джентльмена с суровым лицом, в академической мантии и квадратной шапочке. Его властные глаза с неодобрением следили за посетителем с того самого момента, как он входил, но эффект ослабляла шляпа, небрежно повешенная на угол тяжелой золоченой рамы.

— Я стараюсь, — пояснила Вайолет Мансайпл, — но без слуг, а сейчас тут собралась вся семья... Очень надеюсь, что вы нас простите, главный инспектор... Да, кстати! — Она остановилась в дверях гостиной и обернулась к Генри: — Вас так называть или же просто мистером Тиббетом? Боюсь, мне никогда раньше не приходилось принимать у себя полисмена. Вас не обидел мой вопрос?

— Конечно же нет, — ответил Генри. — А называть меня можете, как вам захочется.

— Так если вы не возражаете... — она улыбнулась как молодая девушка. — Пройдемте в гостиную и чего-нибудь выпьем.

Гостиная тоже была жизнерадостная и захлавленная, как холл, и так же полна сокровищ. В большом эркере сидел в кресле изможденный старик с белыми волосами, читая «Таймс». На нем были истасканные фланелевые брюки, теннисные туфли и крикетный пуловер. Довольно удивительным дополнением являлась фаевая манишка, украшенная накрахмаленным белым стоячим воротником.

— Мистер Тиббет! — сказала хозяйка. — Позвольте представить вам моего деверя, епископа буголалендского. Эдвин, это мистер Генри Тиббет.

— Очень приятно, — ответил епископ. — Не присядете ли? Чудесная погода сегодня.

— Бокал шерри, мистер Тиббет?

— Спасибо, миссис Мансайпл, с удовольствием.

— Ну сядьте же, — снова вмешался епископ с едва заметным раздражением. Генри послушался, и старик вернулся в кресло. — Вообще, вы знаете про Буголаленд?

— Боюсь, что нет, сэр.

— Жуткая страна, — ответил епископ. — Я страшно по ней скучаю. Очаровательные люди и отвратительный климат. Обрела независимость, удачи ей. Жители бедны как церковные мыши. Я организую призывы о помощи, потому что больше ничего сделать не могу. В прошлом году ушел в отставку по приказу врачей.

¹ Сельская девушка (*ирл.*).

— Зато, наверное, у вас появилась возможность проще относиться к жизни, — сказал Генри.

— Проще? Ха! — Епископ засмеялся искренне и без малейшего сарказма. Ему стало по-настоящему смешно. Потом он снова скрылся за газетой.

В этот момент подошла с бокалом шерри миссис Мансайпл, поставила его рядом с локтем Генри.

— Если позволите, мистер Тиббет, — сказала она, — мне нужно идти готовить ленч. Оставляю вас поболтать с Эдвином.

После нескольких секунд молчания епископ опять сказал: «Ха!» На этот раз — с явным удовлетворением. Потом опустил газету и продолжил:

— Зоологический лентай, полисмен. Вам нужна помощь.

— Действительно нужна, — удивленно согласился Генри.

— Зоологический лентай, — повторил епископ отчетливо. — Полисмен.

— Мне очень жаль, сэр, что вы считаете нас недостаточно энергичными, — ответил инспектор.

— Помощь нужна. Помощь. Ну подумайте!

— Я пытаюсь.

Как большинство людей, впервые вступающих в контакт с представителями семьи Мансайплов, Генри чувствовал, что пробивается сквозь вату.

— Помощь! Помощь!

— Какого рода помощь?

— Вот об этом я вас и спрашиваю. Вопрос гениальный. Думайте.

Тиббет сдался:

— Боюсь, не понимаю, сэр, что именно вы...

— Помощь, — сказал епископ. — Помощь.

— Помощь Буголаленду, хотите сказать?

— Помощь. Эй-ай-ди². Начинаем с южноамериканского трехпалого ленивца...

— Простите?

— Надо было раньше вам сказать. Три буквы.

— Мне показалось, вы сказали, три пальца.

— Вот это и есть ленивец. Зоологический лентай. Эй-ай³.

— Как?

— Эй-ай. Трехпалый ленивец, знаете такого? Название взято из подражания крику. Очень полезный персонаж, не знаю, что бы составители без него делали. Полисмен — коп. Коппер — медь. Медная монета — пенни. Обозначается буквой «Ди». Эй-ай-ди, то есть помощь. Ее и нужно было найти. Не правда ли, гениально?

Старик сунул Генри под нос свою газету. Она была сложена кроссвордом наружу.

— Более чем гениально, — согласился инспектор.

— Ну, конечно, — сочувственно произнес епископ, — не у каждого мозги годятся для кроссвордов. Это особое умение. — Было видно, что он пытается найти наиболее милосердное объяснение глупости Генри. — Дома у меня мало возможностей ими заниматься. А тут, в гостях у Джорджа, времени достаточно.

— Вы долго собираетесь гостить в Крегуэлле, сэр? — спросил Тиббет.

— Сохрани меня небо! Нет, всего лишь несколько дней. — Старик снова засмеялся. — Бедный юноша, для вас это, должно быть, испытание. Но мы не так страшны, если нас получше узнать. Мы — это вся наша семья. Хотя Директор, такое прозвище имел наш отец, — совсем другое дело. Вы не были знакомы с моим отцом?

— Боюсь, нет.

² Английское слово «aid» — помощь. По буквам: A-I-D (эй-ай-ди). — *Прим. ред.*

³ Английское слово «ai» — трехпалый ленивец. По буквам: A-I (эй-ай). — *Прим. ред.*

— Примечательный старик. Вы бы сказали, что это личность. Между нами говоря, в последние годы он был несколько эксцентричен, хотя мозг у него сохранял здравомыслие до самого конца. Он умер в восемьдесят два...

— Очень солидный возраст, — сказал Генри.

— Солидный? — удивился епископ. — Дорогой мой, в нашей семье человек считается юнцом, пока ему не стукнет девяносто. Посмотрите на тетю Дору, сестру Директора. Да вы с минуты на минуту ее увидите. Девяносто три, а разум ясен, как начищенная пуговица. Нет-нет, Директор прожил бы еще лет двадцать как минимум, но природе было суждено идти своим путем. Я думал, вы знаете.

— Знаю что?

— Что он погиб в автокатастрофе. Конечно, не по своей вине — виноват был другой водитель.

— Вы хотите сказать, что ваш был за рулем? В таком возрасте?

— Разумеется.

— Я всегда считал, что после семидесяти садиться за руль рискованно.

— О небо, что за странная мысль? Директор научился водить в семьдесят пять. И был совершенно замечательным водителем.

— Могу себе представить.

Генри подумал о портрете в холле.

— Если в его манере вождения и был недостаток, то это нежелание держаться левой стороны. Отец предпочитал середину дороги — там он чувствовал себя безопаснее. В конце концов, как он неоднократно указывал, дорога принадлежала ему как налогоплательщику. К сожалению, той же точки зрения придерживался его самый большой друг — старый Артур Прингл, юрист Директора. Тогда, видимо, их машины сближались с заметной скоростью, поскольку ехали навстречу друг другу. Ни один водитель не желал уступать, и закончилось это лобовым столкновением. Невероятная трагедия. Прингл погиб на месте, а отец умер в больнице через несколько часов. — Епископ вздохнул. — Ну, ладно, это было уже давно. Лет пятнадцать назад.

В этот момент дверь в гостиную отворилась, и вошла девушка. Маленькая, белокурая, с походкой танцовщицы. Хотя на ней было простое синее полотняное платье без каких бы то ни было украшений, Генри она напомнила куколку феи на рождественской елке.

— А, Мод, вот и ты, — одобрительным тоном сказал старик. — Мистер Тиббет, моя племянница Мод Мансайпл. Тут для тебя задачка есть, Мод. Зоологический лентяй, полисмен. Нужна помощь.

— Сколько букв? — сразу же спросила девушка.

— Три.

Она наморщила лобик:

— Зоологический лентяй — ленивец. Эй-ай. Полисмен, медь — «Ди». Эй-ай-ди. Я права?

— Отлично! Молодец! — воскликнул епископ. И добавил, обращаясь к Генри: — Не угнаться мне за этой девчонкой. Настоящие семейные мозги у нее. Получила почетный диплом первого класса в колледже...

— Ну, дядя Эдвин! — перебила Мод. — Хватит уже.

Она обернулась к Генри с ослепительной улыбкой.

— Здравствуйте, рада познакомиться. Вы, видимо, тот детектив, которого выписал из Лондона Джон Адамсон?

— Да, это я.

Эдвин Мансайпл, вернувшийся было к своему кроссворду, поднял глаза:

— А где твой молодой человек, Мод?

— Сама хотела бы знать, — ответила девушка.

— Наверное, вместе с Джорджем на стрельбище.

— Это тревожно. Пойду лучше его спасать. Боюсь, в ближайшие дни папа наверняка

кого-нибудь убьет... — Мод резко остановилась и густо покраснела. — Это была шутка, — произнесла она отчетливо, обращаясь к инспектору. — Наше стрельбище абсолютно безопасно.

— Приятно слышать, — отозвался Генри. — Но в любом случае не думаю, что ваш отец там. Я только что встретил его в саду...

Открылась дверь, и заглянула Вайолет Мансайпл с деревянной ложкой в руках:

— Джорджа кто-нибудь видел? — спросила она.

— Мистер Тиббет говорит, что он в саду, — ответила Мод.

— Стреляет по теннисным мячам? — спросила у инспектора миссис Мансайпл.

— Нет, — ответил Тиббет. — Сидит на дереве.

Десяти минут, проведенных в Крегуэлл-Грейндж, ему хватило, чтобы этот разговор показался вполне нормальным.

— О, вот этому я рада. Наверное, снова экспериментирует. Пойду позову его.

Миссис Мансайпл вышла. Мод посмотрела на Генри с веселым интересом:

— Вы часом не ирландец, мистер Тиббет?

— Нет, лондонец. Кажется, мои предки родом из Корнуолла.

— А, кельты. Это все объясняет.

— Что именно объясняет?

— Тот факт, что вы вроде бы понимаете, о чем мы говорим.

— Я не могу быть в этом уверен, — возразил инспектор.

— Боюсь, мы действительно странные люди, — заключила Мод.

Тут епископ оторвался от своей газеты:

— Странные? Что ты имеешь в виду?

— Все Мансайплы, — пояснила девушка, — сумасшедшие.

— Какая чушь! — возмутился старик. — Вот этот ваш Мейсон — да, он сумасшедший. Его надо было запереть.

— Правда? — заинтересовался Генри. — А что вас привело вас к подобной мысли, сэр?

— Я объясню. Первый раз, когда я его встретил...

Снова открылась дверь, прервав поток воспоминаний епископа. Вошедший был моложе и майора, и епископа: его длинное лицо и угловатая челюсть безошибочно выдавали в нем Мансайпла. Он был в костюме из грубого твида, возможно, домотканого, а сопровождала его женщина средних лет, которая вполне могла быть той ткачихой. Она обладала темными волосами и смуглой кожей цыганки, одета была в крестьянскую рубаху и широкую крестьянскую юбку с облегающим поясом.

— Ага, — сказал вошедший. — Вот вы все. А мы с Рамоной отлично прогулялись.

— Калужница болотная и чемерица — две красотки в мою коллекцию, — объявила Рамона низким и очень красивым голосом. — И еще мы видели пару чернохвостых веретенников.

— В подозрную трубу, разумеется, — добавил ее спутник. — А еще на миг мне показалось, что в саду сидит длинноухая сова, но это был Джордж.

— Насколько я понял, он на дереве, — сказал епископ.

— Да, на большом платане у дороги. Я был очень разочарован. Длинноухую сову не часто удается увидеть.

— Мистер Тиббет, — вмешалась Мод. — Позвольте представить вам моих дядю и тетю — сэра Клода и леди Мансайпл. Тетя Рамона, дядя Клод — это мистер Тиббет из Скотленд-Ярда.

Генри с интересом рассматривал пришедших. Он заранее выяснил, что сэр Клод Мансайпл, директор атомной научно-исследовательской лаборатории в Бредвуде, является младшим братом майора Мансайпла, связанного с расследуемым делом. Инспектора сэр Клод удивил. Генри не мог сказать, каким представлял себе одного из ведущих физиков страны, но уж точно не таким.

— Рад, что вы смогли приехать, — сказал сэр Клод, пожимая руку инспектору. —

Нужно разобраться с делом Мейсона. Я так понимаю, вы управитесь за пару дней? — спросил он так, будто Генри пригласили вывести древоточца на чердаке.

— Надеюсь, — ответил Тиббет. — Я ведь еще и не начал.

— Не принимайте слова моего дяди всерьез, — сказала Мод. — Он очень старается изображать рассеянного ученого, но на самом деле просто обожает развлекаться.

— Что за чушь! — сказал сэр Клод, лучезарно улыбаясь племяннице. — Милая Мод, ты нам не дашь чего-нибудь выпить? Мне виски с содовой. А тебе, Рамона?

— Мне томатный или апельсиновый сок. Самые лучшие природные утолители жажды. И Клоду то же самое.

— Но, милая...

— Вы любите природу, мистер Тиббет? — спросила леди Мансайпл, игнорируя протесты мужа.

— Боюсь, я слишком мало о ней знаю, — ответил Генри.

— Тогда мы должны взяться за ваше обучение. Крегуэлл — идеальное место для исследования природы. Мой вам совет — начните, пока вы здесь, собирать гербарий. Обычная школьная книжка для гербария отлично подойдет. Можно купить ее у миссис Роджерс в «Центральном».

— Апельсиновый сок, тетя Рамона, — сказала племянница, пристраивая на стол высокий стакан. — А это тебе, дядя Клод.

В ее голосе чувствовалось скрытое веселье, и Генри посмотрел на стакан, который она подала дяде. Естественно, там была прозрачная янтарная жидкость, несколько не похожая ни на апельсиновый сок, ни на томатный.

— Ты очень заботлива, милая, — серьезно сказал сэр Клод.

Леди Мансайпл будто и не заметила произошедшего.

— Здешние болота, мистер Тиббет, просто рай для диких пернатых. Веретенники, кулики-сороки, крачки, чибисы. Иногда нас удостаивает своим посещением цапля — это потрясающее зрелище. Всего двадцать минут через поля к устью реки Крегуэлл. Ах, сколько счастливых часов мы провели там с Клодом на грязевых полях после отлива с парой биноклей и термосом! Возможно, мы нам удастся уговорить вас пойти сегодня с нами.

— С удовольствием бы, но, к сожалению, я должен работать.

— Работать? В субботу?

— Я здесь для расследования смерти Реймонда Мейсона, — напомнил инспектор.

Леди Мансайпл мгновенно пресекла эту тему.

— Очень, очень грустно, — сказала она, — но было бы лицемерием утверждать, что это большая потеря. Исключительно неприятный человек. Обхаживать девушку вдвое моложе! Я совершенно откровенно сказала Вайолет: «Тебе должно быть стыдно, что ты продаешь свою дочь за корешки *primula auricula*!⁴»

— Простите? — переспросил Генри, захваченный врасплох.

Рамона посмотрела на него нетерпеливо, потом объяснила, как отстающему ребенку:

— Реймонд Мейсон ухаживал за Мод. Вайолет постоянно грозила отказать ему в посещениях, но он сумел найти к ней подход, преподнося редкие скальные растения из своего сада. У Вайолет *faiblesse*⁵ к скальным растениям, над которой она, видимо, не властна. Заметьте, я сама интересуюсь альпийской флорой, но мне кажется, что на первом месте у матери все-таки должна быть дочь. Конечно, сейчас все изменилось, так как Мод помолвлена.

— Помолвлена?

— Да, конечно. Собственно, для этого мы и приехали — познакомиться с ее молодым человеком. Джулиан... У меня ужасная память на фамилии. Наверное, племянница

⁴ *Primula auricula* — первоцвет ушковидный (лат.). — Прим. ред.

⁵ Слабость (фр.).

вспомнит. Мод, милочка!

— Да, тетя?

— Мистер Тиббет интересуется, как зовут твоего молодого человека. Ты случайно не помнишь?

Мод улыбнулась, глядя на Генри.

— Помню. Джулиан Мэннинг-Ричардс.

— Мэннинг-Ричардс? Ты уверена?

— Абсолютно, тетя Рамона. В конце концов, я же замуж за него собираюсь.

— Может быть, ты и права, — сказала леди Мансайпл с оттенком сомнения.

— Вы его, кстати, уже видели? — спросила Мод. — Он ушел сразу после завтрака и сейчас опаздывает к ленчу.

— Нет, дорогая, мы определено еще не виделись. Мы же были на болотах.

— Ну, ладно, надеюсь, он появится, — философично произнесла девушка. — Пока за ним не числятся пропуски завтраков или обедов.

— Мистер Тиббет? Вы же мистер Тиббет, да?

Голос прозвучал у Генри за спиной. Надорванный, пронзительный женский голос, свидетельствующий о древнем возрасте и глухоте владелицы. Инспектор обернулся и увидел маленькую женщину, одетую в черное платье, спускающееся до лодыжек. Лицо у нее было круглое, морщинистое и розовое, как сильно залежалое яблоко. Так могла выглядеть только тетя Дора, девяностолетняя сестра легендарного Директора.

— Да, моя фамилия Тиббет, — ответил он.

— А моя Мансайпл. Дора Мансайпл. Замужем не была. Вы не молодой человек Мод?

— Нет.

— Так я и подумала. Жаль.

— Почему жаль, мисс Мансайпл?

Тетя Дора фыркнула, но откровенно отвечать не стала.

— Память у меня не та, что раньше, — сказала она. — Мне сообщили, что вы приедете, но я забыла причину вашего приезда. Вы из ученых джентльменов Клода?

— Нет, я...

— Поняла. Вы из миссионеров Эдвина. Ну конечно же! Как сейчас жизнь в Буголаленде? Давно там не была. Ужасная страна.

— Но я...

— Я ездила туда содержать дом для Эдвина, знаете ли. До того, как он женился. У нас было бунгало на берегах Бомамбы... болота... Не слишком много отличий от Феншира, разве что крокодилы и люди не того цвета, но, на мой взгляд, они более привлекательны, вы так не считаете? Где располагается ваша миссия?

— Мисс Мансайпл, я...

— Алимумба, наверное. Да, именно там. Я понимаю, что вам с Эдвином многое хочется обсудить. А, Джордж!

Генри обернулся и увидел, что его знакомый древесный житель, присоединился к обществу. Майор Мансайпл, все еще в поношенных шортах цвета хаки, оглядывал собравшихся родственников, излучая слегка невразумительную доброжелательность.

— Как ты сегодня, тетя Дора? Как всегда, бодр?

— Я этой гадости в рот не беру, и ты это должен знать, Джордж.

Майор вздохнул и стал говорить громче:

— Тетя, не лучше ли взять слуховой аппарат?

— Лимонад ничуть не лучше.

— Слуховой аппарат! — взревел Джордж.

— Я как раз хотела тебя представить, дорогой. И кричать совершенно незачем. Это мистер Тиббет, один из миссионеров Эдвина из Алимумбы. Мистер Тиббет, мой племянник Джордж.

— Мне кажется, мы уже знакомы, — сказал Генри и улыбнулся майору, который

мрачно покачал головой.

— А когда она его надевает, то он свистит, — заметил Мансайпл. Оглядев комнату, майор спросил: — Тиббет, вы уже со всеми знакомы? Так, это мой брат Эдвин у окна, разговаривает с моей невесткой Рамоной. Тот, который наливает себе виски — ее муж, мой брат Клод. Моя дочь Мод... а, вот ты где, милая. Мы как раз о тебе говорили. Будь хорошей девочкой и к ленчу повесь на тетю слуховой аппарат. А где Джулиан?

— Не знаю, — сказала Мод. — Сама голову ломаю.

— Ну, я не стал бы волноваться. Но дожидаться его к ленчу мы не можем. Я случайно узнал, что Вайолет приготовила нечто особенное.

Начавшийся разговор был резко прерван: из холла донесся глубокий гулкий звук — чем-то мягким и тяжелым колотили по полому медному предмету.

Епископ уронил кроссворд и вмиг вскочил на ноги.

— Ленч! — воскликнул он с энтузиазмом.

— Ленч, — сообщила леди Мансайпл своему мужу, вынимая из его руки стакан.

— Ленч, тетя Дора! — крикнула Мод старой даме.

— Ленч. Наконец-то ленч, — обратился к Генри майор. И добавил: — Такой гонг мой брат Эдвин привез из Буголаленда.

— Вот как?

— Слышен в джунглях за десять миль в погожий день. Замечательная штука. Ладно, ланч!

— Все на ленч! — объявила Вайолет Мансайпл, просовывая голову в дверь. — Джулиана ждать не будем.

— Ленч, Эдвин! — сказал брату сэр Клод.

— Мне кажется, мистер Тиббет, — произнесла тетя Дора с такой интонацией, словно сообщала важное известие, — что ленч подан.

— Да, — ответил Генри. — Я был готов предположить это.

Глава 3

Столовая имела вид, соответствующий остальной части дома. Красивый стол из красного дерева и набор изящных хепплайтовских стульев, сиденья которых нуждались в свежей обивке. Тяжелые серебряные приборы с гербом и кое-где расставленные резные предметы из уотерфордского стекла странно контрастировали с пластиковыми подставками и бумажными салфетками. Обеденный сервиз когда-то был дорогим «Кроун Дерби» с изображениями букетов на тарелках с золотым ободком, но почти на каждом предмете имелись щербинки, а некоторые элементы, например, тарелки для овощей, вообще отсутствовали и были заменены толстым и прочным белым фаянсом. Но Мансайплы этих аномалий совершенно не замечали.

На приставном столике расположились блюда из восхитительных овощей, собранных в садах Грейнджа. Как статисты в оперетте окружают примадонну, так они окружили пару бройлерных курочек, гордо лежащих на тарелке с электроподогревом. Проходя мимо приставного столика, майор Мансайпл просиял и потер руки:

— Ух ты, курятина? Настоящий пир!

— Да, — ответила Вайолет так, словно ей стало стыдно. — Боюсь, я была несколько расточительна. Это из замораживающего прибора «Риглиз» в Кингсмарше. Насколько я понимаю, они из Америки.

— Америка, о небо! — воскликнул изумленный епископ. — Пернатые из самой Америки! Вы только подумайте!

— Надеюсь, они хорошо получились, — озабоченно сказала миссис Мансайпл. — По

крайней мере, разнообразие после лосося. Вы только представьте, мистер Тиббет: Эдвин и Джордж за последнюю неделю поймали шесть больших лососей! Мы ели их на завтрак, обед и ужин, а если не лосось, то устрицы из дельты. Боюсь, что нам, обитателям сельской местности, трудно разнообразить рацион.

Прежде чем Генри успел собраться с мыслями для ответа, открылась дверь и, сопровождаемая высоким пронзительным звуком, вошла тетя Дора. Вокруг ее шеи была закреплена сложная система электропроводов и большой висячий предмет, похожий на транзисторный приемник. Следом за ней шла Мод, всем своим видом показывая, что ничего не может сделать.

— Опять свистит, — заключил майор Мансайпл.

— Я ничего не могу поделать, отец, — ответила Мод. — Она не позволяет мне его настроить.

— Тогда ради всего святого выключи его, — попросил сэр Клод. — Невыносимо слушать этот вой весь ленч.

— Хорошо.

Мод наклонилась вперед к тете Доре и чем-то щелкнула возле ее правого уха. Шум резко стих.

— Спасибо, милая, — сказала миссис Мансайпл. — Эдвин, если бы ты теперь...

Все встали, почтительно склонив головы, — каждый возле своего места. Генри последовал примеру остальных. Епископ прокашлялся, потом звучным голосом произнес длинное благословение на латыни. Прошла секунда почтительного молчания, потом радостный шорох придвигаемых стульев, и семья Мансайпл принялась за свой ленч. Майор взял большой нож с роговой рукоятью и начал расчленять обыкновенных жареных кур с таким плотоядным видом, будто это был толстый кусок говядины.

— Я смотрю, курятина, Вайолет, — сказала тетя Дора. — Роскошное угощение.

— Воды, тетушка? — спросила миссис Мансайпл, повысив голос. Не дожидаясь ответа, она стала наливать воду в стакан тети Доры, который отличался от других своей конструкцией и большей величиной. — Последний из прекрасного набора уотерфордского стекла Директора, — объяснила она инспектору. — Мы всегда ставим его тете Доре.

— Да, милая, немножко воды. И нет нужды повышать голос, как ты знаешь. У меня очень хороший слуховой аппарат.

Старушка одобрительно погладила молчащий транзистор.

Ленч шел своим ходом, и Генри решил не торопиться заговаривать о Реймонде Мейсоне. Но планы инспектора были нарушены его соседом, епископом, который неожиданно спросил:

— Вы интересуетесь Мейсоном, мистер Тиббет?

— Да, сэр, интересуюсь.

— Безумен, как шляпочник. Я вам это уже говорил перед ленчем.

— Ну, брось, Эдвин, — вмешалась миссис Мансайпл. — Я не думаю, что это справедливо.

— Дорогая Вайолет, если ты собираешься утверждать, что таким может быть поведение разумного человека...

— Я согласна, Эдвин, в тот день он вел себя очень странно. Но я убеждена, что это одиночный эпизод!

Епископ обернулся к Генри.

— Вот как это было, мистер Тиббет. Чуть больше двух лет назад я приехал из Буголаленда в отпуск в гости к Джорджу и Вайолет. Они сообщили, что Лодж купил этот Мейсон, но я, конечно же, еще его не видел. Ну так вот, я позвонил ему в дверь и попросил его одолжить полфунта маргарина, а он завопил что-то неразборчивое и захлопнул передо мной дверь!

— Ты бы объяснил насчет маргарина, Эдвин, — сказала Вайолет. — Видите ли, мистер Тиббет, в последний понедельник августа отмечался День летнего отдыха, все магазины

были закрыты...

Епископ перехватил нить рассказа:

— Вот-вот. А Вайолет обнаружила, что у нее нет маргарина. Я все равно собирался пройтись к реке искупаться перед ленчем. Помню, как раз переоделся в купальный костюм и надевал резиновые сапоги...

— Резиновые сапоги?

Генри очень старался скрыть удивление.

— Конечно. Чтобы добраться до реки прямым путем, нужно пройти через болото. Я как раз натягивал сапоги, когда Вайолет заглянула и попросила меня зайти в Лодж, чтобы одолжить маргарин у Мейсона. Я обратил внимание, что у меня уже зонтик и кларнет...

— Зонтик?

— Эдвин с детства подвержен солнечным ударам, — вставила Вайолет. — День был очень жаркий, а свой тропический шлем он легкомысленно забыл в Лондоне. Поэтому я настояла, чтобы он взял мой японский зонтик от солнца. Наверное, цветочный узор был для епископа слишком уж женским, но ведь не должен человек рисковать своим здоровьем? Вы согласны?

— А кларнет?

Инспектор уже перестал удивляться.

— А вы не знали? — Старик лучезарно улыбнулся. — Это мое страстное хобби — игра на кларнете. К несчастью, недостаточно успешное, и Вайолет не любит, когда я занимаюсь дома. В Буголаленде выйти поупражняться в джунгли очень просто — разве что наткнешься на буйволов, — но здесь уединение найти трудно. Так что раз я уже шел на безлюдный участок реки, то, естественно...

— Как бы там ни было, — сказала Вайолет, — я дала ему плетеную сеточку, чтобы в ней принести маргарин.

— Так что я пошел и позвонил в дверь этого приятеля...

— Минутку, — перебил Генри. — Хочу проверить, правильно ли я понял. Вы были в плавках...

— Ну что вы, конечно, нет! Я предпочитаю старомодные костюмы — штаны до колен, короткие рукава. Мне кажется, это больше подходит к моему сану и возрасту. Естественно, я не вышел бы на людный перекресток в таком наряде...

— Старомодный купальный костюм, — сказал Тиббет, — и резиновые сапоги. У вас в руках был цветастый японский зонтик, кларнет и сеточка. Вы позвонили в дверь Мейсона. Он понятия не имел, кто вы такой...

— Но я, естественно, первым делом объявил об этом. Как только он открыл дверь, я сказал: «Я епископ буголалендский, и мне нужно полфунта маргарина...»

— И что, — спросил Генри слабым голосом, — он на это ответил?

— Так в этом же все дело, дорогой мой. Он посмотрел на меня безумным взглядом, а потом сделал совершенно необычное заявление. Я его никогда не забуду. «А я вареное яйцо, — сказал он, — и мне нужен тостик». С этими словами он захлопнул дверь, и я услышал, как повернулся ключ. Но с тех пор я узнал, — торжествуя продолжал епископ, — что это известный бред умалишенных — воображать себя вареным яйцом. Разве не так, Клод?

— Я думаю, это давно известно, — ответил сэр Клод. — Рамона, передай картошку, пожалуйста.

— Но это еще не конец, — продолжал Эдвин. — Как бы ни были странны манеры этого человека, мне не хотелось возвращаться домой с пустыми руками. Поэтому я обошел дом и заглянул с веранды в стеклянную дверь кабинета, который ему приятно было называть своей библиотекой. Там он стоял и что-то пил — судя по виду, чистый виски. Я был, конечно, несколько смущен, но все же постучал в дверь зонтиком и помахал кларнетом. Мейсон меня увидел, жутко дернулся, уронил стакан на пол и попытался, кажется, забраться за софу. Я такого сумасшедшего поведения не видел с тех пор, как в году тридцать пятом один кухонный мальчишка в Алимумбе впал в буйство. Решив, что иметь дело с таким маньяком

небезопасно, я направился домой — увы, без маргарина. Я настаивал, чтобы Вайолет позвонила в полицию или доктору, но она была против.

— Какая необычная история, Эдвин, — сказала леди Мансайпл, не сводя с епископа больших черных глаз. — Этот человек явно был слегка не в себе.

— Просто сумасшедший.

— Вы больше никогда подобного не замечали, Вайолет? — спросила Рамона.

— Нет, никогда. Вот почему я думаю, что это было лишь разовое помрачение, о чем и сказала Эдвину.

— Ну, я не знаю, что ты подразумеваешь под «никогда», Вайолет, — продолжил старик. — В следующую нашу встречу, которая произошла в этом доме через несколько дней, он был, мягко говоря, необычен. Мейсон и Джордж сидели в гостиной и выпивали, когда вошел я. Этот человек снова резко дернулся и чуть не перевернул стакан. Тогда Джордж сказал: «А, Мейсон, вы знакомы с моим братом, епископом буголалендским?» Мейсон уставился на меня с тем же полоумным выражением на лице, потом спросил у Джорджа — не у меня, обратите внимание: «Вы хотите сказать, что он и правда епископ?». И это после того, как уже двое сообщили ему сей факт: я и Джордж. Не могу справиться с чувством, что ты, Вайолет, приглаживаешь факты, когда продолжаешь твердить, что он был нормален.

— Я начисто забыл об этом инциденте, — сказал майор Мансайпл. — Да, тогда все его выходки объясняются обычным безумием.

— Это не имеет отношения к тому, кто и зачем его застрелил, — произнесла тетя Дора своим громким надорванным сопрано.

— Это был несчастный случай, тетя, — ответил ей сэр Клод.

— Это не мог быть несчастный случай! — воодушевленно возразила старушка. — Напомню тебе, Клод, что там была я, а не ты. Вайолет, осталась еще курица?

— Боюсь, что нет, тетушка, — ответила смущенная миссис Мансайпл. — Ну, пора прибирать со стола. Мод, милая, пожалуйста, помоги мне. Остальные не беспокойтесь.

— Все было очень вкусно, миссис Мансайпл, — сказал Генри, передавая тарелку.

— В любом случае разнообразие после лосося, — ответила Вайолет, продвигая стопку грязной посуды через служебное окно в кухню.

Последнее утверждение никто не мог оспорить.

Ленч продолжался — бисквиты с вином и сливками, сыр, после чего все перешли в гостиную пить кофе. Епископ вернулся к своей газете, Вайолет и Мод удалились мыть посуду, а сэр Клод с женой стали обсуждать свои планы по наблюдению за птицами. Генри воспользовался возможностью поговорить с майором Мансайплом.

— Конечно же, дорогой инспектор. Я буду только рад — предлагаю свой кабинет в ваше полное распоряжение. С кем из нас вы хотели бы побеседовать сначала? А, понимаю. Хорошо, если вы мне позволите кое-что допечатать, то через пять минут я вернусь к вам. Может быть, вы захотите посмотреть мое стрельбище и вообще... я только скажу Вайолет...

Майор поспешно вышел. Епископ оторвался от газеты и обратился непосредственно к Тиббету.

— Теория Эйнштейна снова под огнем в Штатах в последнее время.

На этот раз Генри решил не позволять себе быть застигнутым врасплох.

— Так, думаем, — сказал он. — Теория Эйнштейна — релятивистская, ре. Последнее время — недавно. В Штатах — это, как я понимаю, США. Сколько букв?

— Прошу прощения?

Епископ уставился на собеседника поверх очков.

— Сколько букв?

— Букв? Очень много. Целых два письма в сегодняшнем «Таймс». Одно от профессора какой-то лаборатории в Алабаме, а другое от издательства научного журнала в Нью-Йорке. Оба нападают на выводы Эйнштейна. Старая история экспериментов 1923 года в Паломарской обсерватории. Полная чушь, ты согласен, Клод?

И тут же два брата, не обращая внимания на Генри, затеяли дискуссию о физике и метафизике, так что инспектор был рад, когда вернулся майор и объявил, что готов предоставить себя и все имущество в полное распоряжение гостя, и не угодно ли будет пройти в кабинет...

Когда дверь гостиной уже закрывалась за ними, Генри услышал, как епископ говорит Клоду театральным шепотом:

— Сперва Мейсон, теперь этот Тиббет... я ему рассказал про два письма в «Таймс», а он мне ответил весьма странным образом...

Кабинет майора Мансайпла выглядел еще более запущенным и замусоренным, чем весь остальной дом, но все же казался уютным и обжитым. Вдоль стен стояли книги в кожаных переплетах, на каждом корешке золотое тиснение — та же рука, сжимающая круглый предмет, что была выгравирована на столовом серебре.

Джордж Мансайпл проследил за взглядом Генри:

— Библиотека моего отца — точнее, то, что от нее осталось. У Директора было великолепное собрание, но мы многое распродали — в основном греческие и латинские тома. В классике, увы, никто из нас не разбирается. Грустно было смотреть, как книги постепенно исчезают, но нужно было место, да и... — Он не добавил «и деньги», но, как бы продолжая рассказ, пояснил: — Это герб Мансайплов. Рука, держащая мешок золота. Нечто вроде каламбура на тему фамилии, я полагаю: «мансайпл» — старинное слово, означающие «заготовитель» или «приобретатель». — Майор коротко засмеялся. — В наши дни звучит как сарказм. Но садитесь же, инспектор, и скажите, чем я могу быть вам полезен?

Они сели по разные стороны массивного викторианского письменного стола из красного дерева — под суровым взглядом Директора на большой ретушированной фотографии. Генри уже хотел ответить хозяину дома, но сообразил, что вопрос был чисто риторическим. Быстро переложив на столе какие-то бумаги, Джордж Мансайпл продолжал говорить:

— Я тут постарался для вас сделать кое-что подготовительное. Разнес по спискам имена людей, которые вчера присутствовали, отметил их мотивы, возможность и так далее. Вы именно так работаете?

— Я, — начал инспектор, — обычно...

— Начнем, — продолжил майор, будто его и не перебивали, — со списка обитателей дома на момент шести часов вчерашнего вечера. Вот ваш экземпляр. — Он подвинул Генри лист бумаги. — Я сам, моя жена, Эдвин, Клод, Рамона, Мод и Джулиан — это молодой человек Мод — и тетя Дора. Так, а вот второй список, который я озаглавил «Мотивы». Здесь все, у кого был стимул убить Мейсона. В нем, как вы увидите, числятся «Я сам, Вайолет, Мод, Джулиан и Мейсон-младший».

— Мейсон-младший? — переспросил удивленный Генри.

— Сын. Вы не знали, что у него есть сын?

— Вообще-то знал, — ответил Тиббет. — Детектив-инспектор Робинсон сегодня утром сказал, что у Мейсона есть взрослый сын от брака, расторгнутого много лет назад. Но я считал, что он ни разу не навестил здесь своего отца, и о его существовании почти никто не знает.

Генри закончил предложение с едва заметным вопросительным тоном, но Джордж Мансайпл не отреагировал. Он объяснил:

— Я включил его в список, поскольку он предположительно наследник своего отца.

— А каковы мотивы у других?

— Об этом позже, — сухо произнес майор. — Прежде я хотел бы, чтобы вы посмотрели на третий список, озаглавленный «Возможность». Как видите, в него включены «Я сам, Клод, Рамона и тетя Дора». У всех остальных имеется алиби. Если ознакомитесь с четвертым списком, то вам станет ясно, кто где был и чем занимался. Вайолет находилась в доме, звонила бакалейщику Ригли. Эдвин после отдыха у себя в комнате как раз спускался в

холл, когда Вайолет звонила по телефону, а Мейсон был застрелен. Мод и Джулиан гуляли вдвоем у реки, Мейсон-младший предположительно вообще был далеко от Крегуэлла. Так что я сказал бы, что эти списки должны вас навести на некоторую мысль.

— Да, — ответил инспектор. — Из них очевидно: в обоих списках есть только одно имя — ваше.

Майор Мансайпл просиял.

— Именно! Конечно! Ясно же, что я первый, на кого падает подозрение, правда? Ну, и еще, разумеется, вопрос о пропавшем пистолете.

— Пистолет не пропал, — возразил Генри. — Его нашли в кустах.

— Я говорю не о том пистолете, — нетерпеливо ответил майор. — Сержант Даккетт должен был вам сказать, что пару недель назад я заявил о пропаже пистолета.

— Да, — подтвердил инспектор. — Он мне сказал.

— Ну вот. Теперь делайте выводы.

— Сделаю, — заверил Генри. — Как я понимаю, пистолет был идентичен тому, из которого застрелили Мейсона.

— Это так. У меня их полдюжины — для упражнений в стрельбе. Вам стоит на них взглянуть, то есть на пять из них, точнее на четыре. Полиция, конечно же, забрала тот, из которого был убит Мейсон.

— Сержант Даккетт сообщил, что вы подали заявление о пропаже армейского пистолета десять дней назад.

— Верно. Как-то утром заметил, что его нет на стойке.

— Есть предположения, кто мог его взять?

— Да кто угодно, дорогой мой. Накануне заходил Джон Адамсон. Мейсон здесь был, искал Мод. В тот самый день они с Джулианом... в общем, он здесь присутствовал. Доктор Томпсон приходил осматривать тетю Дору. И викарий заходил поговорить с Вайолет насчет деревенского праздника. Бессмысленно меня спрашивать, что случилось с тем пистолетом. Я просто заметил, что его нет, и сообщил об этом.

Генри промолчал. А майор продолжал:

— Так не думаете ли вы теперь, что будь я виновен, то мог бы придумать историю о пропавшем пистолете, чтобы сбить вас с толку?

— Полагаю, могли бы.

— Ну, тогда на этом месте я закончу рассказ и отправлю вас в свободное плавание, — доброжелательно сказал Джордж Мансайпл и откинулся на спинку кресла. — Предложил бы начать с допроса меня, не забывая ни на минуту, что мои ответы могут быть ложью.

Тиббет заставил себя быть суровым.

— Это не игра, майор, — ответил он. — И не кроссворд.

— Кроссворд? — Мансайпл был шокирован. — Я никогда ими не увлекался. Не понимаю, откуда у вас мысль о моем пристрастии к кроссвордам.

Генри вздохнул.

— Оставим это. Расскажите о Реймонде Мейсоне и о своем столь сильном мотиве убить его.

— Вам это может показаться неубедительной причиной, инспектор, — ответил Мансайпл, — но этот человек меня преследовал, в том числе и в суде. Пытался выжить из моего собственного дома.

— Выжить?

— Конечно, я не могу доказать, но это было слишком очевидно. Начал он вполне цивилизованно: откликнулся на мое объявление о Лодже. Я решил, что Мейсон — весьма достойный человек. Помог ему переоборудовать Лодж и все такое. Потом, ни с того ни с сего, год назад, он пришел ко мне и сказал, что хочет купить вот этот дом и сделал крайне заманчивое предложение. Когда я отказал ему, Мейсон принялся время от времени повторять свое предложение. Я снова и снова ему говорил, что дом не продается ни по какой цене. Наконец, сосед начал вести себя несносно. Боюсь, у нас произошла неприятная сцена.

— Позвольте спросить, — поинтересовался Генри, — почему вы так решительно были настроены против продажи?

— Продать этот дом? Этот дом? — Майор был возмущен. — Подобное не может рассматриваться ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Я лучше умру с голоду — и Вайолет тоже. — Заметив несколько скептическое выражение лица инспектора, он добавил: — Наверное, будет лучше, если я объясню. Но придется начать издалека.

Глава 4

Джордж Мансайпл задумался.

— Даже не знаю, с чего именно. Наверное, с моего деда — отца Директора. Он был первым Мансайплом, приехавшим сюда из Ирландии. Настали тяжелые времена, ему пришлось продать семейный дом в Килларни и приехать в Англию на поиски счастья. Как это ни смешно, но он его нашел. К моменту смерти мой дед был состоятельным человеком, и отец получил очень приличное наследство. Я о деньгах, конечно. Ни дома, ни земли тогда не было. Отец всегда испытывал серьезную потребность обустроить здесь, в Англии, семейное гнездо, но у него не имелось оснований для такого поступка. Он был холостяком, а ко времени получения наследства — директором школы в Кингсмарше, где ему предоставлялся дом. Поэтому за ним и закрепилось прозвище — Директор.

— Вы хотите сказать, что до смерти своего отца он был холостяком? — уточнил Генри.

— Да, конечно. И большинство народу считало его убежденным холостяком. Но как известно, если падать, то серьезно. Когда ему было лет под пятьдесят, он съездил на каникулы в Ирландию и вернулся оттуда с невестой вдвое моложе себя. С моей матерью.

Образовалась пауза. Майор разжег трубку, потом выдвинул ящик стола, достал ретушированную фотографию и протянул ее Тиббету с застенчивой гордостью отца, показывающего фото своего первенца.

На фотографии изображена молодая женщина, смущенно стоящая возле большой аспидистры. Осиная талия, волосы собраны на макушке, затейливое шелковое платье украшает небольшой турнюр, низкий вырез прикрывает кружевная косынка-фишу. Поверх последней красовалось ожерелье из камней в форме миниатюрных папоротниковых кустов, под цвет сережек. Она была необычайно хорошенькой — со смелой, почти заигрывающей улыбкой на полных губах. Заметный контраст, заметил про себя Генри, с суровым взором Огастеса Мансайпла.

Майор будто прочитал направление его мыслей.

— Станный был брак во многих отношениях, но, полагаю, идеально счастливый. Боюсь, Директор избаловал жену. Он любил делать ей роскошные подарки — но поскольку он мог себе это позволить, какой тогда вред?

Мансайпл посмотрел на инспектора агрессивно, будто бы тот принялся критиковать его отца за щедрость.

— Насколько я могу судить, вреда никакого, — ответил Генри.

— Верно, никакого. Совсем никакого, — согласился, смягчившись, Мансайпл. — Ну так вот, прежде всего он купил для нее этот дом. Сам он, разумеется, должен был в течение семестра жить в школе, так что матери приходилось разрываться между Кингсмаршем и новым домом. Расстояние всего несколько миль, как вы, вероятно, знаете. Мы, дети, жили здесь весь год под надзором нянек и домоправительниц. Отец любил Крегуэлл-Грейндж, он был для него на первом месте — если не считать семьи.

Через пару лет после свадьбы родился Эдвин. Я появился через полтора года после него. Потом была пауза в шесть лет до появления на свет юного Клода. У матери сформировалось пристрастие к украшениям, и каждый новый младенец был поводом для по-

настоящему шикарному подарку от Директора. Действительно роскошные предметы: рубиновые и бриллиантовые гарнитуры, ожерелье в три нитки отборного жемчуга, кольцо с папоротникообразными алмазами, которое вы видите на фотографии. По моим предположениям, Директор потратил на украшения более двадцати тысяч фунтов. Шестьдесят лет назад это были большие деньги.

— Да и сейчас, — согласился инспектор, которого очень занимал вопрос судьбы этих сокровищ.

Мансайпл продолжал свой рассказ:

— Через два года после рождения Клода — мне было восемь, а Эдвину почти десять, — в семье был большой переполох. Я отлично это помню. Нас, детей, отправили к тете Доре в Бексхилл на полтора месяца и обещали, что когда мы вернемся домой, у нас появится новый братик или сестричка.

Я не знаю, что произошло. Директор никогда об этом не говорил. Знаю только, что ребенок родился преждевременно и мертвым. А мать умерла.

Отец так никогда и не оправился от случившегося. До женитьбы он был человеком довольно замкнутым, с людьми сходилась тяжело, но после свадьбы расцвел, стал общительным и почти веселым. Когда мать умерла, он снова спрятался в скорлупу. Хуже того, отец перестал доверять кому бы то ни было за пределами узкого семейного круга. Прежде всего врачам, которых обвинил в смерти жены. Потом недоверие распространилось на коллег в школе, на слуг в доме, и наконец — на друзей и соседей.

Конечно, мы, дети, были слишком маленькими, чтобы все это осознать. Тетя Дора продала свой коттедж и переехала сюда, вести дом. Я едва помню мать и нашу жизнь с ней. В памяти сохранилась золотая дымка — как длинный погожий летний день. А потом все переменялось.

Не то чтобы мы стали несчастны, нет. Тетя Дора была очень добра, а Директор — мы его боготворили, хотя слегка побаивались. Он горячо нас любил. Но... но постепенно отрезал себя от мира за границами дома.

Отец все больше и больше не доверял чужим. Он воображал, будто его биржевые брокеры его же и разоряют, что продавцы обманывают, врач лжет — ну, все в таком роде. В конце концов у него остался только один друг — его юрист, старый Артур Прингл. Они были знакомы со студенческих времен. Отец называл Прингла единственным честным человеком в Англии.

— А потом они оба погибли в автомобильной аварии, — сказал Генри.

— О, вы уже об этом знаете?

— Мне рассказал ваш брат.

— Да... Директор и бедняга старина Прингл в конце концов угробили друг друга. Ирония судьбы, правда? К несчастью, никого из нас не было в стране. Я находился в своем полку на Дальнем Востоке, Эдвин в Буголаленде, Клод в Нью-Йорке. Конечно, как только я услышал новость, то тут же подал в отставку и поспешил домой.

— Подали в отставку? — переспросил инспектор.

— Ну да! В этом же был весь смысл. — Мансайпл остановился. — Давайте я лучше объясню. Надо понимать, что с раннего возраста было ясно: Эдвин и Клод унаследовали отцовские мозги, ведь Директор был одним из лучших специалистов своего времени по классическим языкам. К его прискорбию, никто из нас не заинтересовался академической сферой. Эдвин свое миссионерское призвание осознал в раннем отрочестве, а Клод еще в детстве возился с химическими наборами. Я же умственные способности унаследовал от матери — увы, не ее внешний вид. Поэтому мне только и оставалось, что идти в армию.

Мансайпл говорил спокойно, без тени смущения. Он, очевидно, констатировал факт, издавна признанный в семье.

— На самом деле такое положение вполне устраивало Директора. Он был решительно настроен, что один из нас должен иметь свой дом в Крегуэлл-Грейндже. Эдвин очевидно этого себе позволить не мог, а Клоду предстояло жить там, где потребует его работа. Мне же

было совершенно все равно идти в армию или не идти — там занимались стрельбой и играли в поло, но в остальном, признаться откровенно, жилось скучно. Так что я подходил на роль владельца дома идеально.

Директор объяснил нам свои намерения за несколько лет до смерти. Он собирался оставить мне дом и основную часть денег, не говоря уже об украшениях матери, при том условии, что после его смерти я уйду из армии и буду жить здесь. Остальные сразу же согласились. Клод к тому времени уже значительно преуспел в своей профессии, а Эдвину в джунглях деньги были ни к чему.

После смерти отца огласили его завещание, и оно оказалось именно таким, как он говорил. Директор назвал Прингла своим душеприказчиком и оставил ему немного денег, но так как адвокат умер раньше отца, этот пункт был автоматически аннулирован. Из остального одна четверть сбережений делилась поровну между Эдвином и Клодом. Остальные три четверти переходили ко мне — вместе с домом, его содержимым, украшениями матери, хранившиеся в банке. Все это исполнялось при двух условиях. Первое — я должен на постоянной основе поселить здесь тетю Дору, и второе — жить в этом доме и поддерживать его в качестве родового гнезда, куда могут приезжать в любой момент братья со своими семьями. Завещание заканчивалось словами: «Я поручаю своему сыну Джорджу никогда не продавать это жилище, Крегуэлл-Грейндж, но передать его по наследству своим детям или же детям своих братьев. Для содержания настоящей недвижимости я оставляю ему вполне достаточные средства».

Майор замолчал.

— Итак, вы вышли в отставку и приехали сюда жить.

— Из ваших уст это звучит просто и коротко, — сухо ответил Джордж Мансайпл. — А на самом деле все было совсем не так. Когда завещание вступило в силу, мы начали работу по приведению отцовских дел в порядок. Это был кошмар. Он доверял только Принглу, и, видимо, ему была дана инструкция вести как можно меньше отчетных документов. Задолго до того отец отказался принимать чьи-либо советы и управлял делами сам. Если тут уместно слово «управлял». Чтобы долго не рассказывать — а этот рассказ очень долгий, Тиббет, могу вас заверить, — мы выяснили, что Директор промотал большую часть своего состояния на диких биржевых спекуляциях.

Брокер, который вел его дела, перестал этим заниматься много лет назад, поскольку выяснилось, что если он рекомендовал отцу купить хорошие акции, тот немедленно распродал весь свой запас и вкладывал деньги в самые ненадежные бумаги, от которых брокер его предостерегал. Директор был уверен, что все пытаются его обмануть. Здравому смыслу хватило, чтобы сохранить несколько разумных инвестиций, но они не были даже подобием того состояния, к ожиданию которого он нас готовил.

Так что акции были проданы, Клод и Эдвин получили свои скудные доли, а остаток разумно реинвестировали. Все это в сумме с моей небольшой армейской пенсией приносило денег едва достаточных, чтобы жить здесь с семьей. Но этих средств не хватало для поддержания прежнего образа жизни. Казалось, единственный выход — продать оставшиеся от матери драгоценности.

Мансайпл снова замолчал.

— Я бы сказал, это разумная мысль. В условиях завещания не было ничего, что помешало бы вам так поступить.

— Я тоже так подумал. Пошел в банк, открыл сейф и отнес его содержимое крупному лондонскому ювелиру для оценки. Представьте себе мои чувства, когда я узнал, что все драгоценности — подделка. Стекло.

— Боже мой! — воскликнул ошеломленно Генри, определенно не ожидающий подобного развития событий.

— Я вернулся и расспросил управляющего в банке. Оказалось, что лет за десять до своей смерти Директор заимел привычку время от времени заходить в банк и открывать сейф. Естественно, никто не видел, какие манипуляции он там производит. Однажды

управляющий позволил себе спросить, не изменился ли список вложений, — и ему чуть голову не откусили. Потом я нашел в бумагах отца квитанции от одного лондонского ювелира. Я посетил его, и оказалось, что много лет подряд Директор приносил ювелиру по одной настоящие драгоценности и заказывал их копии. Естественно, строго секретно. Видимо, он подменял подлинные драгоценности поддельными и первые продавал.

— Тогда, — начал инспектор, — он не мог не знать, что оставляет вам всего лишь ничего не стоящие...

— О да, — вздохнул майор. — Он это знал. Полагаю, отец просто не смог заставить себя все рассказать мне, бедняга. Рассчитывал прожить намного больше, чем получилось, и, наверное, надеялся, что какая-нибудь из его безумных спекуляций окажется выигрышной и вернет ему утраченное состояние. Вообще-то в больнице перед смертью он звал меня. Врач сообщил мне. Очевидно, Директор был уже не совсем в сознании, но пытался что-то сказать. Очень печально.

Понимаю, вы могли бы сказать, что в таких обстоятельствах я уже не был обязан сохранять дом, несмотря на завещание. Действительно, мои адвокаты говорили, что теперь препятствий к продаже не будет. Но... в общем, я поговорил с Вайолет и с братьями, и мы согласились, что если это будет посильно, то пожелания Директора нужно выполнить.

Мне пришлось продать большие участки земли, в конце концов даже сам Лодж, а также лучшие предметы мебели и картины, не говоря уже о библиотеке отца. Но, знаете ли, мы справляемся. Нам удастся.

Хочу еще сказать, что никогда не пожалел о своем решении остаться здесь. Ни на одну секунду. Сейчас мы миновали пик трудностей. Моя дочь Мод — унаследовавшая, к счастью, мозги, которые мне не достались, — наконец закончила дорогостоящее образование и нашла хорошую работу. Так что положение, как видите, выправляется.

Что до меня — то я достиг того, чего хотел. Здесь выросла Мод, и когда меня не станет, она и ее муж унаследуют дом и вырастят в нем своих детей. Теперь вы понимаете, мистер Тиббет, почему я отверг предложение Мейсона.

— Да, — медленно ответил Генри. — Да, майор Мансайпл, теперь понимаю. Чего я не могу постичь — это почему Реймонд Мейсон так отчаянно пытался купить этот дом?

Майор заерзал в кресле, чувствуя едва заметную неловкость.

— Мне не хотелось бы такое говорить, Тиббет, но этот человек был выскочкой. Как я уже говорил, сначала он показался мне приятным, но такие люди, как Джон Адамсон, его не принимали никогда. Понимаете, Мейсон любил пускать пыль в глаза. Например, когда однажды он заметил Джона, идущего к Лоджу, то быстро сунул дешевый роман в бумажной обложке под подушку и выхватил какой-то ученого вида том в кожаном переплете, сказав: «А, сэр Джон! Я тут Горация почитываю». Джона такие вещи раздражали, — но он все же немного сноб, мне кажется. Хотя надо быть снисходительнее. А деревенские жители... они не относились к Мейсону как... — Мансайпл прокашлялся. — Вы же знаете, что такое деревенские. Хуже снобов нигде не найти. Думаю, Мейсон считал, что если он станет хозяином поместья Крегуэлл-Грейндж, им придется относиться к нему, как к настоящему землевладельцу.

— Но он наверняка мог купить большой сельский дом в любом месте Британии, — заметил инспектор.

Мансайпл улыбнулся и покачал головой:

— О нет. Видит бог, нет. Подобный номер не прошел бы. Заметно, что вы не знали Мейсона, иначе не сомневались бы: единственная вещь, с которой он вряд ли мог смириться, — это поражение. Крегуэлл должен был быть завоеван. Я никогда не видел столь целеустремленного человека. Будто сам дьявол повелевал им. — Генри показалось, что ирландский акцент стал более очевиден. — А какие здесь имеются большие дома? Вот, скажем, Кингсмарш-Холл, где с шестнадцатого века был трон графов Фенширских, Мейсон вряд ли мог купить. Есть Прайорсфилд-Хаус, но при нем несколько сот акров пахотной крестьянской земли, а Мейсон становиться фермером не собирался. Таким образом, остается

только Крегуэлл-Мэнор, дом Джона Адамсона, и вот этот. Джон — человек богатый, и не планирует продавать дом. В то время как я казался вполне перспективным вариантом.

— Понимаю вас, — сказал Тиббет.

Они переглянулись — и посторонний наблюдатель мог бы подумать, что собеседники подмигнули друг другу.

— Так что, — продолжал Мансайпл, — мистер Реймонд Мейсон вбил себе в голову, что купит Крегуэлл-Грейндж. И тут выяснилось, что дом не продается. Как думаете, что он сделал?

— Предложение вашей дочери, — ответил Генри.

— Нет-нет. Это было потом. Следующим его ходом явилась кампания судебных преследований, направленных против меня. Мейсон попытался обеспечить мне настолько несчастную жизнь, чтобы я уехал по собственной воле.

— А какого рода преследования?

— Любого, который только возможно придумать. Прежде всего — этот крохотный гараж, который мне построил Гарри Симмондс для машинки Мод. Он попытался доказать, что у меня нет права возводить новые строения на этой земле. Потом Мейсон откопал какое-то правило прохода через поля из деревни к реке и обвинил меня в том, что я его нарушаю. К счастью, мне удалось доказать, что ни одна живая душа не пользовалась им уже сотню лет. Все это было очень неприятно. Затем он начал поднимать шум вокруг моего стрельбища. Мейсон отлично знал, что мое самое большое хобби — стрельба по глиняным тарелочкам. Они дьявольски дороги, и я придумал устройство для их имитации — потом вам покажу. В общем, это стрельбище у меня построено в саду, за несколько миль от коттеджа Мейсона, но он все равно стал жаловаться насчет шума и опасности. Подавал петиции в совет. Ну, тут я его опередил — просто позвонил Джону Адамсону и Артуру Фенширу, и петиции не был дан ход. Но все равно, приятным это не назовешь. Далее Мейсон стал жаловаться на меня сержанту Даккетту за езду на велосипеде без фонарей и с дымящимися трубами. Возражал против моих компостных куч, утверждал, что у меня нет лицензии на щенка-боксерса — а девчонке этой всего три месяца от роду. Трудно описать, что мне пришлось вытерпеть от этого человека, Тиббет. Вот почему я так быстро связался с Даккеттом, когда у меня пропал пистолет. Ведь Мейсон мог сам его взять, а потом донести на меня, будто я не сообщил о пропаже.

— Я думал, в последнее время положение улучшилось, — сказал Генри.

— Я бы не сказал «улучшилось», — мрачно ответил Мансайпл. — Со сковородки да прямо в огонь. Обнаружив, что его нечестные планы не срабатывают, он изменил тактику на еще более неприятную. Вдруг стал очарователен, дружелюбен — добрый сосед. Говорил комплименты моей жене, приносил ей растения для альпийского садика, и тому подобное. Потом выяснилось, что так он ухаживает за Мод. Можете себе представить подобную наглость? Он даже сделал ей предложение!

— Она очень привлекательная юная девушка. Могу понять человека, влюбившегося в нее.

— Влюбившегося? Будь оно проклято! — Майор вышел из себя. — Этот тип просто рассчитал, что подходящая жена будет еще эффективнее, чем желанный дом. Он знал, что когда-нибудь моя дочь унаследует особняк. Конечно, Мод просто засмеялась и ответила, что уже неофициально помолвлена с Джулианом. Вы еще Джулиана не видели?

— Пока нет, — ответил Генри.

— Чудесный молодой человек. Но даже это известие не остановило Мейсона. Он продолжал преследовать мою дочь.

— Я думаю, она была вполне способна с ним разобраться, — сказал инспектор. — Мисс Мансайпл произвела на меня впечатление отнюдь не беспомощной особы.

— Вот что забавно, — возразил Джордж. — Я был готов сказать то же самое. Но в последние дни у меня возникло ощущение, что она боится Мейсона.

— Боится?

— Да. Вам придется самому ее об этом спросить. Мне бы не хотелось... понимаете, это все достаточно неловко. Десять дней назад у Джулиана была крупная ссора с Мейсоном, и он угрожал...

— Угрожал, что сделать, майор Мансайпл?

— Да ничего. Это просто оборот речи. Молодой человек только предупредил его достаточно резко, и сказал, что если он снова будет надоедать Мод, то...

И снова майор запнулся. Генри, широко улыбнувшись, ответил:

— Вполне представляю себе их диалог. К счастью, такие угрозы редко произносятся всерьез, иначе число убийств было бы куда больше. Тем не менее сейчас я понимаю, почему вы поместили Мод и ее жениха в список людей, имеющих мотив.

— Ну, вот, — заключил Мансайпл. — Таково положение вещей.

— Вы внесли в список «Мотивы» миссис Мансайпл, — сказал инспектор. — Почему?

— Почему? Ну как, почему? Потому что она моя жена, конечно. У нее те же причины, что и у меня.

— Понимаю, — ответил Генри. — А теперь расскажите, пожалуйста, что произошло вчера? То, что видели вы.

— Очень немного могу рассказать. Я пригласил братьев на выходные знакомиться с Джулианом. Эдвин приехал в четверг и почти всю пятницу провел на рыбалке.

— И в игре на кларнете?

— Да, это тоже. Удивительно, что Мейсон не жаловался по данному поводу. Я вчера провел день в саду, на прополке, и видел, как возвращается с реки Эдвин, около пяти часов пополудни. С ним был кларнет и добыча — прекрасная форель. Жаль только, что кларнет он положил в корзину для рыбы, а форель — в футляр кларнета. Впрочем, Вайолет говорит, что футляр можно будет спасти. Эдвин сказал, что пойдет к себе в комнату вздремнуть — «ухо придавить», как говорят у них в Буголаленде, и прошел в дом.

Клод и Рамона приехали из Бредвуда поездом 15:45. Местное такси их довезло до Крегуэлл-Холла. Когда они распаковались — где-то в половине пятого, то пошли в сад и сказали, что немножко там погуляют. Рамона что-то говорила насчет «подружиться с деревьями», чего я не понял. Вот поэтому они помещены в список «Возможность», как видите.

Примерно в половине шестого я услышал рев этой огромной безобразной мейсоновой машины, подъезжающей к дому. Разговаривать с этим человеком у меня не было желания, так что я взял пистолет из гардеробной и как можно скорее ушел на стрельбище. Встретил Мод и Джулиана, которые шли от реки. «Я пока домой не пойду, — сообщил я им. — Там сами знаете, кто приехал только что на своем ‘мерседесе’».

Мод сразу побледнела, бедняжка, а Джулиан очень разозлился. «Сейчас пойду его выставлю, — сказал он. — Нет, милый, — возразила Мод, — будь разумен. Пойдем опять к реке и не будем возвращаться, пока он не уедет». Ну, Джулиан рвался в бой, но Мод его в итоге убедила, и они повернули обратно.

Я пошел дальше к стрельбищу, немного потренировался, все время прислушиваясь, не уехала ли машина. И, как следовало ожидать, где-то через час завелся двигатель. «Отлично, — подумал я. — Сейчас вернусь в собственный дом и спокойно выпью пива».

— Вы слышали, как у Мейсона заглох двигатель?

— Не совсем. То есть я слышал, что шум прекратился, но не знал, что это заглох двигатель, — решил, Мейсон уехал. Потом был выстрел, который меня очень удивил. Мой пистолет находился при мне, а вне стрельбища не разрешено стрелять никому. Я испугался, что произошел несчастный случай, и поспешил к дому прямым путем, то есть через кусты и на дорожку. Там я увидел машину с открытым капотом, а рядом с ней на земле лежал Мейсон.

— Больше вы никого не видели?

— Только тетю Дору. Она шла по дорожке от дома, размахивая своими чертовыми, простите за выражение, брошюрами. И кричала: «Мистер Мейсон!» Потом из дома вышли

моя жена и Эдвин.

«Что случилось?» — спросила Вайолет. «Судя по всему, застрелили Мейсона», — ответил я. «Джордж, что ты натворил?» — воскликнула она. Я ответил: — «Вайолет, не будь душой. Я ничего не творил. Иди позвони доктору Томпсону». И она пошла и позвонила.

Генри в процессе рассказа майора что-то писал в блокноте. В наступившей тишине он заполнил страницу и провел внизу черту.

— Насколько убедительно звучал мой рассказ? — спросил Мансайпл.

— Вы же не думаете, что я вам об этом сообщу? — ответил Тиббет и посмотрел на часы. — Становится поздно. Давайте пойдем и посмотрим на ваше знаменитое стрельбище.

Глава 5

Когда они шли через холл, майор Мансайпл спросил:

— А вы сами хорошо стреляете? — Генри не успел ответить, как тот добавил: — Ну конечно же, глупый вопрос. Входит в ваше обучение. Возьмем пару пистолетов.

Майор исчез за массивной дубовой дверью и тут же появился с двумя пистолетами. Один из них он протянул инспектору.

— Я хочу, — сказал Мансайпл, — показать вам мое маленькое изобретение. Тешу себя мыслью, что оно действительно остроумно. Отличная имитация птицы в полете. Местные теннисные клубы охотно идут навстречу.

Генри ничего не понял и ответил:

— Я полагаю, вы тут часто стреляете?

— Конечно. Кажется, я говорил, что провожу на стрельбище не менее часа в день.

— Я имел в виду дичь. Фазаны и...

— Дичь? — Майор был искренне возмущен. — Конечно же нет! Я решительно осуждаю кровавый спорт — кроме рыбалки, которая совсем другое дело. Могу вас заверить, сэр, что ни одна птица и ни один зверь не являются на моей земле мишенью. Если вы намерены убивать или наносить увечья живым существам ради забавы, то вы не туда приехали. Идите к варварам вроде Джона Адамсона.

Майор густо покраснел и тяжело дышал.

— Приношу свои глубочайшие извинения, мистер Мансайпл, — ответил Генри. — Я не хотел вас расстраивать. На самом деле мне тоже не нравится подобный спорт. Просто тот факт, что вы так сосредоточены на стрельбе...

— Все нормально, Тиббет, — смягчился майор. — Сюда, пожалуйста. Вниз по лестнице и через кусты. Наверное, мне стоило бы объяснить. Когда я служил в армии, у меня случился кризис совести. Единственной стороной моей профессии, которая мне действительно нравилась и в которой я преуспел, была снайперская работа. И однажды, когда мы с приятелем тренировались в стрельбе в саду при офицерской столовой, он вдруг сказал: «А теперь смотрите, Мансайпл!» — и подстрелил обезьянку. Вам случалось убивать обезьяну, Тиббет?

— Нет, — ответил Генри.

— Они кричат как дети. Они... — майор прокашлялся. — В общем, это не важно. Но с этой минуты я понял, что никогда не подниму оружия против живого существа. Вот почему я был так рад уйти в отставку.

— Я тут думаю, — сказал инспектор, — не пытаетесь ли вы меня убедить, что ни за что не стали бы стрелять в Мейсона.

Хозяин поместья посмотрел на собеседника искоса и оглушительно расхохотался.

— Наверное, да, — сказал он весело. — Наверное, да. Но мы пришли.

Стрельбище оказалось унылым местом. Фактически это была пустая полоса земли, уходящая под уклон от восточной стены дома. В дальнем конце стояла двадцатифутовая бетонная стена, изрытая дырами от множества выстрелов. Перед ней находились четыре загадочных ящика на расстоянии нескольких футов друг от друга, соединенных чем-то вроде

бечевки.

— Выстрелите пару раз? — спросил майор.

— Нет, спасибо, — ответил Генри. — Я лучше на вас посмотрю.

— Как хотите. В таком случае отойдите назад, к стене дома. Итак...

Джордж Мансайпл подошел к ряду ящиков и наклонился к самому левому. К удивлению Тиббета, он вытащил из кармана зажигалку и поджег бечевку. Потом встал и пошел обратно, туда, где находился инспектор.

— Фитиль, — коротко объяснил он. Потом встал в стойку и прицелился.

— Но что...

— Тихо, прошу вас!

Генри замолчал. Он внимательно смотрел, заинтересованный зрелищем, как постепенно пламя фитиля подходит к ящику все ближе и ближе. И вдруг, без сигнала или предупреждения, случилось что-то вроде беззвучного взрыва. Крышка ящика распахнулась, и изнутри, как черт из табакерки, вылетел вверх небольшой круглый предмет. В тот же момент майор выстрелил, и предмет будто взорвался в воздухе. Тиббет не успел ничего сказать, потому что абсолютно то же самое случилось со вторым ящиком. Снова грянул выстрел, но летающий предмет продолжил свое движение невредимым и упал на землю.

Майор едва успел сказать: «Черт побери, промах!», — как сработали третий и четвертый ящики. Тут же прозвучали два резких выстрела. Мансайпл повернулся к Генри:

— Три из четырех, — сказал он. — Неплохо, в общем. Пойду заряжу новые.

Инспектор пошел вслед за хозяином к стене в конце стрельбища. Там, в жесткой траве, лежал предмет, избежавший смертельного выстрела. Генри подошел к нему с некоторым трепетом и увидел, что это всего лишь старый теннисный мяч.

Майор поднял его с земли.

— Местный теннисный клуб отдает их мне даром, как я вам уже говорил. Играть ими уже невозможно, хотя мячи еще вполне упругие. Как раз подходят для катапульти Мансайпла.

— Но как же это устроено? — спросил Тиббет.

— Очень просто. Прочный деревянный ящик, крышка привязана бечевкой. Внутри мощная пружина, на которую кладется мяч. Фитиль медленно догорает до бечевки, давая мне время вернуться к пистолету. Бечевка перегорает, крышка распаивается, пружина выталкивает мяч. А тем временем фитиль догорает до следующего ящика. Как вам?

— Поразительно, — тихо сказал Генри. — Кажется, вы говорили, что фамильные мозги вам не достались?

Майор был польщен, но ответил так:

— Одно дело — мозги, другое дело — умение работать руками. Вот, например, Клод. Он бы такого не придумал: руками ничего делать не умеет. Но дайте ему пару страниц математических формул... Да, я себе льщу, полагая, что мои катапульти — остроумная находка. Сохранились все достоинства глиняных тарелочек, исключая их заоблачную стоимость. — Говоря все это, хозяин убирал четыре использованных ящика и ставил новый набор, извлеченный из обветшалого сарая у края стены.

— Значит, — сказал инспектор, — этим вы и занимались, когда Мейсона застрелили.

— Не совсем, — возразил Мансайпл. — Я действительно ставил новую четверку, когда услышал запущенный мотор и решил вернуться в дом. Теперь, если вы отойдете подальше назад, я попытаюсь при вас выбить четыре из четырех.

На этот раз все четыре теннисных мяча разлетелись в воздухе, и майор довольно улыбнулся.

— Совершенство достигается тренировками, — сказал он, предвосхищая комплимент.

— Это стрельбище... — нерешительно произнес Генри. — Оно совершенно безопасно?

— Безопасно? Ну конечно же. — Мансайпл опять начал багроветь. — Если какой-нибудь сумасшедший не обернется и не выпалит вместо мишени в сторону дома. Это то, о чем твердил Мейсон — ушедший в сторону выстрел. А я вас спрошу, сэр: есть ли тогда

вообще что-то безопасное? Ведь опасны: автомобиль, если направить его в пропасть; окно, если из него выброситься; подушка — ею можно себя задушить. И я вам еще кое-что скажу, Тиббет. — Майор потряс перед лицом Генри костистым пальцем. — Человек, убивший Реймонда Мейсона, намеренно пытался дискредитировать мое стрельбище!

— Что вы хотите этим сказать?

— Неуклюжая попытка, — ответил Джордж Мансайпл, — представить дело так, будто человека случайно убили при стрельбе в цель. Я убил.

— Вы знаете кого-нибудь, кто желал бы этого?

— Никого. Кроме, конечно, самого Мейсона.

Майор коротко рассмеялся лающим смехом.

— Тем не менее, — уточнил инспектор, — вы хотите сказать, что выстрел, убивший Мейсона, мог быть сделан со стрельбища?

— Да, это возможно.

— Но, — продолжал Генри, — это значило бы, что стрелок отвернулся от мишени, хотя такое маловероятно. Не говоря уже о том, что пистолет был найден в кустах возле входной двери. А любой выстрел, сделанный со стрельбища, был бы произведен лишь наугад. Видеть дорожку мешают кусты.

— Вы здравомыслящий человек, что бы там ни думал Эдвин, — заметил хозяин. — Я рад, что вы поняли смысл моего утверждения.

— Да, — медленно произнес Генри. — Кажется, понял. Спасибо, что показали мне стрельбище.

— Приятно слышать. Ладно, давайте лучше вернемся в дом. По-видимому, вы хотите поговорить с Вайолет.

Генри посмотрел на часы.

— Уже почти шесть, — сказал он. — Завтра будет вполне достаточно времени.

Вайолет Мансайпл встретила их в холле в состоянии некоторого возбуждения.

— А, наконец-то вы! Я тебя всюду искала, Джордж. Мистер Тиббет, вас спрашивает какой-то сержант. Он ожидает в утренней гостиной. Наверное, вам нужно с ним поговорить? Чай, боюсь, уже остыл, я его приготовила довольно давно, но не хотела вас беспокоить. А щенок болеет. Боюсь, Рамона опять накормила собачку, хотя я ее просила этого не делать. Джулиана нигде не видно, и Мод начинает беспокоиться. О господи, опять телефон...

Она убежала прочь, а майор сказал:

— Женщины. Боюсь, они всегда склонны устраивать суматоху.

— Все это означает дополнительную работу для вашей жены, — заметил Генри.

— Работу? — Джордж Мансайпл произнес это слово так, будто впервые его услышал.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ну... готовка, мытье посуды, стирка, лишние люди в доме...

— А, по хозяйству! Да, наверное, у Вайолет появятся некоторые дополнительные дела.

— Она здесь со всем управляется совершенно одна?

— Да, теперь я понял ваш вопрос. Обычно приходит два раза в неделю старая миссис Радж, но ее сейчас нет в Кингсмарше, она у больной дочери. Бог знает, когда мы увидим ее снова.

— А сколько слуг здесь было в прежние дни?

— В прежние дни? — Лицо майора осветилось довольной улыбкой, как всегда при воспоминании о золотом прошлом. — Сейчас припомню: кухарка, конечно, Джемисон, дворецкий, в доме — горничная и официантка. Для работы вне дома Директор держал двух садовников и мальчишку. И все были очень довольны.

— Получается, ваша жена выполняет работу четырех человек?

Джордж Мансайпл был удивлен и в немалой степени оскорблен.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — ответил он. — Это всего лишь домашнее хозяйство. Вайолет не прислуживает за столом, не разносит горячую воду по спальням по утрам, как полагается официантке или горничной. Работа? Вайолет никогда в жизни не

работала. Она — моя жена, и смею вас заверить, сэр, что ей ни при каких обстоятельствах не приходилось зарабатывать своим трудом — это то, что я понимаю под словом «работа». Боже мой, так каждый решит, что ее эксплуатируют — как фабричную работницу викторианских времен.

Майор замолчал, тяжело дыша, будто прогоняя подобные подозрения. Потом показал на одну из дверей и сказал:

— Ваш человек ждет там.

Сержант извинялся, что побеспокоил инспектора, но он полагал, что последнему следует знать: Фрэнк Мейсон, сын покойного, приехал в Крегуэлл и требует немедленной встречи с Генри. Он, честно говоря, несколько криклив и невоспитан, выдвигает некоторые дикие обвинения... а еще (сержант с облегчением сменил тему) есть определенная техническая информация.

В частности, пуля, убившая Мейсона, абсолютно точно была выпущена из пистолета, найденного позже в кустах. После тщательного изучения на «мерседесе» ничьих отпечатков пальцев, кроме хозяйских, обнаружено не было: они отчетливо определялись на выключателе, блокирующем подачу топлива. И, наконец, сержант осведомился, не нужна ли инспектору стенографистка. Он подумал, что, проводя допросы в Крегуэлл-Грейндж...

Генри улыбнулся:

— Думаю, на сегодня я сделал здесь уже достаточно. Сейчас кое-что запишу для памяти, а потом пойду в Крегуэлл-Лодж и поговорю с молодым мистером Мейсоном.

— Я прослежу, чтобы он вас дождался, — ответил сержант. И добавил: — У вас тут... все нормально, сэр?

— В каком смысле?

— Ну... — Молодой человек смутился. — Тут есть некоторые забавные типы. Не совсем в своем уме, на мой взгляд.

— Правда? — спросил Тиббет невинным голосом.

— Когда я ждал вас здесь, заходил высокий тощий старый джентльмен, одетый очень неряшливо, но в накрахмаленном воротничке. «Вы полисмен?» — спрашивает. — «Да, сэр», — говорю я. «Тогда вы должны это уразуметь», — обращается он ко мне. И начинает что-то нести про ленивых полисменов и говорить, что кому-то нужна помощь. Я подумал, он жалуется...

— Зоологический лентяй, полисмен, — сказал Генри с непонятной радостью. — Вам нужна помощь.

Сержант, казалось, серьезно встревожился.

— Именно это он и сказал. А я ему ответил...

— Три буквы, — перебил инспектор. — Начинается с трехпалого ленивца, эй-ай...

Молодой человек уже стоял на ногах и медленно направлялся к двери.

— Ну, да... я к тому времени уже уходил, сэр...

— Ди — пенни, медная монетка, коппер. Коп — полисмен.

В этот момент за спиной у сержанта открылась дверь, и послышался глубокий красивый голос Рамоны Мансайпл:

— А, мистер Тиббет! Я принесла вам морозник и льянку, а вы мне шесть пенсов должны. Вы знаете, что Джордж опять залез на свое дерево?

Сержант с тихим стоном исчез. Генри принял школьный гербарий с подобающей благодарностью. На первой странице Рамона изящным курсивом написала: «Генри Тиббет, гербарий полевых цветов», а ниже: «Цветок за цветком весна наступает».

— Очень любезно с вашей стороны, леди Мансайпл.

— Никакой любезности. С вас шесть пенсов за книжку.

Генри достал шестипенсовик, и Рамона сунула его в карман своего плаща.

— Я слышала, вы хотите поговорить с Вайолет, — сказала она.

— Только завтра.

— Ради всего святого, не пускайте ее к скальным растениям. Это был ваш человек?

— Тот, которого вы здесь застали? Да.

— Станный какой-то. Выскочил как ошпаренный. Вам надо его научить хорошим манерам.

— Я постараюсь, леди Мансайпл.

Рамона проводила инспектора до дверей, и он уже прощался с ней на крыльце, но тут на дорожке показался быстро шагающий молодой человек. Когда последний проходил под платаном, раздался рев:

— Джулиан!

Молодой человек резко остановился и в некотором изумлении огляделся.

— На дереве, Джулиан! — крикнула ему Рамона. — Это Джордж!

Обращаясь к Генри, она добавила:

— Это Джулиан, жених Мод. Я рада, что он вернулся.

— Где вы были, Джулиан? — прозвучал сверху голос майора Мансайпла.

Новоприбывший после непродолжительной паузы ответил:

— Мне пришлось съездить в Лондон по делу, майор Мансайпл.

— В Лондон? Туда и обратно за один день? Никогда о подобном не слышал. Почему вы не сказали Мод?

— Я... у меня была причина, сэр. И вообще-то я отсутствовал всего несколько часов.

— Пропустили курятину на ленч, — догматическим тоном сообщил майор. Кажется, он подразумевал, что это само по себе достаточное наказание за неправильное поведение, потому что голос его смягчился: — И полисмена.

— На ленч?

— Да. Некто по фамилии Тиббет. Неплохой парень, хотя Эдвин не счел его особо разумным.

Генри почувствовал, что сейчас самое время прервать разговор, пока он не стал слишком личным. И сказал вслух:

— До свидания, леди Мансайпл.

Он быстро спустился по лестнице, подошел по дорожке к платану.

— Всего хорошего, майор Мансайпл! — сказал инспектор в листву. Потом обратился к молодому человеку: — Вы, очевидно, мистер Мэннинг-Ричардс. Моя фамилия Тиббет, я из Скотленд-Ярда.

— Чрезвычайно рад познакомиться, сэр, — ответил Джулиан.

Вблизи Генри разглядел темноволосого, загорелого, с темно-голубыми глазами и обаятельной улыбкой парня. Он подумал, что Джулиан с Мод, должно быть, очень красивая пара.

— Я полагаю, — продолжал молодой человек, — что вы приехали в связи с этой ужасной историей с Реймондом Мейсоном.

— Да, именно так.

— Я... — Молодой человек замялся. — Мне бы хотелось сказать вам пару слов, сэр. Видите ли, я...

— Что там такое? Что вы там мямлите? — голос майора звучал обидчиво. — Выкладывайте начистоту!

— Я завтра утром приеду и буду беседовать с каждым, — сказал инспектор.

И быстро пошел по дорожке к своей машине.

— Конечно, — сказала Изабель Томпсон, — они совершенно сумасшедшие. По-своему очаровательные, но безумцы. Еще чаю?

— Спасибо, — ответила Эмми Тиббет. Потом засмеялась и добавила: — У Генри удивительная способность все время сталкиваться со странными личностями. Я думаю, ему это нравится.

Изабель, наливая чай, задумалась. Потом заметила:

— Мансайплы невероятно забавный народ, конечно, если тебе не нужно добиться от

них чего-нибудь толкового.

— Но ведь на самом деле они не сумасшедшие? — спросила Эмми. — Ну, в медицинском смысле?

— Боже сохрани. Они талантливы. Сэр Клод возглавляет научно-исследовательскую лабораторию по атомной физике, Мод просто обвешана почетными дипломами первой степени, а Эдвин — епископ, или был им до ухода в отставку. Конечно, Джордж и Вайолет — не интеллектуальные гиганты, но все же...

— Огромная семья у них, — сказала миссис Тиббет. — Они все живут здесь, в Крегуэлл-Грейндже?

— О нет, конечно же. Семья собралась проверять на «вшивость» молодого Джулиана Мэннинг-Ричардса.

— Что собралась с ним делать?

— Познакомиться с ним и одобрить, прежде чем они с Мод официально объявят о помолвке. Пока она считается тайной, — несколько самодовольно закончила Изобель.

— Не могу сказать, что мне понравилась формулировка, — ответила Эмми.

— Мансайплы эксцентричны. У них логика блуждает своими путями, не как у обычных людей. По крайней мере, так говорит мой муж.

— Какими же путями она у них блуждает?

— Ну... возьмем, например, их одержимость этим домом. Конечно, это идет еще от старика — Директора, как называют они его.

— Отец майора Мансайпла?

— Да, он. Он был директором школы в Кингсмарше. Совсем сумасшедший. Только представь, как он погиб. Старик ездил исключительно посередине дороги, и точно так же поступал Прингл, его юрист. И однажды они съехались лоб в лоб. Никто не хотел уступать дорогу, и... было бы смешно, если бы не так трагично. Погибли оба. Отец Алека был тогда местным врачом, и он последним видел в больнице старого Мансайпла. Тот, видимо, что-то бредил по поводу Джорджа и дома, и отец Алека все это тщательно записал слово в слово, чтобы передать Джорджу Мансайплу. А Джордж быстро вышел в отставку из армии и приехал сюда жить. Уверена, они с Вайолет умрут с голоду, но этот уродливый домище не продадут. Мне лично он и даром не нужен.

— Ты хорошо знала Реймонда Мейсона? — спросила Эмми.

— Милая моя! Едва ли. Он был совершенно невозможен, вульгарен и неотесан. Наверное, я не должна так говорить, потому что Мейсон теперь покойник, бедняга, пытался всюду протолкнуться, выбить ворота и вломиться в нашу деревню. Люди с ним обходились необычайно добросердечно, учитывая все это — даже сэр Джон Адамсон и Фенширы его пару раз приглашали к обеду, — не могу понять, почему. Единственный человек, которому он нравился, Вайолет Мансайпл, но она вообще ангел, и к тому же не очень в курсе, ну... скажем, разницы в общественном положении. Мейсон в парикмахерской делал себе маникюр, — закончила миссис Томпсон.

— Это так ужасно? — улыбнулась Эмми.

— Ты помнишь, — сказала Изобель, — как в школе тебе каждый раз становилось плохо, если ты поешь бананов?

— А при чем здесь это?

— Ты тогда говорила: «Я люблю бананы, но они меня не любят». Вот так было с Реймондом Мейсоном и нашей деревней. Он любил Крегуэлл, а тот его не любил. Разница в том, что тебе хватило ума избегать бананов, а Мейсону...

— Ты хочешь сказать, что Крегуэлл...

— Его просто выплюнул, — ответила миссис Томпсон. — И я, откровенно говоря, не удивлена.

— Но ты же не хочешь сказать... — Эмми вдруг испугалась вопроса, который, как она знала, не следует задавать, — что тебе известно, кто его убил?

— Нет, — ответила подруга. — Не знаю. Если бы знала, то сообщила бы. Но вряд ли

кто-нибудь другой в Крегуэлле знает, кроме Вайолет Мансайпл.

— Она едва ли может знать, — возразила Эмми, — иначе сказала бы вчера местной полиции. Генри вызывают лишь на случай, когда местные служащие чувствуют...

— Что им не по зубам? — спросила с доброй насмешкой Изобель.

— Я не совсем это имела в виду. Но у Скотленд-Ярда есть много возможностей, которые отсутствуют у местных сил...

— Дорогая моя! — перебила миссис Томпсон. — Твоего мужа вызвали потому, что наш местный главный констебль отлично понимает: это дело слишком близко его касается, а отсюда возникают неловкости. Он ближайший сосед Мансайплов и один из их близких друзей. Знал Мейсона не хуже, чем все остальные, и сильно не любил его. Вести это дело самостоятельно было бы чересчур неудобно для него.

— Да, наверное, — сказала Эмми.

— Как бы там ни было, — продолжала Изобель, — но деревня бурлит слухами и сплетнями, не сомневайся. — Глаза ее зажглись при этой мысли детским восторгом. — Так что я предлагаю следующее: буду прислушиваться и пересказывать тебе все.

— Ну... — миссис Тиббет засомневалась. В отличие от старой подруги, она испытывала сильную неприязнь к сплетням. Но сказанное Изобель было совершенно справедливо. Как жена местного врача она находилась в исключительно выгодном положении, чтобы узнавать любые сплетни, а они в свою очередь могли оказаться полезными Генри. — Да, хорошо. Спасибо.

— Мне это будет в удовольствие, — откровенно призналась Изобель. — Заглядывая в любое время, как будешь проходить мимо, и я тебе изложу последние новости. Что до нынешней ситуации — сегодня утром все покупательницы в магазине были единодушны, что на курок нажал Джордж Мансайпл — хотя никому и в бреду не придет в голову сказать это твоему мужу. Примерно одна половина присутствующих считает, что это был случайный выстрел с нелюбимого многими стрельбища. Оставшаяся часть полагает, что Джордж убил Мейсона намеренно — за все те гадости, которые тот в последнее время совершил. Будь это случайный выстрел, говорят они, сюда бы не приехал Скотленд-Ярд. Из этой половины девять из десяти на стороне Джорджа. Так что можешь сказать своему Генри: решишь он арестовать Джорджа Мансайпла — дай ему бог уехать из Крегуэллы, избежав линчевания.

— Спасибо, — ответила Эмми. — Я ему передам.

Глава 6

Фрэнк Мейсон был агрессивным молодым человеком с рыжими волосами, мощной челюстью, имел заметный простонародный лондонский акцент. Гневно взирая на Генри через отцовский письменный стол в Крегуэлл-Лодже, он говорил:

— Нечего тут своих выгораживать! Я знаю, кто убил моего отца, и требую правосудия!

— Мистер Мейсон! — начал инспектор. — Я...

— Эти двойные фамилии! — презрительно скривился Фрэнк Мейсон. — Такие думают, что им убийство с рук сойдет. Обычное наглое убийство! Так вот, не выйдет.

Генри начал терять терпение.

— Если вы спокойно сядете, мистер Мейсон, и расскажете мне...

— Я буду говорить все, что мне, черт побери, заблагорассудится! И вы мне рот не заткнете!

— Сядьте, — сказал Генри не слишком громко, но в его голосе отчетливо ощущался командирский тон. Мейсон остановился — он такого не ожидал, затем сел.

— Так уже лучше, — сказал Тиббет и достал блокнот. — Итак, вас зовут Фрэнк Мейсон. Вам двадцать пять лет, и вы — сын покойного Реймонда Мейсона.

— Верно.

— Единственный его ребенок, если не ошибаюсь.

— Насколько мне известно, да. — Молодой человек несколько пришел в себя. — Во всяком случае, единственный законный. Моя мать умерла десять лет назад.

— Какая у вас профессия, мистер Мейсон?

Фрэнк впервые за весь разговор улыбнулся:

— Профессия? Никакой. Я джентльмен со свободным временем, инспектор.

— Вы хотите сказать, что ничего не делаете?

— Я ничего подобного сказать не хочу. Изучаю в колледже философию, а дома пишу книгу «Философия Ксенофана в свете диалектического материализма». Это пока рабочее название. Поскольку мне принадлежит половина доли «Букмекерская контора Реймонда Мейсона», я избавлен от досадной необходимости зарабатывать на жизнь. Хотя раз или два в месяц захожу в офис — посмотреть, как там зарабатывают денежки.

— Давайте будем точны, — сказал инспектор. — Вам принадлежала половина пая в этом предприятии.

— Что вы хотите этим сказать?

Мейсон невероятно встревожился.

— Только то, — ответил Генри, — что после смерти вашего отца, полагаю, предприятие принадлежит вам целиком.

Настала долгая пауза. Потом Фрэнк Мейсон сказал, словно про себя:

— Я об этом не подумал.

— Правда не подумали? — произнес Тиббет скептически. Обычно люди подобные вещи из виду не упускают, даже в момент тяжелой утраты. — Полагаю, по завещанию отца вы главный наследник?

Молодой человек гневно покраснел:

— На что вы намекаете?

— Я ни на что не намекаю. Я задаю вам вопрос. Вы — главный наследник?

— Единственный, насколько я знаю. И можете делать любые выводы.

Инспектор оставил записку в блокноте, потом сказал:

— Пожалуй, сейчас вам стоило бы рассказать мне, чем вы занимались вчера.

— Это не имеет отношения к делу. Я приехал вам сказать...

Генри резко захлопнул блокнот.

— Извините, мистер Мейсон. Мне придется просить вас явиться в полицейский участок.

— Это зачем?

— Я надеялся, — ответил Тиббет, — что мы сможем поговорить здесь, в неформальной обстановке. Но если вы занимаете такую позицию...

— Ох, ну ладно. — Молодой человек устроился в кресле поудобнее. — Если я отвечу на ваш дурацкий вопрос, вы выслушаете меня?

— Конечно.

— Хорошо. Вчера утром я работал дома над книгой. Живу в Лондоне, как вы, вероятно, знаете. У меня квартира с гостиничным обслуживанием на Виктория-уэй. Потом я сходил на ленч в местный паб. После этого заглянул в офис — посмотреть, как там что. Вышел оттуда в половине четвертого и пошел в читальный зал Британского музея. Приехал домой на пригородном примерно в половине восьмого. Тут меня и нашла полиция — сообщить про старика. Я ответил, что сразу отправлюсь туда, но они сказали, что нет смысла приезжать раньше сегодняшнего дня. Поэтому сегодня я сел в машину и приехал. Удовлетворены?

— Вполне, — ответил Генри. — Все достаточно просто. А теперь... — Он выпрямился и посмотрел на Мейсона: — Что вы говорили насчет того, будто знаете, кто убил вашего отца?

— Скажу коротко: Джулиан Мэннинг-Ричардс.

— Это очень серьезное обвинение, мистер Мейсон.

— Уж куда серьезнее.

— Хорошо, говорите.

Молодой человек нахмурился, взял со стола нож из слоновой кости для разрезания бумаг и стал вертеть его в руках, подбирая слова.

— Наши отношения с отцом нельзя назвать очень близкими, как мне кажется. Я был для него разочарованием, ведь он хотел, чтобы сын все свое время занимался этим бизнесом. Он понять не мог, что я предпочитаю зарабатыванию денег жизнь кабинетного ученого. В политике у нас по всем вопросам не совпадали мнения, что и так понятно. Да на самом деле у нас во всем были разногласия. Но мы против этого и не возражали. Я говорю понятно?

— Да, — кивнул инспектор.

— Виделись мы нечасто. Фактически, когда он сюда переехал, мы перестали встречаться. Однажды я приезжал его навестить, но от всего этого меня воротило, не сомневайтесь. Жалкое зрелище. Бедный папаша, выставляющий себя напоказ в надежде, что его признают земельным аристократом, постоянно пресмыкающийся перед твердокаменными старыми фашистами вроде Адамсона. Я поклялся, что больше не приеду, и до сегодняшнего дня не приезжал.

— Значит, — спросил Генри, — с последней встречи с отцом прошло уже много времени?

— Ну, не очень. Один раз у нас был контакт — в офисе старой фирмы. Пару недель назад случайно встретились там и пошли вместе обедать. Поскольку мы друг другу глаза не мозолили, то были вполне дружелюбны. — Мейсон опять замаялся, потом продолжил: — На самом деле я вскоре заподозрил, что отец узнал от менеджера, когда я собираюсь там быть, и устроил эту якобы случайную встречу. Он все мямлил что-то над супом и над рыбой, и только когда подали кофе и бренди, набрался храбрости все рассказать.

— Все — это что?

— Что он собирается снова жениться! И на какой-то мерзкой дебютантке вдвое его моложе! На этой девице Мансайпл. Я был крайне возмущен, так ему и сказал: достаточно уже того, что он сноб и рвется изо всех сил в высшее общество; быть похотливым старикашкой вовсе не обязательно.

— Да, подобное ему было приятно услышать, — сухо сказал Генри.

Фрэнк Мейсон хлопнул по столу ладонью:

— Самое, черт побери, противное в этой истории, что моя попытка оскорбить отца не проникла в его толстый череп.

— Нет? — переспросил Генри. — Я бы подумал...

— Он меня не понял. Вбил себе в голову, понимаете ли, что я против его брака, потому что боюсь лишиться наследства или должен буду делить его с этой пигалицей и сводными братьями-сестричками, когда они появятся. Отец не мог постичь, что финансовый аспект мне не интересен. И чем больше я пытался ему объяснить всю мерзость подобной идеи, тем настойчивее он уверял меня, что на этом можно только выиграть, а не проиграть. «Я очень люблю Мод, — говорил старик снова и снова, — но в то же время отлично знаю, где мне хлеб мажут маслом. И тебе, мой мальчик, тоже». Меня чуть не стошнило от этого. Я так понимаю, семейство девицы катается как сыр в масле в грязном унаследованном капитале.

Тиббет не стал комментировать, и Мейсон продолжил:

— В общем, я откровенно изложил свою позицию, и мы расстались не в лучших отношениях. А потом на прошлой неделе — во вторник вечером — старик мне позвонил. Впервые за многие годы. «Знаешь, Фрэнк, — сообщил он, — я получил отказ. Этой леди я не нравлюсь». — «Ну и отлично», — говорю я ему. «Этого мало, — отвечает он, — кажется, она уже помолвлена с молодым человеком по фамилии Мэннинг-Ричардс». На последнее я уже отреагировал. Этого прыща я встречал в университете. Он, как вы, быть может, знаете, из Буголаленда, старой породы империалистов, а в Англию приехал в какую-то аспирантуру. Мы схлестывались пару раз, и я решил, что девица достаточно неразборчива, раз думает о браке с ним, ну и пусть получит заслуженное.

Рассказанное мной про Джулиана Мэннинг-Ричардса отца очень заинтересовало. «Если так, — говорит он, — тебе небезынтересно будет узнать, что он мне угрожал физической расправой. Сказал: если я не оставлю Мод в покое, он постарается, чтобы здоровье у меня ухудшилось. Так что, мой мальчик Фрэнк, если со мной что-нибудь случится, ты будешь знать, кто виноват».

Достигнув кульминации в своем рассказе, молодой человек гневно фыркнул, затем спросил:

— Теперь вы понимаете, инспектор?

— А не было ли это весьма странным — что отец позвонил вам с целью рассказать о Мэннинг-Ричардсе?

На миг Фрэнк задумался, потом ответил несколько задиристо:

— Мне кажется, это его самый разумный поступок за всю жизнь — учитывая, как обернулось дело.

— Это, — ответил Генри, — еще предстоит выяснить. Ну, большое вам спасибо, мистер Мейсон. А теперь, раз я уже здесь, нельзя ли мне пройтись по дому?

— Вы хотите сказать, что не арестуете Мэннинг-Ричардса?

— Не сейчас.

Молодой человек посмотрел на Тиббета, оскалив зубы в ухмылке:

— У кого вы в кармане, инспектор? Кто вам оплачивает хлопоты по выгораживанию истеблишмента?

Генри вздохнул и встал.

— Я вернусь с ордером на обыск, чтобы осмотреть дом, — сказал он.

— Да ради бога, осматривайте все, что хотите. А я пройдуся, а то задыхаюсь в этой берлоге.

Инспектор смотрел вслед угловатой фигуре в поношенном бобриковом пальто, широкими шагами уходящей в темноту сентябрьского сада. Потом занялся изучением Крегуэлл-Лоджа.

Здание было построено в качестве жилища привратника Крегуэлл-Грейнджа в те дни, когда главная дорога обходила большой дом не с запада, а с востока. После создания на рубеже веков новой дороги каретный подъезд к Крегуэлл-Грейнджу был заброшен, и Лодж остался сам по себе. Старая дорожка совсем заросла травой, превратившись в неровную, засыпанную листьями аллею. За ней тянулись к реке болотистые луга.

Лодж был небольшим, но компактным и функциональным, а также более удовлетворительным в архитектурном отношении домом, чем главное здание. Реймонд Мейсон его безупречно восстановил и обставил.

Почти весь первый этаж занимала большая библиотека-гостиная, из окна-эркера которой в настоящий момент Генри видел удаляющуюся фигуру Фрэнка Мейсона. Чтобы создать эту огромную комнату, соединили несколько небольших помещений. Обставлена она была дорого и подчеркнуто по-деловому — глубокие кожаные кресла, большой камин, в обширную пасть которого могло войти молодое деревце, густо-красный ковер, просторный письменный стол с классическими медными ручками и инкрустированной столешницей, оббитой красной с золотом полированной кожей. По обе стороны от камина прогибались под весом тяжелых томов в кожаных переплетах высокие книжные полки, а на корешке каждого тома виднелся сжатый кулак герба семейства Мансайпл.

Тиббет посмотрел заглавия книг. Почти все были греческие или латинские, в переводе или на языке оригинала. Была здесь и «История разрушения и упадка Римской империи» Гиббона, ученые комментарии к Гомеру, Софоклу и Вергилию, написанными блестящими викторианскими авторитетами. Перед сэром Джоном Адамсоном Мейсон притворялся, что читает именно эти книги, но небольшая полочка с изданиями в ядовитых бумажных суперобложках предоставляла более точную информацию о литературных вкусах покойного домовладельца.

Генри перешел к осмотру стола. При всей своей массивности и размерах он вряд ли

использовался по назначению, так как большинство ящиков были пусты. В одном содержалась писчая бумага — большие темно-синие листы, стилизованные под пергамент, с неровными краями и со штампованным адресом в правом верхнем углу. В другом — папка с чеками от местных продавцов: по ним можно было заключить, что Реймонд Мейсон все счета оплачивал быстро и беспрекословно. Данная особенность, подумал инспектор, являющаяся попыткой заслужить симпатию местных жителей, наверняка лишь подтвердила их подозрение, что Мейсон земельный аристократ. У земельной аристократии не принято платить наличными и без задержек.

Единственным, что представляло реальный интерес, был ежедневник за текущий год, который Генри открыл с нетерпением. Ежедневник выглядел, как и все в этой комнате, кричаще роскошным: большой, в кожаном переплете, с тисненными золотом инициалами «Р. М.». Внутри на каждый день года был отведен разворот. К сожалению, Реймонд Мейсон бумажным простором пренебрегал, его записи были лаконичны и скудны. Но немногие были сделаны тщательно и с заметной гордостью. «Обед с сэром Джоном Адамсоном» состоялся 16 июля, а «Ленч с директором кингсмаршского колледжа для обсуждения стипендии Мейсона» значился 14 августа. Генри почти физически ощущал задержанное дыхание, с которым Мейсон 25 августа записывал: «Коктейль в Кингсмарш-Холле с лордом и леди Феншир».

Последняя особенная запись относилась к 12 сентября, хотя этот день, как вдруг дошло до Генри, наступит только послезавтра. «Чай с миссис Мансайпл, леди Феншир и преп. Дишфортом, обсуждение подготовки Праздника».

Остальное было нацарапано, как показалось Тиббету, очень скупое, почти стеснительно. «Совещание в конторе. Дивиденды согласованы», «Встреча с Беллсоном по поводу дальнейших действий. Юридическая позиция?», «Заседание Совета».

В начале дневника было несколько страниц, на которых владельцу предлагалось ввести различные данные — от номеров телефонов друзей до собственного размера рубашки. Как ни странно, Реймонд Мейсон все эти графы скрупулезно заполнил.

Адрес: Крегуэлл-Лодж, Крегуэлл.
Номер телефона: Крегуэлл 79.
Паспорт: № 383714.
Регистрационный номер автомобиля: KN6C83.
Размер обуви: 10.
Размер воротника: 15,5.
Группа крови: А.
При несчастном случае известить:
Генеральный менеджер
«Букмекерская контора Реймонда Мейсона», Делл-стрит, 14.

На следующих страницах, где было место для имен и адресов друзей, Генри нашел все наиболее знатные и богатые фамилии в округе, тщательно записанные Мейсоном. Некоторые были помечены галочками, и Генри с интересом отметил, что это те имена, которые встречались в старательно выписанных дневниковых записях.

Тиббет вздохнул и вернул дневник на стол. Потом стал обследовать дом дальше, но... Это не принесло никаких результатов. На первом этаже находилась небольшая кухня и туалет. Наверху — роскошно обставленная огромная спальня и спальня поменьше, запасная во всех смыслах, где сейчас организовал свою резиденцию Фрэнк Мейсон. В ванной наблюдалось разнообразие дорогих флаконов, содержащих лосьон после бритья со свежим ароматом, хвойные соли для ванн и тальковую пудру, ароматизированную, если верить этикетке, экстрактом из старых кожаных сапог для верховой езды.

Будь Генри менее настойчив, он мог бы этим ограничиться. Но инспектор заметил в потолке ванной люк и понял, что наверху должна быть приличных размеров мансарда. Он без особого энтузиазма подставил стул, толкнул люк вверх и подтянулся в полутемное

пыльное пространство.

На первый взгляд это был обычный чердак: ненужные чемоданы и ящики, пустые картонные коробки, старые резиновые сапоги, трехногая кухонная табуретка.

Но затем Тиббет заметил пистолет.

Последний, на удивление чистый и блестящий по сравнению с запылившимся старьем, лежал на табуретке, прикрытый старой газетой, — точный брат-близнец того, что Генри видел в Крегуэлл-Грейндж. Спусковой крючок был обвязан бечевкой.

Вытащив из кармана чистый носовой платок, инспектор обернул им пистолет и очень осторожно отодвинул верхний край. Пистолет был не заряжен. Генри аккуратно положил его на место. Теперь он знал, куда делся пропавший пистолет майора Мансайпла, и был уверен, что его стоит использовать как наживку, а не как вещественное доказательство.

Внизу никаких признаков Фрэнка Мейсона не было. Тиббет осторожно закрыл за собой входную дверь, услышал щелчок и понадеялся, что молодой человек не ушел без ключа. Затем инспектор поехал в полицейский участок, а оттуда в гостиницу «Викинг», где его дожидались Эмми и стакан пива.

«Викинг» — веселая и уютная маленькая гостиница, облицованная белым сайдингом, как многие дома в округе. Эмми сидела в спальне возле зеркала, энергично расчесывая короткие темные волосы. Увидев в зеркале мужа, она улыбнулась.

— Привет, милый. Как дела? Загадка решена?

— Я думаю, да.

Она резко обернулась в удивлении.

— Нет, серьезно? Так быстро? Ты уже кого-то арестовал?

— Нет-нет, — ответил Генри.

— Тогда как же?

Он сел на кровать.

— Прости, любимая. Я не имел права так говорить. Еще ничего не разгадано, и до завтрашнего утра, как минимум, не будет известно точно, но интуиция подсказывает... хотя, ты же знаешь, что мне нельзя ничего рассказывать на этом этапе дела.

— Ты зверь. Я думала, что с женой поделиться можно, это не считается нарушением.

— Считается, — возразил Генри. — Ладно, как ты провела день?

— Довольно интересно. Пила чай с Изобель Томпсон, женой доктора. Она лучше меня сохранила фигуру, — мрачно добавила Эмми.

Инспектор подошел к ней и поцеловал в шею.

— Ты знаешь, что я обожаю толстых женщин, — сказал он. — Наверное, потому, что в возрасте шести месяцев был подсознательно влюблен в кухарку, которая весила семнадцать стоунов.

— Волосы не спутывай, глупый, — ответила миссис Тиббет. — В общем, Изобель согласилась передавать мне все местные сплетни на случай, если они тебе помогут. Но раз ты раскрыл дело...

— Мне все равно хотелось бы знать, что говорят в деревне.

Эмми передала слова Изобель об общественном мнении Крегуэлла.

— Очень интересно, — сказал Генри. — Значит, твоя подруга замужем за сыном того врача, который лечил Огастеса Мансайпла?

— Верно. Она мне рассказывала о старике. Это правда, что вся семейка слегка не в себе?

— Отнюдь. Далеко не так. Точнее, совсем не так. — Инспектор помолчал и добавил: — Что ж, пойдем в какой-нибудь бар и сами оценим местные сплетни. И эль.

На следующее утро в половине девятого Генри снова стоял перед дверью Крегуэлл-Грейнджа, дергая кованую ручку звонка. Его желание допросить Вайолет Мансайпл и тетю Дору было вполне выполнимо, но остальные члены семьи в это ясное и холодное воскресное утро уже оказались заняты чем-то другим. Клод и Рамона, как убежденные атеисты и

почитатели природы, уже ушли на болота, вооружившись полевыми биноклями и ящиком для образцов. Джордж, Эдвин, Мод и Джулиан собрались посетить заутреню в деревенской церкви. Тетю Дору, несмотря на стойкое сопротивление, несколько лет назад удалось уговорить перестать посещать службы, и сейчас она ограничивалась слушанием религиозных передач по Би-би-си.

— А лично я, — говорила Вайолет со своей милой улыбкой, — слишком занята приготовлением ленча, чтобы много думать о Боге. То есть, — быстро добавила она, покраснев, — я очень много о нем думаю, но почти всегда, когда моюсь. Я знаю, Эдвин возмущается, что я не хожу в церковь. Он в чем-то похож на св. Павла. Но в душе я уверена, что Господь понимает, сколько сил забирает домашняя работа.

— Не сомневаюсь в вашей правоте, миссис Мансайпл, — ответил инспектор.

— Тогда я сейчас попрошу Мод подготовить тетю Дору к вашему приходу. Пройдите, пожалуйста, в кабинет.

Генри устроился за столом майора Мансайпла, аккуратно выложил перед собой блокноты и карандаши, и тут буквально прибежала Вайолет, приглаживая на ходу волосы и одновременно пытаясь расправить передник.

— Боже мой, мистер Тиббет! — сказала она. — Боюсь, вам тут не очень удобно.

— Спасибо, я всем доволен, миссис Мансайпл. Так что присядьте, пожалуйста, и...

— Но позвольте я дам вам нормальное кресло вместо этого! Помилуй нас небо, это же старое кресло Джорджа, которое я просила выбросить еще в прошлом году...

— Это вполне пригодное кресло, — сказал Генри с ноткой отчаяния в голосе.

— Совершенно непригодное, — непреклонно возразила хозяйка.

В ту же секунду инспектор, пошевелившись в кресле, почувствовал под собой зловещее потрескивание и начавшееся проседание.

— Двумя руками держитесь за стол, иначе провалитесь! — распорядилась миссис Мансайпл тоном опытного боевого командира в смертельно опасной ситуации.

Тиббет послушно вцепился в стол, и тут же плетение старого кресла рассыпалось под ним. Оставалось только порадоваться, что сержант сейчас этого не видит.

Вайолет, бормоча извинения, с силой отделила остатки сиденья от Генри и принесла простой, но прочный стул из кухни. Затем робко села на вращающийся стул напротив стола и спросила инспектора, чем она может ему помочь в расследовании смерти бедного мистера Мейсона.

К счастью, Тиббет был не из тех полисменов, которым для поддержания своего авторитета нужны атрибуты официальности. Он поблагодарил миссис Мансайпл за помощь, широко и заразительно ей улыбнулся, а потом спросил, что она знает про погибшего.

— Что я о нем знаю? — Вайолет была явно встревожена. — Да ничего, наверное, инспектор. Он сделал что-нибудь плохое?

— Насколько мне известно, нет, — ответил Генри. — Я просто хотел узнать — когда и как вы с ним познакомились?

— Как? Он, естественно, ответил на объявление о продаже Лоджа. Это было четыре года назад.

— До этого момента вы с ним не встречались?

— Нет. Мы дали объявление про Лодж в «Кантри лайф», прошло всего несколько часов, и мистер Мейсон прислал телеграмму, где говорил о своей заинтересованности. В тот же день он приехал на машине, только глянул на Лодж и тут же его купил. Сел на тот самый стул, на котором вы сейчас сидите — то есть нет, не на тот, конечно, я имела в виду тот стул, который так не к месту развалился. Думаю, это мистер Мейсон, из-за него кресло тогда треснуло. Он, знаете ли, был человеком тяжелым. Я ему как-то сказала, что нужно перейти на высокобелковую диету... — миссис Мансайпл прервалась, смущенно глядя на Генри. — Но вряд ли вас интересует диета мистера Мейсона?

— Не слишком, — ответил инспектор.

— Так о чем это я говорила?

— О том, что Мейсон купил Лодж.

— А, да. Ну, больше нечего рассказывать. Он прямо на месте выписал чек, и мы с Джорджем очень обрадовались. Если совсем откровенно, мистер Тиббет, нам отчаянно нужны были деньги. Джон Адамсон, помню, был очень недоволен. У него была подруга — леди... как ее там, — которая мечтала о Лодже. Она не могла бы заплатить столь большую сумму, сказал он, но была из тех, кого Джон называет «подобающими». Я никогда не могла понять, что он имеет в виду, но это одно из его излюбленных выражений. Вы понимаете, о чем это, мистер Тиббет?

— Я полагаю, — ответил Генри, стараясь выразиться как можно деликатнее, — что сэр Джон проводит границу между людьми благородного происхождения и теми, у кого оно отсутствует.

— Благородного происхождения? — На миг Вайолет Мансайпл приобрела шокированный вид. Затем она спросила: — Но вы же не хотите сказать, что Джон Адамсон вульгарен настолько... что он просто сноб?

— Ради всего святого, миссис Мансайпл! — Инспектор почувствовал некоторое раздражение. — Вы наверняка понимаете, что я хочу сказать. Вы же слышите разницу, скажем, в манере речи разных людей. Я думаю, что у Мейсона был... некоторый региональный акцент.

— Восхитительный оттенок Восточного Лондона, — догадалась Вайолет. Потом добавила: — А у меня — Южный Дублин. У Джорджа в голосе еще слышится Килларни, хотя родился он здесь, в Крегуэлле. Несомненно, это влияние отца. А вот тетя Дора — другое дело. Она тоже из Килларни, как ее брат, но в молодости жила в Корке, поэтому...

— Мы не могли бы вернуться к мистеру Мейсону?

— Конечно, мистер Тиббет. Простите, пожалуйста. Боюсь, что я все время увлекаюсь... ой, правильно сказать — отвлекаюсь. Директор был очень строг к точности речи у своих родственников, и конечно, когда я вышла за Джорджа и стала одной из Мансайплов... — о боже! — Вайолет зарделась при воспоминании о прошедших днях. — Ой, я опять. Так вот, мистер Мейсон. Как я уже сказала, он купил Лодж. Полностью его обновил и переехал сразу же, как только ремонт закончился. Потом он сказал нам, что ему требуется дополнительная мебель... и так далее. За несколько предметов, которые нам были уже не нужны, он предложил очень хорошую цену. Я должна была бы сказать: «которым мы больше не находили применения», так точнее. Директор всегда следил, чтобы...

— Миссис Мансайпл! Мистер Мейсон.

— А, да, конечно. Итак... мебель, и довольно большое количество книг Директора. В кожаных переплетах, из старой библиотеки. Поскольку никто из нас не читает ни по-гречески, ни по-латыни, казалось...

Генри прервал поток воспоминаний:

— Вы в это время были в хороших отношениях с мистером Мейсоном?

— О да, действительно так. Да и вообще, не стоит думать, что мы когда-нибудь ссорились, мистер Тиббет. Разлад между Джорджем и мистером Мейсоном произошел только год назад, когда мистер Мейсон сделал очень щедрое предложение по поводу этого дома, а Джордж рассердился. Конечно, при посторонних я всегда была на стороне мужа, но наедине говорила ему, что он все-таки слишком суров с бедным мистером Мейсоном. В конце концов, откуда ему было знать, что для нас этот дом — священное наследие? Он всего лишь сделал предложение...

— Которое ваш муж отклонил?

— Естественно. После чего начались недоразумения. У мистера Мейсона сложилось впечатление, что Джордж рассчитывает получить больше денег, и он стал повышать цену. Каждый раз муж злился сильнее и все резче отказывал. К тому времени, как мистер Мейсон осознал, что мы не собираемся продавать дом ни за какую цену, эти двое уже были готовы хвататься за ножи. По-моему, без всякой необходимости. Потом мистер Мейсон начал, как это называл Джордж, кампанию преследований — я думаю, он вам об этом говорил.

— Да, говорил, — подтвердил инспектор.

— Ребячество. Но все это время мистер Мейсон меня навещал и приносил растения для моего альпийского сада, был очень любезен, снабжая меня отводками и корнями, даже когда Джордж грозил ему письмами юристов по поводу этого дела с правом прохода.

— Насколько я понимаю, — сказал Генри, — Мейсон хотел жениться на вашей дочери?

— Да, это вы тоже слышали? Как по мне, мистер Тиббет, это была муха в стакане воды, то есть буря... То есть из мухи делали слона. Равно как и с домом. Хотел купить дом, сделал хорошее предложение, был отвергнут. Хотел взять в жены Мод, сделал хорошее — то есть вполне достойное — предложение, и снова был отвергнут. Разве в этом есть что-то ужасное?

— Ничего, насколько я могу понять, — ответил инспектор. — Но это было несколько неожиданно? Я имею в виду влюбленность в Мод.

— Полагаю, это можно назвать неожиданным, но вряд ли он до недавнего времени был с ней знаком. Она училась в университете, потом год провела в Сорбонне и, только когда нашла работу в Бредвуде, стала на выходные ездить домой...

— В Бредвуде?

— Да. В атомной научно-исследовательской лаборатории.

— Мод работает у своего дяди?

— В некотором смысле да. Но тут, могу вас заверить, нет никакого протекционизма, мистер Тиббет. Мод — специалист-физик, она подала заявление на эту должность и получила ее без ведома Клода. Он говорил, что даже опешил, когда ее имя появилось у него на столе в качестве единодушно одобренной кандидатуры. — Вайолет добавила после некоторого колебания: — Не могу сказать, что особенно довольна Джулианом. Конечно, я никоим образом не вмешиваюсь, и Мод достаточно взрослая, чтобы решать самостоятельно. Вы согласны, мистер Тиббет, что если молодых людей не подталкивать, они никогда не...

— Миссис Мансайпл! — попросил Генри. — Нельзя ли вернуться к мистеру Мейсону?

— Ох, простите, опять я. Да, конечно. Мистер Мейсон. Ну, что еще можно сказать? Бедняга был поражен, познакомившись с Мод, хотя она его многим моложе. Он был достаточно старомоден и обратился ко мне за разрешением сделать дочери предложение. Мне это показалось совершенно очаровательным. Естественно, я ответила ему, что решение полностью зависит от Мод. Думаю — мне не хочется говорить об этом, но не следует скрывать правду, — Мод обошлась с ним негуманно. Рассмеялась ему в лицо — совершенно невоспитанно. В конце-то концов, мистер Мейсон сделал дочери большой комплимент, что я пыталась ей объяснить. А Мод все это показалось смехотворным и немножко противным. Боюсь, мистер Мейсон был очень уязвлен.

— И зол?

— О нет, это Джулиан разозлился. Конечно, совершенно понятно, но ведь их помолвка еще не объявлена официально, и вряд ли следовало ожидать, что мистер Мейсон о ней знает. Я все это сказала дочери, но молодые люди...

— Итак, — твердо сказал Генри, — мы возвращаемся к позавчерашнему дню и визиту мистера Мейсона. Расскажите, пожалуйста, что именно произошло?

— Но ведь ничего не произошло, мистер Тиббет.

— Мейсона ожидали?

— Нет-нет. Он просто появился на своей большой машине где-то в половине пятого. Я услышала из кухни шум мотора и вышла в холл. Джордж как раз схватил из гардеробной пистолет и старался как можно быстрее скрыться в саду. Он изо всех сил избегал бедного мистера Мейсона. Клод и Рамона были в саду, а Мод с Джулианом ушли гулять, так что в доме были только мы с тетей Дорой. Еще Эдвин, но он прилег наверху поспать.

Я пошла встретить мистера Мейсона, и он сказал, что привез для меня несколько саженцев. Мы вместе занесли их в дом и немножко поговорили об альпийских растениях. Потом тетя Дора спустилась вниз и выдала мистеру Мейсону целую охапку брошюр общества спиритов, к которым она крайне неравнодушна. Между нами говоря: я не думаю, чтобы они интересовали его по-настоящему, просто он был очень вежлив, как всегда. Но мне

все-таки пришла в голову мысль, что, уходя, он не совсем случайно их оставил. Поэтому я не напомнила ему. Решила, что так тактичнее — тем более что тетя Дора уже поднялась к себе наверх.

— А о чем вы говорили, миссис Мансайпл? Можете припомнить?

Вайолет наморщила лоб.

— Да ни о чем, мистер Тиббет. Ни о чем существенном. Мистер Мейсон меня спросил, на стрельбище ли Джордж, и я сказала, что да. Затем он поинтересовался, не опасно ли это в принципе, и я ему ответила, что нет, конечно же, иначе не позволила бы ничего подобного, да и Совет согласился, что там безопасно. Тогда он сменил тему — видимо, смутился, потому что от него в Совет была подана жалоба, — и спросил про Мод. В этот момент пришла тетя Дора, и разговор зашел о возможности выживания животных в метафизической или же астральной форме. Это было непросто, потому что тетя Дора не переставала свистеть.

Генри понадобилась всего доля секунды, чтобы понять сказанное правильно.

— Вы имеете в виду ее слуховой аппарат?

— Да, его. Джордж считает, что виновато здравоохранение, но...

— Потом ваша тетя опять поднялась наверх, и мистер Мейсон ушел. Правильно?

— Да, я его проводила. Он сел в машину, завел ее и двинулся по дорожке. Я вернулась в холл, и тут из гостиной вышла тетя Дора с брошюрами. «Мистер Мейсон забыл их, — сказала она, — а ведь был так заинтересован. Попробую его догнать». — «Тетя Дора, он уже уехал», — сказала я, но она вышла из двери и крикнула: «Нет, не уехал. Остановил машину». И тетушка стала спускаться по ступеням, окликая его...

Генри, делавший заметки, на этом месте нахмурился и спросил:

— Миссис Мансайпл, насколько подвижна ваша тетя?

Вайолет удивилась:

— Вы же ее видели, мистер Тиббет. Она в чудесной форме, учитывая возраст и плохой слух. Доктор Томпсон ее предупреждал...

— Я имел в виду, — перебил инспектор, — что тетя должна была подняться и спуститься обратно очень быстро, если смогла оказаться в гостиной и увидеть забытые брошюры до того, как мистер Мейсон уехал достаточно далеко...

Вайолет несколько растерялась:

— Ну... был небольшой промежуток. Несколько минут...

— Что вы имеете в виду, миссис Мансайпл?

С откровенным нежеланием касаться темы, которая обычно не упоминается, Вайолет сказала:

— Мистер Мейсон меня спросил, можно ли ему... помыть руки перед уходом...

— Понимаю, — усмехнулся Генри. — Значит, Мейсон пошел в туалет при гардеробной внизу. Долго ли он там был?

— Знаете ли, мистер Тиббет, я не стояла у двери с секундомером. Если вспомнить — да, меня удивило, что он пробыл там чуть дольше, чем... чем обычно там бывают. Когда мистер Мейсон вышел, я проводила его и вернулась в холл позвонить Ригли. В этот момент спустилась тетя Дора — как я вам и сказала. И когда мне ответил мистер Ригли, раздался выстрел.

— Вы тут же выбежали к дорожке?

— Боюсь, не сразу. Выстрел меня не встревожил — в этом доме к звуку стрельбы привыкаешь, мистер Тиббет. Мое внимание привлек жуткий вопль тети Доры. Я тут же повесила трубку, и как раз тогда спустился Эдвин — он отдыхал у себя в комнате, и сказал: «Тетя Дора орет на дорожке как резаная. Что стряслось?». — «Не знаю», — ответила я, и мы вместе вышли.

— И что вы увидели?

— Ой, это было ужасно. Бедный мистер Мейсон лежал на земле перед своей машиной. Капот был открыт — видимо, он смотрел внутрь, искал, почему остановилась машина. Тетя Дора, бедная старушка, была совершенно не в себе. Она повторяла, что он махал руками и

орал. Почти сразу же из кустов вылез Джордж и, естественно, взял командование на себя. Вскоре прибежали Мод и Джулиан, а за ними Клод и Рамона. Я оставила их возиться с бедным мистером Мейсоном, а сама отвела в дом тетю Дору. Рамона попросила меня дать тетушке снотворное, которое она принимает, но я объяснила, что доктор Томпсон категорически запретил старушке принимать что-либо подобное из-за сердца. Так что вместо этого я сделала ей чай. Вот весь мой рассказ.

— Спасибо, миссис Мансайпл, вы очень помогли.

— Правда?

В голосе Вайолет слышалось удивление и даже отчаяние, будто помогать она хотела меньше всего.

— Может быть, я смог бы до ленча поговорить с вашей тетей?

— Да, конечно. Я сказала Мод, чтобы она привела ее в гостиную. Тетя будет рада вас видеть. Только не позволяйте ей переключаться на спиритизм, если у вас получится, то тогда вы увидите, что сознание у нее на удивление ясное. Для ее возраста просто невероятно.

Глава 7

Тетя Дора уже ждала Генри. Мод аккуратно поместила ее в гостиную, подоткнула одеяло под пухлые колени и настроила слуховой аппарат — вопреки протестам тети — так, чтобы он не свистел. Было очевидно, что ко всей процедуре тетушка относится весьма неодобительно.

— Значит, вот наконец и вы, — сказала старушка, не успев еще Тиббет закрыть за собой дверь. — Почему мы должны разговаривать здесь, а? Почему не в кабинете, где тепло?

— Если вы предпочитаете кабинет, мисс Мансайпл, — миролюбиво сказал Генри, — я уверен, что...

— Вайолет сказала быть здесь, а это теперь ее дом. Не то чтобы я имела что-нибудь против нее. Она хорошая девочка и хорошая жена Джорджу — а это больше, чем о многих можно сказать. Но тем не менее — все не так, как в старые времена.

— Вы, наверное, очень много лет прожили в этом доме, мисс Мансайпл, — сказал инспектор, чувствуя необходимость пригладить взъерошенные перья тетушки, в противном случае от нее не добиться ничего осмысленного.

— Я приехала сюда пятьдесят два года тому назад в этом самом месяце, — немедленно ответила старая леди. — Огастес послал за мной сразу, как умерла Роуз. Это была, разумеется, его жена. Не думаю, что вы ее знали.

— Нет, я ее не знал, — согласился Генри.

Губы тети Доры сильно сжались. Обычно добродушное лицо стало совершенно свирепым.

— Мерзкая бабенка! — сказала она. — Избалованная, жадная, цепкая, мелкая дамочка. Она моему брату жизнь загубила.

— Вы имеете в виду финансовый аспект?

— Любой аспект. Посмотрите на все эти украшения, что она заставляла его покупать.

— Да, но... — Генри запнулся. — Она же не могла их взять с собой, мисс Мансайпл? Я так понимаю, что после ее смерти вашему брату пришлось продать...

— Это то, что нам сказали. — Тетя Дора вскипела, встряхнулась и снова уселась в кресло, как разъяренная наседка. — Огастес, конечно, в ней души не чаял. И в этом была его погибель. Будь жив Артур Прингл, он мог бы вам рассказать совсем иную историю. Помяните мое слово.

Тиббет не попытался уточнить эту реплику, сказав:

— Ну, это же было очень давно, не правда ли, мисс Мансайпл? Меня на самом деле

интересуют недавние события.

— Вы про бедного мистера Мейсона. Я уже гадала, когда вы до него доберетесь, — ответила тетя Дора с некоторым упреком в голосе.

— Если бы вы мне описали случившееся в пятницу...

— Разумеется, опишу. Я отдыхала после ленча и, наверное, отключилась, что для меня довольно необычно. Не одобряю привычки спать днем. Это понижает сопротивляемость. В общем, было, наверное, около половины шестого, когда я услышала снаружи шум мотора.

— Ваш слуховой аппарат был при вас, мисс Мансайпл?

— Нет-нет. Конечно, нет. Неуклюжее приспособление.

— Но как же вы тогда слышали машину?

Тетя Дора посмотрела на Генри с жалостью.

— Не будучи сами тугоухи, вы просто не поймете. Определенные звуки, например, шум двигателя, доходит совершенно ясно. Доктор говорит, что это связано с характеристиками вибраций. Я сейчас о земных вибрациях, как вы понимаете, а не об астральных.

— Да-да, — подхватил инспектор. — Так вы слышали машину...

— Именно так. Я встала, выглянула в окно и как раз увидела, как мистер Мейсон заходил в дом с Вайолет. Итак, мистер... боюсь, я не расслышала вашего имени?

— Тиббет, мисс Мансайпл.

— «Тиббет-Тиббет, зубы ему выбьет», — сказала старушка. Генри невольно вздрогнул.

— Простите?

— Мнемоника, — пояснила тетя Дора. — Мой брат придумал. Он твердил, что успешный человек никогда не должен забывать имена, и придумал этот фокус с рифмовкой. Могу вас заверить, мистер Тиббет, что теперь вашей фамилии никогда не забуду. К несчастью, у меня очень плохая память на лица, так что, быть может, в будущем я вас не узнаю. Но ваша фамилия записана у меня в мозгу навеки. О чем я говорила?

— Что вы видели, как мистер Мейсон вошел в дом.

— Ах, да. Как я уже говорила, вас, мистер Тиббет, астральные вибрации не интересуют — мне это стало понятно. Ваша аура весьма агрессивно сменила цвет, когда я только что упомянула об этом предмете.

— Правда? — переспросил Генри. — Простите меня, пожалуйста.

— Вы над этим не властны, — великодушно ответила мисс Мансайпл. — А вот мистер Мейсон был весьма заинтересован сверхъестественными явлениями. Я ему обещала дать почитать несколько брошюр по теме «Астральные проявления низших форм жизни» — собаки, кошки и так далее. Он говорил мне, что один его друг видел астральную форму слона. Что любопытно: это было в Лондоне. В Буголаленде это было бы неудивительно. Произошло в предутренние часы, когда друг мистера Мейсона возвращался домой с какого-то праздника.

— Случайно не розовый слон был? — спросил инспектор.

— Как странно, что вы задали этот вопрос. Да, видимо, у животного была отчетливая розовая аура, что куда больше похоже на земное, а не на астральное состояние — чего, впрочем, и следует ожидать от слона. Но я вам, наверное, наскучила?

— Совершенно нет, — заверил Генри. — Прошу вас, рассказывайте дальше.

— Как только я увидела, что мистер Мейсон вошел в дом, то сразу встала, наскоро привела себя в порядок, собрала брошюры и сошла вниз. Там были мистер Мейсон и Вайолет, и мы с ним интересно поболтали. Должна вам сказать, что Вайолет все время хотела вернуть разговор к растениям — мистер Мейсон принес ей несколько образцов для альпийского сада, видите ли. Так что я попрощалась с гостем и вернулась к себе.

Прошло примерно четверть часа. Я услышала, как заводится мотор, и решила, что могу спуститься вниз, не мешая теперь Вайолет и ее посетителю. Именно тогда я обнаружила брошюры. Понимая, как он будет раздосадован, что забыл их, я поспешила догнать мистера Мейсона. Кажется, Вайолет была в холле, говорила по телефону.

Как вы, очевидно, знаете, машина проехала всего несколько ярдов. Она стояла посреди дороги с поднятым капотом, а мистер Мейсон изучал мотор. Я поспешила сойти с крыльца и направилась к машине. Он посмотрел, увидел меня, выбежал из-за машины и стал совершенно диким образом махать руками.

— Он что-нибудь говорил? — спросил Тиббет.

— Боюсь, не могу вам сказать. В моем противном слуховом аппарате иногда сбиваются настройки. Но в одном я уверена: мистер Мейсон увидел нечто такое, что его очень, очень встревожило. А потом вижу — лежит на земле рядом с машиной.

— Выстрела вы не слышали?

— Я уже вам сказала, мистер Тиббет, что ничего не слышала, кроме характерного воющего свиста, который... да вот! Слушайте. — Мисс Мансайпл шевельнула коробочку, висевшую у нее на груди. Раздался сильный звук, подобный скрежету металла по доске, раздражающий барабанные перепонки Генри. — Слышите?

— Да, спасибо! — крикнул инспектор.

— Правда, не слышите? Сейчас сделаю громче.

И сделала.

— Отлично слышу! — взревел Генри.

— Кажется, вот это ручка громкости...

Тиббет в отчаянии заорал во всю мощь:

— Прекратите, прошу вас, мисс Мансайпл!

Тут произошли одновременно два события: тетя Дора выключила слуховой аппарат, восстановив благословенную тишину, и открылась дверь, в которой показалась побледневшая от страха Вайолет Мансайпл.

— Мистер Тиббет... у вас тут все нормально? Мне показалось, будто здесь кто-то кричал...

— Вам не показалось, — ответил Генри.

— Боже мой... тетя Дора слишком взволновалась? Мы стараемся обращаться с ней осторожно из-за больного сердца...

— Я демонстрировала инспектору свой аппарат, Вайолет, — ответила тетя Дора. — К сожалению, он ничего не услышал.

В голосе ощущались нотки бахвальства.

— Ну, хорошо... — Вайолет с сомнением посмотрела на тетюшку. — Если вы уверены, что не устали...

— Прощу тебя, обо мне не волнуйся, Вайолет, — ответила мисс Мансайпл и добавила: — Я думаю, несколько устал мистер Тиббет.

— Ну, ладно... я пойду ленч готовить, — ответила хозяйка дома и исчезла.

Генри и тетя Дора молча смотрели друг на друга. Потом старушка сказала:

— Ну, конечно, есть еще этот молодой человек, кавалер Мод.

— А что с ним?

— Мне очень трудно его запомнить. Лицо у него незнакомое. Мэннинг-Ричардс, «пеленг-вычет-с». Не слишком хорошая рифма, но помогает. Вы не знакомы с молодым человеком Мод?

— Виделись мельком однажды.

— Я когда-то знала некоего Хэмфри Мэннинг-Ричардса, — сказала мисс Мансайпл медленно и задумчиво, будто только что сделала открытие не последней важности. Генри посмотрел на нее и вдруг заметил слезу, скатившуюся по щеке старушки. Видимо, так же неожиданна была эта слеза и для самой тетюшки. Мисс Мансайпл решительно стерла ее и сердито закончила: — Вы лучше спросите обо всем этом у Эдвина. А я слегка устала, мистер Тиббет. Вайолет совершенно права, сердце у меня уже не то, что было. Так что мы, наверное...

— Разумеется, мисс Мансайпл.

Генри тут же встал.

— Если вы поможете мне подняться... а, чертова рогожа... ох, простите, мистер Тиббет. Мы в джунглях привыкли говорить просто. Нет-нет, все в порядке. Я сама дальше справлюсь, если только вы мне дверь откроете.

Придерживая дверь, инспектор спросил:

— Мисс Мансайпл, вот по поводу мистера Мэннинг-Ричардса...

— Очень приятно было побеседовать, — твердо ответила тетя Дора.

С этими словами она коснулась выключателя на слуховом аппарате и вышла из комнаты в сопровождении высокочастотного визга.

Через минуту в гостиную вошла Вайолет Мансайпл. Генри объяснил, что тетушка несколько устала и ушла к себе.

— Я ее слышала, — ответила Вайолет, бросив на Генри любопытный взгляд. — Да, кстати, мистер Тиббет — с вами очень хочет поговорить Джулиан, когда вернется из церкви.

— Разумеется, я с удовольствием пообщаюсь с ним. И если можно, с епископом.

— С Эдвином? Не могу понять, чем вам мог бы помочь Эдвин, мистер Тиббет.

— Заранее никогда не знаешь, — ответил Генри.

— Только в редких случаях, — согласилась хозяйка серьезным тоном. — Вы же останетесь на ленч?

— Очень любезно с вашей стороны, миссис Мансайпл, но боюсь, не смогу. Если можно, я вернусь примерно в половине третьего.

В половине третьего епископ прибыл в кабинет в великолепной форме. Принес с собой кларнет, но из-за темного костюма, в котором он был в церкви, Эдвин Мансайпл все-таки имел вид священнослужителя. Кажется, упоминание Джулиана Мэннинг-Ричардса было для него неожиданным.

— Джулиан? А что такое? Чудесный парень. Сын нашего старого друга из Буголаленда. Внук жениха тетушки Доры. Почему вы им заинтересовались?

— Я думаю, он был в нехороших отношениях с Реймондом Мейсоном.

Епископ слегка фыркнул.

— У этого человека имелись дефекты в ментальности, — сказал он. — Более зрелые люди способны взирать на отклонения человека с христианской безмятежностью, но когда молодой человек — такой, как Джулиан — узнает, что его невесту преследует чужак, воображающий себя вареным яйцом, да еще вдвое старше...

С некоторым трудом, но Генри вернул разговор к семье Мэннинг-Ричардсов. Вскоре Эдвин уютно погрузился в воспоминания.

— Хэмфри Мэннинг-Ричардс, — сказал он, — был комиссаром в Буголаленде, когда я приехал туда совсем молодым. Не возражаете, если я закурю? — Инспектор кивнул, и епископ достал потрепанный кожаный кисет и начал с неспешным удовольствием набивать трубку. — Да, отличный был парень. Охотник на крупную дичь, красивый мужчина, крикет — ну, Оксфорд, конечно, — совершенно бесстрашный и при этом восхитительно скромный. Жена его была очаровательной женщиной, и у них был сын.

— Джулиан?

— Нет, Тони. Отец Джулиана. Ему было пятнадцать, когда я туда приехал. Через пару лет случилась трагедия: миссис Мэннинг-Ричардс слегла в лихорадке, и через несколько дней ее не стало. В те дни ко мне приехала тетя Дора вести дом, и, естественно, она, как могла, помогала бедняге Хэмфри и его сыну. Между нами говоря, казалось, что должно только пройти достаточное количество времени после смерти жены и, в общем, это выглядело вполне уместно. Обоим хорошо за сорок, мальчик, оставшийся без матери, а я тогда был помолвлен с моей будущей женой и, честно говоря, меня беспокоило будущее тети Доры. Но... — Эдвин вздохнул. — Этому не суждено было сбыться.

— Еще одна трагедия? — осторожно спросил Генри.

— Можно сказать и так, — ответил епископ. — Хэмфри Мэннинг-Ричардс уехал в отпуск на родину. Лично я убежден, что он сделал бы Доре предложение накануне отхода

корабля, но в том году дожди начались раньше и пикник, который я для него организовал, отменили. Мэннинг-Ричардс уехал, не поговорив с Дорой. А потом мы услышали, что он женился на молоденькой хористке из мюзикла, который тогда гастролировал в Лондоне. На иностранке к тому же. Сербо-Хорватия, или Югославия, или еще какая-то балканская страна — у них там все время названия меняются. Звали хористку Магда.

Епископ снова замолчал, потом фыркнул.

— Магда Мэннинг-Ричардс. Он привез ее с собой в Буголаленд, но, боюсь, его жену не слишком хорошо приняли. Нет, она была привлекательной малышкой, согласен, но на двадцать лет его моложе; ближе по возрасту к его сыну, нежели к нему самому. Магда Мэннинг-Ричардс не нравилась никому, и очень немногие утруждали себя скрывать данный факт. В то время наша европейская колония в Алимумбе была маленькой, и тетю Дору там очень любили. Так что очень много было неприязненного чувства, и Мэннинг-Ричардсы подверглись, до некоторой степени, социальному ostracism. В те времена это много значило.

Короче говоря, Хэмфри вскоре осознал ситуацию и сделал единственно разумную вещь: подал рапорт о переводе в восточный Буголаленд, за несколько сот миль от нашего города. Он, его жена и сын Тони уехали.

Мы потеряли контакт с этой семьей. В следующий раз я услышал о них лишь лет через десять — сообщили, что Хэмфри умер от сердечного приступа. Потом мне написала Вайолет, что видела в «Таймс» объявление о свадьбе Тони. Он остался в Буголаленде и женился на местной девушке. Я больше о них не думал, пока однажды не прочитал, что Тони и его жена погибли в автомобильной аварии на восточных холмах. Это было очень печально, хотя я не видел сына Хэмфри с тех пор, как он был школьником, а его жену вообще никогда. Вот такая ситуация.

Можете себе представить, как я был удивлен, когда Вайолет сообщила, что Мод в Париже, в Сорбонне познакомилась с молодым человеком по фамилии Мэннинг-Ричардс. «Господи благослови! — помню, сказал я тогда. — Он не родственник той семьи, что я знал в Буголаленде?». Конечно, так оно и оказалось: это был сын Тони. Осиротев после автокатастрофы в возрасте шести лет, он был воспитан в Буголаленде приемной бабушкой, недавно умершей. Потом уехал в Европу завершать образование в Англии и в Париже и, по странной случайности, встретил Мод. — Эдвин пыхнул трубкой. — Ничего больше сказать не могу. Это то, что вы хотели узнать?

Генри улыбнулся:

— И да, и нет, — ответил он. — Все это довольно просто и прозрачно. Я полагал, что, быть может... но, очевидно, думал неверно.

— Неверно... и почти издерганно, — отметил епископ, вытряхивая трубку в большую оловянную пепельницу.

Инспектор лихорадочно задумался, потом спросил:

— Шесть букв?

— Конечно.

— Нервно, то есть издерганно. Анаграмма «неверно» с одной выброшенной буквой.

Епископ просиял:

— Тиббет, я вас недооценил, — сказал он великодушно. — Ну, не буду больше отнимать у вас время. Думаю, вы хотели бы видеть Джулиана.

Мод и Джулиан вошли в кабинет вместе, держась за руки, как дети.

— Чем могу быть полезен? — спросил Генри.

— Джулиан не хотел, чтобы я с ним шла, — сказала Мод. — Но я была настроена решительно.

— Она думала, если мы придем вдвоем, вы отнесетесь к этому более серьезно, сэр, — пояснил Джулиан. — Я понимаю: это звучит несколько притянута за уши...

— Так, давайте не все сразу, — остановил его Тиббет. — Прежде всего, почему бы вам не присесть?

Молодой человек неохотно выпустил руку Мод и бережно посадил девушку в кресло. Потом сел сам и сказал:

— Это по поводу Фрэнка Мейсона.

— Я предполагал, что так может случиться.

— Вы хотите сказать — вы знаете?

— Я встречался с молодым мистером Мейсоном.

— Я... был с ним немного знаком в Лондонском университете.

— Это я уже знаю, — ответил Генри, — а также то, что вы не были там лучшими друзьями.

— Мягко сказано, — отозвался Джулиан. — Он исключительно неприятный тип. Не в социализме как таковом тут дело, а в недостатке ментальной дисциплины, из-за которого строят нелепые теории и не задумываются о цене.

«Кажется, — подумал Генри, — он не способен говорить ненапыщенно. Но ведь Джулиан еще молод». Вслух инспектор сказал:

— Я не совсем понимаю, какое это имеет отношение к...

— Я объясню, — ответил молодой человек. — Начнем с того, что более всего в Мейсоне меня отталкивало его отношение к отцу: брать столько денег, сколько возможно вытянуть, а вместе с тем — кусать дающую руку. Извините за смешанные метафоры, но мысль понятна, я думаю. Стоило Мейсону пропустить пару стаканчиков, как он начинал жестоко критиковать своего отца. — Джулиан слегка задохнулся от воспоминания, будто голосовые связки свело судорогой. — Однажды я не выдержал и прямо в лоб спросил, как у него хватает наглости жить на доходы от отцовского бизнеса и проповедовать при этом те социальные и политические идеи, которые мы от него слышим. И знаете, что Мейсон ответил? Он сказал, что единственным возможным оправданием такого человека, как его отец, будет то, что несправедливые доходы в конце концов попадут в руки того, кто их направит на осуществление Мировой революции. «Это значит, — сказал я ему, — что вы дожидаетесь не можете смерти отца?» А он — хоть верьте, хоть нет — ответил: «Это естественно, старина. Я его сам хоть завтра же пристукнул бы, если бы не последующая ответственность».

— Как интересно, — отреагировал Генри.

— Я знаю, что это правда, — выпалила Мод, — потому что Джулиан мне тогда же и написал.

— Но я вам верю, — улыбнулся инспектор. — Я буквально слышу, как молодой мистер Мейсон это говорит. Так вы думаете, что он убил отца?

Джулиан несколько сдал назад:

— Я бы не стал так жестко формулировать, — ответил он.

Наступила пауза, и Мод вмешалась:

— Говори, милый. Расскажи все до конца.

Молодой человек колебался:

— Не знаю, должен ли я...

— Если нет, я сама расскажу! — решительно произнесла девушка, непроизвольно выпятив подбородок, и Генри живо вспомнил висящий в холле портрет Директора. — Мистер Тиббет, этот ужасный Мейсон определенно собирается обвинить Джулиана в убийстве своего отца.

— Правда? — Учитывая вчерашний разговор с Фрэнком Мейсоном, Генри был заинтригован. — Что вас наводит на подобную мысль?

— Ну, видите ли, когда Мод ему отказала... Вы же слышали, что старый Мейсон набрался наглости сделать ей предложение?

— Слышал.

— Естественно, моя невеста ему отказала, но он продолжал преследование. И тогда... ну, у нас была ссора.

— А что именно вы называете словом «преследование»? — спросил Тиббет.

И наступило напряженное молчание.

Джулиан сказал:

— Н-ну... он продолжал приходить в гости...

— Мисс Мансайпл! — перебил Генри. — Вы очень современная молодая девушка с очевидно сильным характером, если мне будет позволено так сказать. Вам действительно нужно было викторианское рыцарство подобного рода?

— Да вы надо мной смеетесь! — сердито воскликнула Мод.

— Да, — ответил Генри. — И буду смеяться, пока вы не скажете мне, чем конкретно досаждало вам поведение Реймонда Мейсона.

Взгляд, которым обменялись молодые люди, был красноречив, как страница печатного текста.

— Ну, ладно, — ответила Мод. — Дело было в Джулиане.

— Каким образом?

— Точнее, не в нем. Главное тут — дядя Клод.

— Вы не могли бы выразиться конкретнее, мисс Мансайпл? — вежливо спросил Тиббет.

— Я подал заявление на вакансию в Бредвуде, личным помощником сэра Клода, — сказал Джулиан отчетливо и громко, почти с вызовом. — В этом есть что-то плохое?

Генри вспомнил, что говорила Вайолет Мансайпл.

— Вы хотите сказать, — спросил он, — что Мейсон намекал на использование родственных связей?

Наступило тяжелое молчание. Инспектор развил свою мысль:

— Жениться на племяннице и получить работу у дяди. Это он имел в виду?

Снова молчание.

— А какова ваша квалификация, мистер Мэннинг-Ричардс?

Последнее побудило Мод к гневной речи:

— Он соответствует всем квалификационным требованиям, необходимым для этой работы. Она административная, в конце-то концов. Физик для нее не нужен, нужен умелый организатор с хорошим знанием физики, — для чего Джулиан подходит идеально. Не понимаю, почему нам всем должно быть хуже только из-за того, что генеральным директором Бредвуда является дядя Клод!

— Но ведь против вас никто не выдвигал таких инсинуаций, мисс Мансайпл? — сказал Генри. — Мне говорили, что вы свою работу получили исключительно личными заслугами, и сэр Клод даже не знал о вашем заявлении, пока не...

— Здесь совершенно другой случай, сэр, — ответил Джулиан напряженным тоном. — Должность, которую я надеюсь получить, — в полном распоряжении сэра Клода. Он выбирает парня, который нужен ему, — добавил он, оставив официальность.

— Понимаю, — сказал Тиббет. — И именно этот момент вызывал недовольство Реймонда Мейсона.

— Этот момент абсолютно не вызывал у него недовольства, — возразил Джулиан. — Напротив, просто радовал. Он преследовал Мод грязными инсинуациями, что я хочу на ней жениться лишь для того... ну, сами понимаете. Вот почему я с ним поругался.

— И грозили его убить?

— Ничего такого не говорил. Я только дал ему ясно понять, что для его здоровья будет намного полезнее в дальнейшем избегать Крегуэлл-Грейнджа.

— Ну, что ж, — сказал Генри. — Я бы не стал особенно волноваться...

— Это еще не все, — злоецо произнесла Мод. — Расскажи ему, милый.

— Вчера утром, — начал Джулиан, — мне нужно было съездить в Лондон, как вы, наверное, знаете. Днем, вернувшись в Крегуэлл, я зашел в Лодж.

— Зачем? — поинтересовался инспектор.

Джулиан несколько смутился.

— Ну, я пошел от станции напрямик, мимо Лоджа, и там заметил машину Фрэнка Мейсона. Мне было некомфортно из-за всего этого... Мейсон-старший мертв, а я с ним

вчера поругался. Я и зашел как-то это загладить.

— Понимаю. Загладили?

— Мне не представилось возможности. Как только Фрэнк меня увидел, то начал оскорблять. Похоже, отец ему позвонил и рассказал о нашей ссоре, и Фрэнк сказал... Джулиан проглотил слюну, — сказал, что собирается вам сообщить, будто это я убил Реймонда Мейсона.

— А это наглая ложь! — снова взорвалась Мод. — Как мог Джулиан его убить? Когда это случилось, он был со мной у реки.

— Я думаю, — сказал Генри, — вы оба накрутили себя без всякой необходимости. Джулиан мог убить Реймонда Мейсона, но я более чем уверен, что он этого не делал. Я не думаю... — Инспектор сдержался, изменив свое намерение. — Не думаю, что могу сегодня сделать еще что-нибудь полезное. Я очень благодарен за все, что вы рассказали — это заполняет пустоты мозаики. Кстати, мистер Мэннинг-Ричардс, зачем вы ездили в субботу в Лондон?

Джулиан заметно смутился, густо покраснел и спросил, настаивает ли Генри на ответе. Инспектор сказал, что заставить молодого человека он не может, но ответить было бы разумно. И Джулиан неохотно выдал свою тайну, сказал, что ездил к ювелирам покупать обручальное кольцо для Мод. Хотел, чтобы это был сюрприз, но если так сложилось... И он застенчиво достал из кармана коробочку с эмблемой одного из самых знаменитых лондонских ювелиров. Внутри лежало кольцо с небольшим, но красивым бриллиантовым солитером. Тут Мод крепко обняла Джулиана, и Генри незаметно вышел из кабинета.

В холле он встретил Вайолет Мансайпл.

— А, мистер Тиббет? Все в порядке? Вы со всеми поговорили, с кем было необходимо? Боже мой, я смотрю, уже пять часов. Не хотите ли пройти в гостиную выпить бокал шерри? Джордж все еще на стрельбище, но скоро будет здесь. С вашей стороны было очень мило устроить такой ажиотаж вокруг тети Доры, она оценила. Тетушка сказала, что вы действительно интересовались астральными явлениями, хотя внешне проявили сопротивление. Что-то там с вашей аурой. Вам должно быть лестно. Как утверждает тетя Дора, не у каждого она есть. Так пойдемте теперь...

— Миссис Мансайпл, — перебил ее Генри, — вы очень добры, но мне нужно идти. Меня жена ждет в «Викинге».

— Вы приехали с женой? Боже мой, мистер Тиббет, я как-то не сообразила, что у вас имеется жена, то есть что она здесь, в Крегуэлле. Обязательно завтра привозите ее к ленчу. Простите мою невежливость, я должна была раньше пригласить ее...

— Ее приезд сюда совершенно неофициален, миссис Мансайпл, — ответил Генри. — В отличие, к сожалению, от моего.

— Но рабочий день уже закончен, — твердо возразила хозяйка. — И в любом случае в воскресенье люди отдыхают? Я отлично понимаю, что сейчас вы должны вернуться к жене, но завтра непременно... Боюсь, правда, что из угощения будет только лосось, зато он будет свежим, прямо из реки. Эдвин сейчас там, рыбачит.

Генри снова поблагодарил миссис Мансайпл и принял приглашение за Эмми и за себя. Потом он добавил:

— Я прошу прощения, можно мне... руки помыть перед уходом?

Вайолет покраснела:

— Конечно же. Как с моей стороны невнимательно... я должна была сама предложить... вот сюда, прошу.

Гардеробная с туалетом была огромна, как общественная баня, и выложена кафелем в цветочек. Во внешней комнате, помимо полотенец и умывальника, находились материалы для изготовления катапульта по системе Джорджа Мансайпла. Повсюду валялись коробки старых теннисных мячей, деревянные ящики, пружины и мотки бечевки. Была еще и стойка высоко на стене, где хранились пистолеты. Там имелось шесть гнезд, три из них пустовали.

Генри с интересом огляделся и направился в туалет. Это помещение тоже было

просторным, и в конце его на возвышении размещалось отлично оборудованное сиденье. Сквозь псевдоготическое окно пробивался слабый свет. Вертикальная узкая щель была открыта, и через нее виднелись кусты и подъездная дорожка.

Снова вернувшись в холл, Генри увидел Вайолет Мансайпл, стоящую у двери, чтобы выпустить гостя. Она была откровенно поражена, когда инспектор спросил:

— Извините меня за такой вопрос, миссис Мансайпл, — убрали ли вы недавно в туалете на первом этаже?

— Я... — Вайолет покраснела. — Ох, ради бога, простите, мистер Тиббет, если там...

— Там идеально чисто, — заверил Генри. — Меня просто интересует, когда там была последняя уборка.

— Вчера утром, мистер Тиббет. Я мою помещение каждое утро, кроме воскресений. Работа эта ужасная, потому что Джордж держит там все свое стрелковое снаряжение. Всегда полно бечевки, ящиков, и просто невозможно поддерживать порядок. Вот только вчера мне было странно, зачем ему нужно таскать туда бечевки и фитили? Я его спрашиваю снова и снова, но знаете, мужчины так неразумны, правда?

— Да, боюсь, иногда мы таковы, — ответил инспектор.

— Ох, простите, мистер Тиббет. Боюсь, иногда я говорю глупости — Джордж утверждает, что я хуже тети Доры. А тут еще эти волнения по поводу мистера Мейсона...

— Я думаю, можно перестать волноваться по этому поводу, миссис Мансайпл, — сказал Генри.

Он не собирался этого говорить, но его тронула искренняя тревога Вайолет.

— Перестать волноваться? Но как, мистер Тиббет? Не считая всего прочего... ох, я забыла! Есть одна вещь, которую я должна у вас спросить. Что будет с Праздником?

— С Праздником?

— Ежегодный церковный праздник и благотворительный базар подержанных вещей. Это в следующую субботу, и я всегда предоставляю для этого мероприятия свой сад. Я могу продолжать приготовления? Завтра у меня рабочая встреча за чаем с организаторами — и мы должны начать готовить прилавки заранее. Если эта жуткая загадка не прояснится...

Генри уверенно улыбнулся:

— Думаю, вы спокойно можете продолжать приготовления, миссис Мансайпл. Уверен, к завтрашнему дню никакой загадки уже не будет. На самом деле я не уверен, что она вообще имелась.

Вайолет посмотрела совершенно недоумевающим взглядом:

— Что могут значить ваши слова, мистер Тиббет?

— Всего лишь то, что вещи не всегда таковы, какими кажутся, — ответил он жизнерадостно.

— Надеюсь, — неуверенно сказала миссис Мансайпл. — Я очень на это надеюсь. И в то же время не могу избавиться от ощущения, что загадка тут все же есть.

И в этом Вайолет Мансайпл была права.

Как ни парадоксально, прав был и Генри Тиббет.

Глава 8

Когда Генри вернулся в гостиницу, Эмми ждала его. Она сообщила, что день провела в Кингсмарше; в шесть открылся бар и ей очень захотелось отведать пива.

— Кроме того, — сказала она, — мы сможем послушать, что говорят о деле местные.

Бар был почти пуст. Медлительная платиновая блондинка за стойкой сонно перетирала стаканы, в углу сидел флегматичный старый фермер в кожаных гетрах, прикладываясь к своей пинте, и двое мужчин средних лет в твидовых костюмах обсуждали стойки и хваты гольфа. Эмми и Генри сели на стулья с высокой спинкой возле камина.

— На первый взгляд, здесь не очень много сплетников, — сказала Эмми.

— Терпение, — ответил Генри. — Еще могут появиться.

В этот момент дверь в бар отворилась, и вошли двое. Инспектор, заслоненный от входа высоким экраном у камина, спросил:

— Новые посетители?

— Да. — Миссис Тиббет высунулась посмотреть. — Маленькая беленькая девушка — очень хорошенькая, — симпатичного вида молодой человек и щенок-боксер.

— Мод Мансайпл и Джулиан Мэннинг-Ричардс, судя по всему, — ответил Генри.

— Мод... это которая тут болтается с кучей почетных дипломов первой степени, если верить Изобель. Должна сказать, что на девицу — синий чулок она не похожа. Ты выйдешь и поздороваяешься?

— Не стоит, — ответил Тиббет. — Они меня пока что не видели. Посидим и посмотрим, что будет.

Ничего особенного не произошло. Джулиан пошел к стойке, перебрался парой шуточных фраз с платиновой блондинкой, которую назвал Мэйбл. Барменша похихикала и налила ему пинту пива и джин с тоником. Джулиан и Мод сели на скамью, обращенную спиной к той, где сидели Эмми с Генри.

— Я тебя всюду искал, — сказал Джулиан. — Отчего же ты сбежала одна к реке?

— Я только вывела Тинку пробежаться, — ответила Мод несколько неловко. — И не стоило бросаться меня искать, будто сама за собой присмотреть не могу.

— Мне показалось, ты не была особенно обрадована, увидев меня сейчас, — сказал Джулиан. И добавил теплее: — Милая, неужто ты не понимаешь: мне не нравится, что ты бродишь сама по себе, пока тут творится все это. И я переживу, если ты будешь надо мной смеяться. Физически ты всего лишь слабая женщина, что, конечно, не станешь отрицать. Сейчас необходимо, чтобы кто-то за тобой присмотрел.

— Ну, прости, дорогой. — Голос Мод звучал покаянно. — Было очень мило с твоей стороны пойти меня искать, и я рада, что мы встретились. — После короткой паузы девушка сказала: — Интересно, поверил ли тебе Тиббет.

— Он кажется весьма разумным человеком, — ответил Джулиан. — Лучше, чем можно было ожидать от полисмена.

— Люди иногда говорят очень несправедливые вещи, — сказала Мод. — Ну почему бы тебе не получить эту работу в Бредвуде?

— Никаких причин, — ответил Джулиан. — Но видит Бог, как я хотел бы, чтобы сэр Клод не был твоим дядей. Ведь невольно он дает оружие в руки тем, кто меня не любит. И эта история с Мейсоном тоже не на пользу. Если еще признать тот факт, что я в восторге, что он убрался с дороги...

— Джулиан! Не говори такого.

— Ты же знаешь, что это правда. Зачем лицемерить?

— Да, но, если тебя кто-нибудь услышит...

— Да, согласен, крайне неосмотрительно. К счастью, у Тиббета, похоже, соображения больше, чем можно заподозрить по его внешнему виду. Твоя мать мне сказала, что он дал зеленый свет празднику в субботу. Видимо, он намекает этим, что дело уже раскрыто.

— Хотела бы я в это верить, — сказала Мод.

— Вот мне интересно, — задумчиво сказал Джулиан, — что ему остальные рассказывали.

— Остальные?

— Крегуэлл-Грейндж — собрание людей со странностями — психов. Тетя Дора, дядя Эдвин, все прочие.

— Не уверена, что мне нравится, когда моих родных называют психами, — ответила Мод.

Джулиан засмеялся:

— Да брось, дорогая. Ты сама всегда говоришь, что на твоём родословном древе не

найдется ни одной умственно здоровой веточки.

Мод слегка вздохнула, и в ее голосе послышалась веселая нотка.

— Да, прости, дорогой. Глупо, конечно. Член семьи вполне может такое сказать, но...

— А я разве не член семьи?

— Да, дорогой. Вполне член семьи.

— Мод... — Джулиан перешел на шепот, и дальнейшее Генри не слышал.

Эмми, которой неловко было подслушивать, сердечно обрадовалась, когда случилось событие, прервавшее неприятное занятие.

Распахнулась дверь и в бар решительно вошел рыжий молодой человек, принесший вихрь холодного воздуха. Как смерч подлетев к стойке, он потирал руки и громко требовал пива. Бывает же такое невезение: у стойки посетитель оказался одновременно с Джулианом Мэннинг-Ричардсом, который хотел повторить заказ. В наэлектризованном молчании молодые люди уставились друг на друга. Потом Фрэнк Мейсон сказал барменше:

— Милая, заказ отменяется. Я не настолько изможден жаждой, чтобы пить в подобной компании.

— Давайте выйдем, и вы сможете повторить свои слова еще раз, Мейсон, — сказал Джулиан.

Генри представил эти слова, написанными над головой Мэннинг-Ричардса, как в комиксе.

Фрэнк Мейсон медленно повернул голову, посмотрел на неприятеля.

— Прошу прощения? — сказал он.

— Выйдем — и вы повторите свои слова.

Джулиан был очень бледен.

— Не помню, — ответил Мейсон, — чтобы нас друг другу представляли.

Интонации были задуманы как пародия на мэннинг-ричардсовское поведение.

Джулиан грохнул по стойке пустой кружкой.

— Подлый трус! — сказал он. И, не давая Мейсону времени ответить, он резко развернулся: — Боюсь, милая Мод, тебе придется повременить с пивом, пока не вернемся домой. Мы уходим.

Девушка стояла, одной рукой запахнув жакет вокруг узкого стана, а другой удерживая за поводок щенка. Мэннинг-Ричардс взял ее за локоть, потом повернулся к Мейсону и метнул — другого слова не подберешь — последнюю колкость:

— Вы трусите, Мейсон! Вы боитесь любого, кто не меньше вас ростом!

Уложив таким образом максимальное количество штампов в минимальное число секунд, он решительно вывел из бара Мод и Тинку. Дверь за ними захлопнулась.

Один из сидящих в углу джентльменов в твидовом костюме сказал:

— Все дело в том, старина, что левая рука должна быть прямой. Надо понимать, что она действует как единое целое...

Фермер в кожаных гетрах медленно встал и подошел к стойке.

— Повторить, Мэйбл.

— Я думаю, — сказал Генри, обращаясь к жене, — что мы тоже могли бы повторить, ты согласна?

Он встал со стула у камина и подошел к стойке. Фрэнк Мейсон стоял там с озадаченным лицом. Он выглядел так, будто его только что стукнули пресловутым тупым орудием.

— Две полпинты горького, пожалуйста, — сказал инспектор.

— Тиббет?

Кажется, Мейсон постепенно приходил в себя, и взгляд его сфокусировался на Генри.

— Да, это я.

Парень схватил его за руку — пальцы у него были довольно сильные.

— Кто это такая?

— Ты о ком?

— Эта девушка, с Мэннинг-Ричардсом.
— Мод Мансайпл, разумеется. Вы не поняли?
— Это не может быть Мод.
— Уверяю вас, это она и была. Вы с ней знакомы?
— Нет, конечно. То есть я ее видел полчаса назад. Шел вдоль реки, а она там гуляла со своей собакой, и...

— И что?
— Ничего, черт вас побери! Совсем ничего.
— Две полпинты горького, — произнесла барменша, возникая из пивных насосов как Венера из пены. Ласково улыбнувшись Генри, она совсем другим тоном спросила у Фрэнка Мейсона:

— Так вы заказываете или нет?
— Нет. Не хочу пива. Вообще ничего не хочу в этой кровавой помойке!
Он резко развернулся и вышел из бара.
— Обаятельный, сил нет, — сказала Мэйбл. — Вы, значит, его знаете, мистер Тиббет?
— Очень поверхностно, — ответил Генри.
Барменша вздохнула:
— Два и четыре пенса, — сказала она. — Жуткое дело с беднягой мистером Мейсоном, да?

— Да, — согласился инспектор.
— Бедный майор Мансайпл. Кто бы мог подумать, что у него так случайно сработает пистолет. Его не посадят в тюрьму, нет?

— Если честно, понятия не имею, — сказал Генри.
Он взял со стойки сдачу и две кружки и стал пробираться обратно к Эмми. В этот момент где-то в глубине гостиницы зазвонил телефон, и Мэйбл скрылась. Вернувшись, она с уважением подошла к Генри.

— Вас к телефону, мистер Тиббет.
— Да, Мэйбл, спасибо.
— Это сэр Джон Адамсон, — произнесла она почти благоговейно. — Сэр Джон хотел бы говорить с вами.

Главный констебль несколько раз прокашлялся, на что телефонная линия отзывалась тревожным потрескиванием, и наконец сказал:

— Ага, Тиббет. Так как там у вас сейчас?
— У меня были очень интересные два дня, сэр Джон, — ответил Генри.
— Я хотел поинтересоваться... то есть, мне казалось, что вы могли бы связаться со мной раньше.

— Боюсь, я был очень занят, — ответил инспектор.
— Да-да, конечно, понимаю. И вы пришли к какому-либо... заключению?
— Да. В общем, пришел.
— Пришли? — Сэр Джон был определенно встревожен. — Вы не предлагаете действовать немедленно?

— Нет-нет. Есть еще некоторое количество незакрытых вопросов. Нужно еще день или два, чтобы я смог представить...

— Арестованного?
— Я не это хотел сказать, сэр. Подробный доклад. Именно его я надеюсь сделать.
— Да-да, понимаю. Ареста не будет?
— Я не считаю, — ответил Генри, подбирая слова, — что это будет необходимо.
— Но если вам известно, кто убил Мейсона... я так понял, что вы знаете?
— О да. Но я не знаю, почему.
— Это определенно не относится к делу.
— Я надеюсь, сэр Джон, — твердо сказал Тиббет, — что в аресте не будет необходимости. У меня нет возможности сообщить вам больше. Это же городская

телефонная линия. Мой доклад будет вам представлен в ближайшее время — надеюсь, завтра.

Настала беспомощная пауза, потом сэр Джон сказал:

— Да, понимаю. Очень интересно. Да, конечно. Вы будьте на связи, пожалуйста.

— Конечно, буду, сэр Джон.

На следующее утро Генри встал рано и поехал в Лондон. На Делл-стрит в Мейфэре он приехал достаточно рано, чтобы найти парковочный счетчик на разумном расстоянии от офиса «Букмекерская контора Реймонд Мейсон».

Фирма размещалась в симпатичном доме эпохи Регентства недалеко от Гайд-Парк-корнер. Единственным свидетельством ее обитания здесь была скромная медная табличка, привинченная к белой крашеной двери между пилястрами. Инспектор прошел короткий коридор с ковровым покрытием до стойки. Панель матового стекла с надписью «СПРАВКИ» оказалась наглухо закрытой, но имелся звонок, и Генри нажал кнопку.

Из-за матового стекла донеслись шарканье и смешки, потом окошко отодвинулось, и показалась хорошенькая блондинка лет семнадцати, которая пыталась сделать серьезное лицо. У нее за спиной в большом офисе находились еще несколько молодых людей, делающих вид, что заняты работой на пишущих и счетных машинках. Увидев Тиббета, блондинка была явно разочарована.

— Как, — спросила она, — только вы?

— Вы ждали кого-то другого? — поинтересовался инспектор.

Все девицы захихикали, а блондинка сказала:

— Я думала, вас много придет, с фотографиями... Вы же из «Дейли Скуп»?

— Нет, не оттуда.

— А, значит, вы из «Плэнет».

— Боюсь, что я вообще не журналист, — ответил Генри.

— А! Ну, все равно они скоро будут.

Блондинка озабоченно поправила затейливую прическу.

— Правда? — Тиббет заинтересовался. Полиция сообщила о смерти Реймонда Мейсона очень кратко. Странно, что желтая пресса столь заинтригована. — Что ж, с тем же успехом я могу пройти, пока их нет. Мне бы хотелось видеть генерального менеджера, если возможно.

— Мистера Мамфорда еще нет, — ответила девушка. — Можете подождать, если хотите.

Было очевидно, что ее интерес к посетителю полностью исчез.

— Да, я подожду.

— Сюда пожалуйста, — сказала блондинка. — Как вас представить?

— Тиббет.

Девушка провела Генри из внешнего большого зала в меньшее помещение — святилище владельца фирмы, — оборудованное коврами дорожками, шкафами для документов, огромным письменным столом красного дерева и множеством диаграмм на стенах. И всего через минуту дверь открылась, и вбежал маленький аккуратный человек с черными усами. Выглядел он как старший клерк почтенной фирмы из Сити — исполнительный, слегка суетливый, старательный, абсолютно надежный. «Совсем не таким, — подумал Генри, — представляется обладатель слегка жуликоватой профессии букмекера».

Потом он вспомнил, что данное предприятие принадлежит Реймонду Мейсону. В конце концов, мистер Мамфорд всего лишь опытный бухгалтер, занимающийся своим делом с той же серьезной деловитостью, с какой собирал бы статистику импорта-экспорта или высчитывал суммы подоходного налога.

Входя в дверь, он говорил через плечо:

— Запрещаю категорически. Вам понятно, мисс Дженкинс? Если они приедут, сразу же указать им на дверь. Сразу же. — Он резко повернул голову и увидел Генри. — Кто вы такой и что вам нужно?

— Я главный инспектор Скотленд-Ярда Тиббет, — ответил Генри, доставая удостоверение. С мистером Мамфордом можно было общаться только с помощью фактов и цифр. — Веду расследование смерти мистера Мейсона.

Отношение Мамфорда изменилось немедленно.

— Да, конечно. Я понимаю, это неизбежно. Присядьте, прошу вас. Может быть, вы можете как-то оградить нас от этого несносного преследования, инспектор?

— Преследования?

— Журналисты уже утром звонили мне домой. Моя жена была просто потрясена. Эти люди не имеют права вмешиваться в частную жизнь.

— Они всего лишь делают свою работу, мистер Мамфорд, — ответил Генри.

— Это вы называете работой? Наглецы они, инспектор, вот они кто! Я им дал отпор, смею вас уверить. Но теперь я слышу, что они звонят в офис, а эти безмозглые девчонки вроде мисс Дженкинс и мисс Купер... мне не хочется думать, что будет, если они прорвутся в здание. Я рассчитываю на вашу помощь, инспектор.

— Боюсь, ничего не смогу сделать, мистер Мамфорд, — если, конечно, они не нарушат границу частного владения или не прибегнут к насилию...

— Насилию? Я уже сам готов к нему прибегнуть! — Мамфорд с раздраженным видом уселся в свое кресло. — В любом случае это ваших рук дело. Вы сообщили прессе слухи о бедном мистере Мейсоне, иначе откуда бы они знали?

— Именно этот вопрос меня и интересует, — ответил Генри. — Могу вас заверить, что от нас они получили лишь краткое уведомление.

Мамфорд недоверчиво посмотрел на собеседника.

— Я обязан думать о репутации фирмы, — сказал он. — У нас предприятие очень высокого класса, инспектор. Среди наших клиентов есть весьма уважаемые и самые высокопоставленные люди страны. Я не могу допустить, чтобы им были доставлены неудобства.

— Внезапная смерть всегда влечет неудобства, мистер Мамфорд, — сказал Генри. Он хотел избежать штампа, но решил, что его применение быстрее всего доведет мысль до понимания генерального менеджера. — Самое большее, что я могу для вас сделать, — это как можно скорее раскрыть дело.

— В этом я с вами согласен, — сказал мистер Мамфорд. — Естественно, я помогу всем, что в моих силах.

— Это очень любезно с вашей стороны, — отозвался Генри.

— Не стоит благодарности, главный инспектор, — с чувством сказал Мамфорд. — Я вижу, мы с вами понимаем друг друга. Говорим на одном языке.

Тиббет внутренне вздрогнул, ведь именно такое впечатление он и хотел создать. А вслух произнес:

— Прежде всего мне необходимо узнать, каким образом вы впервые услышали о смерти мистера Мейсона.

— Конечно же, от мистера Фрэнка. Он позвонил мне домой вечером в пятницу. Это было страшным потрясением.

— Не сомневаюсь. В котором часу вам звонил мистер Фрэнк Мейсон?

— Сейчас, секунду... это произошло без чего-то восемь вечера. Мы сидели за столом, и ужин был испорчен начисто.

— И что он сказал?

— Сейчас припомню... Он начал со слов: «Мамфорд, это вы?» Он всегда называл меня просто по фамилии, что мне казалось весьма... Потому что мистер Реймонд Мейсон всегда был настолько любезен, что называл меня «мистер Мамфорд». Думаю, вы меня понимаете, инспектор... прошу прощения, главный инспектор. Фамилия — всего лишь фамилия.

— Разумеется, — ответил Генри.

Совершенно без всякой причины у него в голове навязчиво звучала мнемоника тети Доры: «Тиббет, Тиббет, зубы ему выбьет». Он сообразил, что мистер Мамфорд продолжает

свою речь:

— Мистер Фрэнк сказал: «Моего отца убили, Мамфорд». А я ему ответил...

Генри встрепнулся:

— Вы уверены, что он употребил слово «убили»?

— Абсолютно уверен, главный инспектор. «Не верю своим ушам, мистер Фрэнк», — ответил я ему. Честно говоря, сперва мне подумалось, не принял ли он лишнего, потому что информация была просто невероятна. «Вы уверены, мистер Фрэнк?» — спросил я, а он ответил: «Конечно, уверен. Мне только что звонили из полиции Крегуэлла». — «Да, — выпалил я. — Какой ужас!» И это правда был ужас, главный инспектор.

— Конечно, — согласился Тиббет.

— Я спросил его: «Что мне теперь делать?» И он ответил: «Продолжайте работать, Мамфорд, как обычно. Вы же можете сами руководить офисом, да? У вас там все спокойно?» — «Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, мистер Фрэнк», — ответил я. Он всегда был... трудноват в общении. Совсем не то что его отец. А потом Фрэнк произнес странные слова: «Головы полетят, Мамфорд. — Вот так прямо и сказал. — Головы полетят, но вас это не касается. Вы просто работайте, как обычно». — «Разумеется, я именно так и поступлю, мистер Фрэнк», — ответил я. Надеюсь, я сохранил достоинство. А он повесил трубку.

Мистер Мамфорд остановился и протер очки. Потом заговорил снова:

— Вскоре мне позвонил сержант Даккетт из полицейского участка Крегуэлла. Он сообщил, что мистер Мейсон погиб от случайного выстрела. Я это оценил.

— В каком смысле — оценили?

— Н-ну... — Мамфорд закашлялся. — Мистер Фрэнк употребил слово «убийство», как вы уже обратили внимание. А так как вы, главный инспектор, здесь, я могу заключить, что смерть мистера Мейсона не была несчастным случаем. Но совершенно очевидно, что полиция Крегуэлла, — подчеркнул Мамфорд, — все нездоровые аспекты этого дела скрывает от публики. В конце концов, бывают несчастные случаи при стрельбе, особенно в сельской местности. — Генеральный менеджер говорил так, будто Феншир расположен за границами цивилизации, в очень далеких странах. — Вот почему я был возмущен, когда сегодня утром мисс Дженкинс мне сказала...

— Расскажите о мистере Мейсоне, — попросил Генри.

Мистер Мамфорд, прерванный на полуслове, удивился:

— О нем, главный инспектор? Что именно вы хотите узнать?

— Какой он был человек?

— Как это — какой? — Мамфорд был неприятно поражен глупостью собеседника. — Вы просто оглянитесь здесь, в офисе. Мистер Мейсон был крайне успешным человеком.

— Да, но каким именно человеком?

— Богатым, главный инспектор.

В голосе генерального менеджера послышались нотки укора. Реймонд Мейсон был богатым и успешным человеком, а также работодателем Мамфорда. И добавлять к этому ничего не нужно.

Генри сменил подход.

— Когда вы видели мистера Мейсона в последний раз? — спросил он.

— Секунду, подумаю... должно быть, неделю назад. Он, знаете ли, приходил в офис примерно раз в неделю. Держал все под контролем.

— Он был тогда в своем обычном состоянии?

— Да, главный инспектор. Конечно, мистер Мейсон имел... определенный характер, если вы меня понимаете. Всегда общался с девушками в офисе — чудесная и необычная неформальность.

Мистер Мамфорд закашлялся. Ясно, что подобное поведение у любого другого он считал бы скандальным, но у работодателя все было очаровательно-эксцентричным.

— Конечно, — добавил генеральный менеджер, — он вращался в высшем обществе. Среди его друзей было очень много представителей знатных фамилий. Вы бы очень

удивились, главный инспектор.

— Думаю, что удивился бы, — согласился Генри. — В последний раз он встретил здесь своего сына?

— Нет-нет, это было в прошлый раз. Он специально просил меня дать ему знать, когда мистер Фрэнк собирается прийти. Это была непростая задача, разумеется. Я понятия не имел, когда мистеру Фрэнку придет в голову идея сюда забежать. Но по счастью, он позвонил мне накануне, и я смог проинформировать мистера Мейсона. Откровенно говоря, я был несколько удивлен.

— Правда? Почему?

— Н-ну... в общем, без причины.

Мистер Мамфорд, слегка порозовевший, начал вертеть в руках ручку.

— Не следует бояться нарушения конфиденциальности, мистер Мамфорд, — мягко сказал Тиббет. — Вы говорите со Скотленд-Ярдом. Ваш долг как гражданина — рассказать нам все, что вам известно.

— Только, пожалуйста, не нужно видеть в моих пояснениях чего-нибудь зловещего, инспектор. Просто отец с сыном обычно старались избегать друг друга. У мистера Фрэнка, знаете ли, очень современные политические взгляды.

— Да, — отозвался Генри. — Я знаю. Что ж, это вполне правдоподобно. А сейчас, наверное, вы могли бы показать мне вашу бухгалтерию.

— Бухгалтерию? Вы хотите сказать, что будете inspectировать наши счета?

— Не я и не сейчас, — ответил Тиббет. — Я же не квалифицированный бухгалтер и тут готов поверить вам на слово. Я так понимаю, что бизнес процветал?

— Конечно, процветал. И сейчас процветает. — Мистер Мамфорд, несколько успокоившись, сел в кресло, предвкушая удовольствие от рассказа. — Наши показатели за последние десять лет демонстрируют более чем удовлетворительный рост прибыли от сезона к сезону. Благодаря рассчитанной по правилам науки...

— Боюсь, что это мне не по уму, — прервал собеседника Генри. — Остановимся на том, что дела идут хорошо, и сальдо вполне удовлетворительно.

— А вот этого, — возразил мистер Мамфорд, — боюсь, я не смогу вам сказать.

— Но вы же только что...

— Дела идут превосходно, — сказал генеральный менеджер, — и сальдо должно быть удовлетворительным. Но... — Он замялся. — Как я вам уже говорил, мистер Мейсон — человек нестандартный. И банку было запрещено сообщать состояние счетов фирмы любому другому лицу, кроме самого мистера Мейсона. Я имел полномочия выписывать чеки на текущие офисные расходы и выплачивать выигрыши, и нет необходимости говорить, что ни разу мой чек не был отвергнут банком, но...

— Но мистер Мейсон не хотел, чтобы кто-нибудь знал, какое количество средств он частным образом снимает со счетов фирмы. Даже вы.

— Я бы не стал так формулировать, — сухо отозвался мистер Мамфорд.

— Уверен, что не стали бы, — согласился Тиббет. — А теперь, наверное, вы мне покажете бухгалтерию.

— Я говорил вам, главный инспектор...

— Точнее, — продолжал Генри, — я имею в виду личные счета ваших клиентов. Я хотел бы знать, кто делал у вас ставки, у кого есть перед вами долг, кто...

— наших клиентов? — Мамфорд говорил так, будто Тиббет произнес чудовищную непристойность. — Главный инспектор, я никогда, ни при каких обстоятельствах не сообщу имени клиента, тем более его финансовое положение по нашим книгам. Это совершенно...

Потребовалось добрых полчаса и множество официальных слов, прежде чем мистера Мамфорда удалось убедить. Но даже тогда с предельной неохотой он открыл большой зеленый шкаф и позволил Генри проинспектировать записи ставок, сделанных клиентами Реймонда Мейсона. Оказалось, что никакого интереса они не представляли. Как и намекал генеральный менеджер, в реестре было довольно много ярких фамилий. Был черный список

неплательщиков, от которых ставки принимать не следовало, но ни одно из имен не имело отношения к делу. Несколько невезучих личностей, видимо, были у Реймонда Мейсона в глубоком долгу, но их имена снова ничего не значили. В любом случае, — подумал Генри, — должнику не было никакого смысла убивать владельца. Фирма и мистер Мамфорд продолжают работать.

Наконец он закрыл последнее досье.

— Спасибо. Это все, я полагаю?

— Все, главный инспектор. Кроме, конечно, личных папок мистера Мейсона.

— Каких-каких папок?

— Личных. У мистера Мейсона был очень узкий круг особых клиентов, чьи дела он вел только лично.

— И где эти личные папки? — спросил Генри.

— В личном шкафу мистера Мейсона. — Мамфорд показал на небольшой зеленый шкаф в углу. — И нет смысла просить его открыть, главный инспектор, потому что ключа у меня нет. Он был только у мистера Мейсона.

— В таком случае, — ответил Тиббет, — наверное, он здесь. У меня связка ключей мистера Мейсона, находившаяся у него в кармане в момент смерти.

У генерального менеджера в отчаянии открылся рот, когда Генри подошел к шкафу и открыл его одним из ключей. Инспектору показалось, что мистер Мамфорд богобоязненно отвел глаза от этого кошунственного вмешательства.

А содержимое шкафа не выглядело сенсационным. Пара приличного размера коробок да несколько папок. Одну коробку Тиббет вытащил из шкафа.

— Что в ней? — спросил он.

— Предполагаю, — ответил мистер Мамфорд, преодолевая неловкость, — что мистер Мейсон хотел всегда иметь какую-то сумму наличными...

Генри поднял крышку. Коробка была наполнена фунтовыми банкнотами, связанными в пачки.

Вторая коробка оказалась потяжелее. Инспектор вопросительно посмотрел на Мамфорда, который стал пунцово-розовым.

— У мистера Мейсона иногда возникала необходимость принимать важных клиентов...

В коробке ничего неожиданного не оказалось — обнаружилась наполовину опустошенная бутылка виски и бутылка джина. Они стояли на книге с очевидно намекающей суперобложкой. Генри узнал в ней одну из тех, что запрещены в Англии к свободной продаже, но которые, как говорят, читал каждый.

Он закрыл обе коробки, поставил их обратно в шкаф и перешел к папкам. Все они относились к людям высокого ранга и общественной значимости, многие из Крегуэлла. Фактически папки достаточно точно соответствовали именам, столь тщательно занесенным в ежедневник Мейсона. Все сделки по ставкам аккуратно внесены почерком владельца фирмы, так же тщательно было отмечено состояние счета клиента.

Инспектор обратился к Мамфорду:

— Кажется, множество людей находятся перед компанией в долгу. Какие действия вы будете против них предпринимать?

— Вообще никаких, — немедленно ответил генеральный менеджер. — Этот шкаф в распоряжении мистера Мейсона, и больше ни в чем. Он сам как-то по личным каналам собирал долги со своих персональных клиентов. Иногда он принимал решение о списании их по статье «Общие расходы». Он вполне имел право так делать, — добавил мистер Мамфорд таким тоном, будто кто-то это право оспаривал.

— А теперь, когда мистера Мейсона больше нет...

— Меня тоже волновал этот вопрос, — признался управляющий. — И я решил действовать этично. Все клиенты мистера Мейсона, которым компания должна, получают свои деньги полностью. Долги личных клиентов компании будут списаны по статье «Общие расходы». Так пожелал бы сам владелец.

— Понимаю, — сказал Генри. — И вы полагаете, что мистер Фрэнк согласится?

— Мистер Фрэнк, — ледяным голосом ответил Мамфорд, — не будет привлечен к решению данного вопроса.

И тут во внешнем офисе разразилась всеобщая суматоха. Генри и Мамфорд в изумлении переглянулись: девичье хихиканье, громкие голоса, смех, шум передвигаемой мебели — все говорило о появлении прессы.

— Боже мой, — сказал мистер Мамфорд. — Боже мой.

— Я не рвусь на данном этапе встречаться с репортерами, — сообщил Генри. — Так что если...

— Конечно, нет! — вскричал Мамфорд. — Они вас наверняка узнают, и если поймут, что здесь был Скотленд-Ярд... о боже!

— Есть ли здесь другой выход?

— Да, да. Сюда, спускайтесь по лестнице... Внизу есть дверь, в глухой переулок...

Оказавшись на улице, Генри пошел к машине несколько озадаченный. Он был уверен, что загадка смерти Реймонда Мейсона уже решена, а желания заниматься вопросами, не относящимися к делу и, возможно, чреватými неприятностями, у него не наблюдалось. С другой стороны — действительно ли они не относятся к делу? И могут ли не относиться? Вот тот факт, что сэр Джон Адамсон был одним из частных клиентов Мейсона и задолжал компании не менее трех тысяч фунтов?

Тиббет все еще размышлял над проблемой, когда заехал по второму адресу с необходимой проверкой к знаменитому ювелиру, у которого было куплено обручальное кольцо для Мод. По счастью, быстро нашелся продавец, который помнил эту покупку. Мистер Мэннинг-Ричардс пришел в субботу сразу после перерыва, купил кольцо, расплатился чеком. На замечание Генри, что несколько рискованно принимать чек за такую ценную покупку в субботу, продавец ответил с улыбкой, что мистер Мэннинг-Ричардс фирме хорошо известен.

Инспектор поблагодарил его, вернулся к машине и взял курс на Крегуэлл.

Глава 9

Генри едва успел забрать жену из гостиницы и приехать в Грейндж к часу дня. При виде стоящего на дорожке «мерседеса» сэра Джона Адамсона настроение у него несколько ухудшилось.

Вайолет встретила супругов со своим обычным суматошным дружелюбием, и Эмми тут же была представлена всей семье Мансайплов. Вскоре ее увели Мод и Джулиан знакомиться с Рамоной, и Вайолет обратилась к Генри:

— Да, кстати, тетя Дора все утро о вас спрашивала. Я думаю, она хочет вручить вам несколько брошюр.

Инспектор широко улыбнулся:

— Я бы не удивился.

— На нее произвела впечатление ваша аура, — сказала Вайолет серьезно. — А сейчас, простите...

И она умчалась в сторону кухни, а Тиббета поймал за пуговицу сэр Клод — у которого вид был куда более радостный, чем накануне.

— Мы после ленча возвращаемся в Бредвуд, — сказал он. — Долг зовет, так сказать. Я слышал от Вайолет, что вы прояснили это дело со смертью Мейсона. Хорошая работа. — Он глотнул из стакана виски и одобрительно кивнул. — Вот этому я всегда учу своих работников: разберите факты, сделайте выводы и примите решение.

— Очень преждевременно говорить, что все прояснилось, — сказал Генри. — Мир,

знаете ли, полон неожиданностей.

— Так не должно быть, — возразил сурово сэр Клод. — Для специалиста неожиданностей не бывает. Даже исследователь должен быть стойкими к неожиданностям, если у него имеется системный подход к работе.

— Ваша область исследований намного точнее моей, — ответил Генри. — Я имею дело с поведением человека и его пресловутой непредсказуемостью.

— Чушь! — отверг возражение собеседник. — Если подходить к предмету строго научно, то становится ясно: он точно так же подчиняется законам, как и прочие физические явления.

Генри посмотрел на него долгим внимательным взглядом, потом сказал:

— Весьма интересная точка зрения, сэр Клод.

— Что значит «интересная»? Это так и есть, вот и все. Если бы я вам сказал, что завтра утром взойдет солнце, вы бы тоже сказали «интересная точка зрения»? Нет, конечно. Своим работникам я внушаю простой и рациональный способ мышления. Вы бы удивились, узнав, сколь многим из них не хватает ментальной организованности.

— Я правильно понял, что Джулиан Мэннинг-Ричардс тоже скоро будет в числе ваших работников?

— Очень надеюсь. Хороший парень.

— Но ведь он не физик?

— А это и не нужно для данной должности, ведь мне требуется личный помощник. Нужен молодой человек с хорошим образованием, на сто процентов надежный и достаточно разумный, чтобы понять, о чем я ему говорю. Джулиан именно таков.

— Значит, вы его хорошо знаете?

Сэр Клод был удивлен вопросом:

— Конечно, он же помолвлен с моей племянницей.

Именно в этот момент появилась леди Мансайпл.

— Как ваш гербарий, мистер Тиббет?

— Гербарий?

— Да, гербарий полевых цветов. Я надеюсь, вы сегодня ходили к живым изгородям?

— Боюсь, нет. Я работал.

— Какая жалость. А ведь бог дает солнце людям на радость.

Сэр Клод бросил на жену строгий взгляд. Казалось, он хотел ей что-то сказать, но передумал.

Рамона пояснила:

— Стоило выразиться иначе: когда есть солнце — ему нужно радоваться.

— Но есть работа, которую необходимо выполнять, — ответил Генри.

— Но я так поняла со слов Вайолет, что вы... как это у вас говорится? Закрыли дело?

— Боюсь, — возразил инспектор, — миссис Мансайпл сделала, быть может, слишком поспешное заключение. Я всего лишь сказал ей, что она, по моему мнению, может осуществлять свои планы по подготовке субботнего праздника...

Леди Мансайпл увяла.

— Вы хотите сказать, дело не закрыто? — Отчаяние ее было очевидным. — Но ведь Джон Адамсон только сейчас говорил...

— Что именно говорил сэр Джон? — спросил Генри несколько резко.

— Ну, ничего конкретного, учитывая его должность. Но после его слов у нас создалось впечатление, что нет поводов для тревоги. — Рамона с беспокойством внимательно всматривалась в лицо инспектора. — Конечно, вам ежедневно приходится сталкиваться с насильственной смертью и, наверное, поэтому трудно представить, как подобные случаи действуют на нас, людей ординарных.

— Спасибо на добром слове, — улыбнулся Тиббет. — Но я никак не могу согласиться, что Мансайплы — люди ординарные.

— Вы не намекаете, надеюсь, что мы со странностями? — спросила леди Мансайпл с

некоторым раздражением.

— Нет-нет, — заверил ее Генри. — Но я бы сказал, что вы как семья — совершенно исключительны.

— Ну, это да. Если вы имеете в виду семейные мозги, то должна с вами согласиться. Наследство от Директора, конечно же. Жаль, что с Джорджем так вышло.

— Кстати, леди Мансайпл, — добавил Тиббет, оглядывая помещение. — Вы не знаете случайно, где сейчас сэр Джон?

— Только что пошел с Джорджем на стрельбище, — тут же ответила Рамона. — Вроде поболтать без свидетелей. К ленчу вернутся. А сейчас мне хочется украсть у Эдвина вашу очаровательную жену.

Временно предоставленный сам себе, Генри подошел к открытой двери, выходящей на террасу. Эмми, Рамона и епископ обсуждали местную флору и фауну, сэр Клод и Джулиан смеялись над какой-то ученой шуткой, а Мод пошла к тете Доре, чтобы помочь настроить слуховой аппарат. Вайолет находилась в кухне. Вроде бы никто не заметил, как инспектор осторожно вышел в сад.

Серьезно задумавшись, он побрел к стрельбищу между изгородями бирючины. В настоящий момент Тиббет он был убежден, что знает, кем и каким образом был убит Реймонд Мейсон. Согласно перечню обязанностей, больше его в этом деле ничего интересовать не должно. И все же... что-то тут было не так.

Коллеги из Скотленд-Ярда знали его интуицию, которую он сам называл «нюхом» или «чутьем». Зачастую она приводила к необходимости отбрасывать все принятые правила и рассматривать дело в ином ракурсе. Приходилось детально исследовать очевидное и раскапывать глубинные слои. И сейчас интуиция настоятельно подсказывала, что к разгадке истинной тайны Крегуэлла и Мансайплов Генри еще даже не приступал, поэтому нельзя забывать о деле в целом только из-за уверенности, что смерть Реймонда Мейсона была следствием...

Голос прозвучал неожиданно, почти болезненно громко. Он доносился из-за изгороди:

— Но почему, Джон! Почему?

Ирландские интонации могли принадлежать лишь Джорджу Мансайплу.

Послышался шорох листьев, будто кто-то неловко переминался с ноги на ногу. Затем отрывистый голос Джона Адамсона:

— Я тебе только передаю слова Тиббета, Джордж. И не пытаюсь делать вид, что могу их объяснить.

— Физически невозможно, чтобы Мейсон застрелился сам, — сказал майор. — Показания тети Доры...

— Но ведь ты же не воспринимаешь их всерьез, Джордж?

— Только так и воспринимаю. Тетя Дора очень здравомыслящая во многих вещах, могу тебя заверить. И если он сам застрелился, как мог пистолет оказаться в кустах?

— Послушай, Джордж! — Сэр Джон стал раздражаться. — Я все это сообщил, полагая, что тебе будет приятно. Тиббет определенно сказал, что ареста не будет — это значит либо самоубийство, либо несчастный случай, но возможности несчастного случая я не допускаю. Так что можешь забыть о случившемся.

— Этот человек был под крышей моего дома, — упрямо сказал майор. — Точнее, на подъездной дорожке. Мой долг — докопаться до истины в этой истории.

Сэр Джон, видимо, сделал колоссальное усилие, чтобы сохранить спокойствие. Он сказал:

— Когда ты звонил в пятницу вечером, то предложил мне обратиться в Скотленд-Ярд. Я позвонил. Расследование дела поручили не кому попало, а главному инспектору Генри Тиббету. Я не могу понять, Джордж, чего еще тебе не хватает. Тем более, что этот человек не был твоим лучшим другом.

— Именно! — голос Мансайпла прозвучал торжествующе, словно он заработал важное очко. — Абсолютно. Вот почему я чувствую себя обязанным. — После едва заметной паузы

он добавил: — Полагаю, ты знаешь, что говорят в деревне?

— Понятия не имею, что говорят в деревне. Меня это не интересует.

— Это интересует меня, — резко ответил Джордж. — Говорят, что я случайно застрелил Мейсона со стрельбища, отсюда. Так, по крайней мере, говорят самые доброжелательные. Меньшее, что может случиться — сильное давление на Совет с требованием запретить стрельбище, и даже Артур Феншир не сможет помочь. Нет, Джон, от Тиббета недостаточно просто сказать, что ареста не будет, и уехать, оставив кучу неподобранных хвостов.

— Я не понимаю тебя, Джордж, — устало выдохнул констебль. — Я полагал, ты будешь рад узнать, что арестов не будет.

— А я не понимаю тебя, Джон, — настойчиво повторил майор. — Отчего тебе так не терпится завершить это дело?

Адамсон нетерпеливо вздохнул:

— Бесплезный разговор, Джордж. Мне жаль, что я его вообще начал. До получения от Тиббета официального доклада я вряд ли могу что-либо комментировать.

— Ладно, Джон, не пускайся в официальщину. Я тебя слишком хорошо знаю и понимаю: ты что-то скрываешь. По какой-то личной причине ты рад, что пар от этого скотленд-ярдовского расследования ушел в свисток без всякой публичности, без скандала и без должных выводов. Я могу тебе сказать только то, что это не устраивает меня, поэтому я собираюсь поговорить с инспектором.

— У тебя нет такого права, Джордж. Тиббет отвечает только перед своим начальством в Скотленд-Ярде и передо мной.

— Посмотрим, — ответил майор.

— Только потому, что ты боишься потерять свое любимое стрельбище...

Сэра Джона прервал звучный гул обеденного гонга. Генри очень осторожно направился обратно к дому.

Ленч проходил так же, как и в субботу. После латинской застольной молитвы епископа Вайолет Мансайпл раздала большие порции превосходной свежепойманной форели и огородных овощей, горячо извиняясь за неизысканность трапезы. Тем временем Джулиан и Мод разнесли стаканы с лимонадом, на вид весьма подозрительным, но чудесным на вкус. Второй переменной вынесли большое блюдо с консервированными персиками, явно воспринятыми семьей как великолепное угощение, после чего обедающие весьма оживились.

— В Буголаленде, — сказал Эдвин инспектору, — мы всегда на Рождество открывали большую банку персиков. Для рождественского пудинга там слишком жарко. Носильщики тащили персики через много миль по джунглям, но к рождественскому ужину они у меня были всегда. Помнишь, Джулиан? — вдруг спросил епископ пронзительным басом.

— Что помню, сэр?

Молодой человек, вежливо слушавший в очередной раз тетю Рамону, оказался между двух огней.

— Персики к рождественскому ужину, — мощно проревел Эдвин.

— Амброзию полыннолистную на трехаковом лугу, — напомнила леди Мансайпл.

Джулиан посмотрел по очереди на обоих, потом с полной уверенностью сказал Рамоне:

— Да, леди Мансайпл, я ее заметил. — И слегка поклонился, давая понять, что разговор закончен. Обернувшись с улыбкой к епископу, он спросил: — Вы имеете в виду в Буголаленде, сэр?

— Ну конечно! — сказал Эдвин. — Где еще можно подать персики на Рождество?

— Сейчас все сильно переменялось, сэр, — ответил молодой человек с ноткой должного уважения. — Я помню, в моем детстве была традиция подавать на Рождество персики, но сейчас едят мороженое из морозильника.

— В глубинке, вдали от моря, морозильников нет.

Джулиан выглядел несколько неловко.

— Наверное, вы правы...

— Конечно.

Епископ бросил на Джулиана неодобрительный взгляд — так он мог бы посмотреть на викария, сфальшивившего во время службы. Затем полностью перенес внимание на тарелку с персиками.

Вайолет обратилась к Эмми:

— Я слышала, вы с Изабель Томпсон подруги, миссис Тиббет.

— Да, — ответила Эмми. — Точнее, мы вместе учились в школе.

— Очаровательнейшая женщина, — сказала Вайолет. — Так глубоко интересуется всем, что происходит в деревне.

— Пронырливая сплетница, — сказала тетя Дора вслух, и наступила неловкая пауза. Старушка, опасаясь, что ее могут неправильно понять, повторила: — Изабель Томпсон — пронырливая сплетница.

Вайолет покраснела.

— Возьмите еще персиков, миссис Тиббет, — предложила она.

Эмми, у которой тарелка была полна, вежливо отказалась. Эдвин сказал Генри театральным шепотом:

— Вы должны извинить тетю Дору. Возраст, знаете ли. Но для девяноста трех не так уж плохо, если подумать.

Тетушка, абсолютно не смутившись, вдруг повернулась к сэру Джону Адамсону:

— Вы-то знаете, что я имею в виду, Адамсон? Уж если вообще кто-то знает. — Она сделала паузу, отпила из своего стакана и сказала: — Вино превосходно, Вайолет. Наверное, я еще немножко выпью.

— Это не вино, тетя Дора. — Хозяйка была обрадована сменой темы. — Это лимонад.

— Я люблю с десертом хороший сотерн, — невозмутимо заметила старушка.

— Давайте я вам налью, мисс Мансэйпл.

Сэр Джон тут же вскочил с преувеличенной галантностью. Взяв пустой стакан тети Доры, он подошел к боковому столику, где стоял изящный, но выщербленный, уотерфордский стеклянный графин с прохладным зеленым лимонадом.

— Спасибо, Джон, — сказала тетушка и добавила, обратившись к сэру Клоду: — Я слышала, что сын мистера Мейсона сейчас в Крегуэлле.

— Думаю, да, — ответил сэр Клод. — Хотя я его не видел.

— Я так понимаю, что он очень неприятный молодой человек, — вмешалась Рамона. И снова Генри был поражен красотой ее низкого голоса. — Из-за него все время случаются всякие неприятности. Я думаю, он «большевик».

Сэр Джон, вернувшийся к столу со стаканом лимонада для тети Доры, ответил:

— Люди к нему более чем немилостивы. В конце концов, у него есть право на свои политические взгляды, и он только что потерял отца...

— Будто его это трогает, — вставил Джулиан.

— Он в восторге, что старого Мейсона больше нет, — поддержала жениха Мод. — Отца ненавидел, а теперь наследует его бизнес.

— Ну, да. — Главный констебль шумно прокашлялся, садясь на место. — Наследовать — это нормально для любого единственного сына. И нет надобности предполагать, что он хотел смерти отца. Боже мой, — продолжал Адамсон несколько агрессивнее, — так ведь можно сказать, что вы и Мод только и ждете возможности пристукнуть старину Джорджа, чтобы унаследовать его дом. Как вам такое, молодой человек?

Джулиан ничего не сказал, только сильно побелел, а Мод зарделась. «Больше от гнева, — подумал Генри, — нежели от смущения». Джордж Мансэйпл поднял глаза от персиков:

— Пристукнуть? Меня? Кто хочет меня пристукнуть?

— Никто, Джордж. — Голос Вайолет звучал очень расстроено. — Джон, ну в самом деле, вы какую-то уж несуразицу говорите. Мод, милая, ты не принесешь сыр из кладовой? И сливочное печенье в жестянке, она под лестницей...

Когда народ потянулся из столовой после ленча, тетя Дора будто впервые заметила Генри.

— А, — сказала она довольно. — Вот вы где, «Тиббет, зубы ему выбьет». А я вас искала.

— Да, мне миссис Мансайпл говорила.

— Мне очень хочется сказать вам пару слов, мистер Тиббет. — Интонация у старушки была совершенно заговорщицкая. — У меня имеются некоторые бумаги, которые, думаю, вас заинтересуют. К нашему вчерашнему разговору.

— Это... астральные явления животных?

— Явления астральных тел, — поправила тетя Дора. — Астральные явления — такого понятия нет. Сейчас я слегка устала, мистер Тиббет. Полагаю, дело во втором бокале сотерна. Так что я думаю пойти и на некоторое время принять горизонтальное положение.

Генри не успел ответить, как старушка передвинула выключатель слухового аппарата. Изолированная от мира высокочастотным шумом, она медленно направилась к лестнице.

Инспектор надеялся побеседовать с сэром Джоном Адамсоном пораньше, но тот развеял его надежды:

— Я очень хочу с вами поговорить, Тиббет, но прямо сейчас должен ехать в Дэнфорд по срочному делу. Приезжайте ко мне в пять, как вам?

Генри пришлось согласиться. Сэр Джон тут же вышел, и его «даймлер» двинулся прочь по дорожке. Сэр Клод и леди Мансайпл уже собрались и были готовы возвращаться в Бредвуд, так что Джулиан предложил подвезти их до станции. Джордж Мансайпл ушел на стрельбище, о чем свидетельствовали отдаленные выстрелы. Пронзительные звуки кларнета не оставляли сомнений относительно местопребывания епископа и его занятия. Вайолет накинула передник, и ей не терпелось взяться за уборку и мытье. У Тиббетов не было никаких причин задерживаться.

Когда они выехали на дорогу, Эмми сказала:

— Какие чудесные люди! По рассказам Изобель я боялась, что они будут назойливы и похожи на театральных ирландцев. Но нет, они настоящие.

Генри помолчал, потом спросил:

— Все?

Эмми удивилась:

— Конечно. Это же одна семья, разве нет?

— Они не все Мансайплы, — напомнил инспектор. — Вайолет, Джулиан и Рамона — не из этой семьи.

— Я знаю, — ответила Эмми. — Но это все равно что пересадка кожи...

— Не понимаю. В каком смысле?

— Как-то я читала — лоскут должен быть с тела самого человека или от близкого родственника. Иначе тело просто отторгнет его.

— Ты хочешь сказать, что семейство Мансайпл именно так отвергнет чужаков?

— Да, я в этом уверена. Нет, не в том смысле, что все они женятся на кровных родственниках. А просто чужой, не вписывающийся, долго не продержится. Или помолвка будет расторгнута, или брак развалится. Ну да! — воскликнула она. — Вот именно это Изобель имела в виду, когда говорила о Джулиане.

— А что она имела в виду?

— Ну, она говорила, что семья собирается на эти выходные, чтобы подвергнуть молодого человека «проверке на вшивость». Мне это показалось ужасным, но теперь я понимаю. Это не «проверка» в обычном смысле слова, а просто предполагаемого нового члена семьи подвергают массированному ее воздействию — проверяют, приживется ли лоскут. Например, — в голосе Эмми послышался смех, — тебя совершенно очевидно приняли как своего. Жаль, что Мод для тебя слишком молода!

— Не говори глупостей, — ответил Генри, но почему-то ему стало приятно. — А как ты думаешь, Джулиан вписался?

— О, идеально. Он не выдающаяся личность, но прекрасно умеет адаптироваться. Не пройдет и года, как молодой человек будет больше Мансайплом, нежели сами его новые родственники. Мне кажется, они с Мод — чудесная пара.

Генри промолчал. Эмми пристально на него посмотрела:

— Тебе Джулиан не нравится?

— Почему ты так решила?

— Не знаю. Просто чувствую.

— Чувство тебя обманывает. Но признаюсь, некоторое беспокойство он у меня вызывает.

— Беспокойство? Почему?

Он очень серьезно ответил:

— Человек, помолвленный с Мод Мансайпл, не может не вызывать беспокойства.

Но когда жена стала уточнять, Генри закрылся, словно раковина, и свое суждение развивать отказался. Поэтому дальше ехали молча, пока инспектор не свернул посреди деревенской улицы налево.

— О? — спросила Эмми. — Мы возвращаемся в бар?

— Я думал, — сказал Генри, — что можно было бы заехать к Томпсонам. Встреча с доктором назначена в четыре, но еще меня интересует «пронырливая сплетница» тети Доры.

— Она не такая, — засмеялась Эмми.

— Вот и хочу посмотреть. К суждениям тети Доры я отношусь с уважением.

Изобель Томпсон встретила школьную подругу с энтузиазмом, но несколько растерялась, увидев Генри.

— Ой! Инспектор Тиббет, я так рада с вами познакомиться, но боюсь, что Алек все еще объезжает пациентов. Он сказал, что ожидает вас не раньше четырех.

— И был совершенно прав, — ответил Генри. — Я действительно приехал раньше времени. Но думал, что вы не станете возражать, если я подожду здесь.

— Нет... нет, конечно же. — Почему-то в голосе миссис Томпсон ощущалось разочарование. — Хотите чаю?

— Я бы куда больше предпочла послушать последние деревенские сплетни, — ответила Эмми.

Изобель засомневалась, посмотрев на инспектора:

— Не знаю, должна ли я...

Эмми вслух рассмеялась:

— Меня ты не проведешь, Изобель, — сказала она. — Тебя просто распирает от какого-то сногшибательного скандала. Давай, выкладывай, а Генри возражать не станет. На самом деле, ему даже интересно.

— Если ты и правда уверена, — начала миссис Томпсон, не в силах сдержать нетерпение.

— Уверена, уверена. Зачем бы еще мы приехали?

— Ну, тогда... — Изобель повернулась к Эмми, сияя в предвкушении рассказа о самых горячих новостях. — Это про Фрэнка Мейсона, который сын. Полагаю, вы знаете, что он в Кругуэлл и живет в Лодже.

— Да, — ответила Эмми. — Мы его в «Викинге» видели. Ты Фрэнка хорошо знаешь?

— Хорошо? Милая моя, до этих выходных никто в Кругуэлл и понятия не имел о его существовании. Реймонд Мейсон о нем вообще молчал, и я его теперь понимаю.

— О чем ты говоришь?

— Началось в субботу, когда молодой Мейсон мотался по всей деревне — в «Викинг», в полицейский участок, в магазины, — всюду, где мог найти слушателя. Кучу народу вывел из себя.

— Чем же?

Изобель засмеялась:

— Кругуэлл — последнее место на земле, где стоит пропагандировать левые взгляды,

связанные с насилием, — пояснила она. — Он начал в «Викинге», во время ленча, объяснять старому Альфреду, официанту, что тот — пережиток феодального общества. Альфред был в ярости — особенно когда Мейсон сообщил ему, что чаевые унижают человеческое достоинство. Потом он выловил эту слегка глуповатую девушку, что помогает миссис Роджерс в универмаге. Бетти ее зовут. Он требовал отчета, почему она не состоит в профсоюзе, сколько часов работает и платят ли ей сверхурочные. Тут же довел Бетти до слез, и миссис Роджерс говорит, что была вынуждена выгнать его из магазина: бедная девушка очень расстроилась, и ей пришлось уложить в постель.

И это было еще не худшее. Вчера он встретил викария, направляющегося в церковь, и сообщил ему, что тот — лакей капиталистов, жирующий на предрассудках дураков. В «Викинге» в час ланча он говорил, что Мод Мансайпл — дебютантка-вырожденка, которая присосалась к его отцу, а Джулиан Мэннинг-Ричардс — еще больший вырожденец-плейбой, застреливший Реймонда Мейсона из-за ревности. А еще он обвинил сэра Джона Адамсона, что тот защищает Мэннинг-Ричардса как собрата по сословию.

— Как жаль, что мы все это пропустили, — задумчиво сказала Эмми. — Мы в «Викинге» обедали, но в бар не заходили. Я правильно понимаю, что у местных жителей подобные речи не получили радостного приема?

— Конечно, нет, — ответила Изабель в восторге. Она будто совершенно забыла о присутствии Генри, который полулежал в кресле с закрытыми глазами. — Мансайплов здесь любят, а Мод просто обожают — почти вся деревня помнит ее еще ребенком. А Джулиан — конечно, его не так хорошо знают, но он симпатичный парень, и видно, что Мод от него без ума, а этого достаточно, чтобы в Крегуэлле его полюбили. Адамсоны здесь живут уже несколько поколений, и сэр Джон пользуется всеобщим уважением. Если бы Фрэнк Мейсон продолжал и дальше себя так вести, то мог бы не унести ног из Крегуэлла живым.

— Ты говоришь так, — сказала Эмми, — будто его поведение осталось в прошлом и сейчас переменилось...

— Но так и есть! — Подруга бурлила, история буквально вырывалась наружу. — Это я и пытаюсь тебе сказать. Услышала все от мисс Уайтхед в булочной. Кажется, ее племянник, молодой Том Харрис, вчера был на рыбалке, и вечером, по пути домой, видел, как Фрэнк Мейсон гуляет вдоль реки. И как ты думаешь, с кем он шел? С Мод Мансайпл и ее щенком! Том сказал, что Мейсон был очень почтителен. А потом, в баре, была жуткая ссора между Фрэнком и Джулианом. Мне Мэйбл сказала.

— Я бы не назвала ее жуткой, — ответила Эмми. — Небольшая перебранка, но...

— Ты там была, что ли?

— Очень недолго, — быстро ответила миссис Тиббет.

— В общем, — продолжала Изабель, — вся деревня уже знает, что Фрэнк Мейсон по уши влюбился в Мод и готов устранить Джулиана не мытьем, так катаньем. Сегодня на почте миссис Пенфолд сказала, что не удивится, если Фрэнк попытается убить конкурента. А миссис Радж думает, что уж скорее Джулиан в конце концов побьет младшего Мейсона. «Выдаст как следует, и поделом ему», — сказала она. И еще одно: миссис Пенфолд и миссис Уайтхед заметили — как это странно, что ничего не слышали о Фрэнке, пока его отец был жив. Наверняка между ними что-то произошло, а теперь Фрэнк наследует его бизнес. Наводит на определенные мысли, правда? Пегги Харрис из молочной прямо так и заявила, что сэр Джон должен Фрэнка Мейсона арестовать.

— Пару дней назад, — напомнила Эмми, — все считали, что это Джордж Мансайпл убил...

— Вот об этом я и говорю, — перебила Изабель. — Все переменилось. Про Джорджа сегодня вообще никто не вспоминает, все настроились на драку между Фрэнком и Джулианом. Можно подумать, будто речь идет о соревновании тяжеловесов. И еще...

В этот момент открылась дверь и вошел высокий худой человек со словами:

— Простите, пожалуйста, что заставил вас ждать, инспектор Тиббет. Пришлось заезжать на ферму Фэрфилда. Ребенок заболел — ничего серьезного.

— Алек, милый, — сказала Изобель. — Если ты остановишься перевести дыхание, я успею тебя представить миссис Тиббет.

— Очень рад познакомиться, — ответил доктор Томпсон, даже не глянув в сторону Эмми. — А теперь, инспектор, если мы с вами перейдем в кабинет, то сможем спокойно поговорить. Боюсь, через несколько минут мне придется снова уходить.

— Я знаю, насколько вы заняты, — ответил Генри. — И не отниму у вас много времени...

— Это хорошо, — отозвался Томпсон без всякого намерения быть грубым. — Сюда, пожалуйста.

Направляясь за доктором в кабинет, Генри услышал слова Изобель Томпсон:

— И понимаешь, самое интересное: все знают, что сэр Джон никогда не решится...

Доктор сел за стол, показав инспектору на стул, и сказал:

— Если честно, не понимаю, что я мог бы добавить к протоколу осмотра трупа, который составил для сержанта Даккетта. Выстрел, ставший причиной смерти, был сделан со значительного расстояния. Пуля вошла в правый висок. Смерть наступила мгновенно. Выстрел был очень хорош, кто бы ни держал пистолет. Если только, конечно, не произошел несчастный случай. Например, человек на стрельбище не мог видеть Мейсона, даже не знал, что он там... но это уже, разумеется, не моя область. Так о чем вы хотели спросить?

— О вашем отце, — ответил Генри.

— О моем отце? — Алек Томпсон резко выпрямился и посмотрел на инспектора так, будто того немедленно следовало отправить в ближайшую психиатрическую больницу. — О моем отце?

Тиббет широко улыбнулся:

— Да, — сказал он. — О вашем отце и об отце Джорджа Мансайпла.

— Но... — доктор Томпсон сделал нетерпеливый жест. Он очень старался казаться вежливым, но было очевидно, что это стоит ему немалых усилий. — Дорогой Тиббет, что, ради всего святого, вы хотите о них узнать?

— Я точно не могу сказать, — признался Генри. — Все, что вы сможете сообщить.

Доктор Томпсон на секунду принял такой вид, будто он сейчас взорвется. Потом, решив, видимо, не раздражать этого сумасшедшего, сказал:

— Что ж... мой отец много лет наблюдал Директора. Они никогда не были особо близкими друзьями. К концу жизни, по правде сказать, Директор стал подозревать даже отца. Выливал его лекарства в раковину — на случай, если они отравлены, — выплевывал таблетки, отказывался от осмотров. Ну, обычные старческие капризы. Если бы не мисс Дора, — она ему вливала лекарства в какао, когда он не видел. Единственный человек во всем мире, которому Директор доверял, — его юрист Артур Прингл, который и убил старого Мансайпла в конце концов — такая вот ирония судьбы. Не знаю, что еще я могу вам сказать.

— Директор действительно был не в своем уме?

Томпсон задумался.

— Не так, чтобы можно было установить это официально, — сказал он наконец. — Старик мог вести себя совершенно обыкновенно — насколько возможно для Мансайпла, разумеется. В делах школы его разум был острым как бритва до самого конца. Его симптоматика — это бред преследования, что для старых людей не является необычным. В данном случае, как я понимаю, началось с потрясения в связи со смертью жены и дальше прогрессировало: он перестал доверять кому бы то ни было — в частности, врачам.

— И все же, — сказал Генри, — насколько я понимаю, на смертном одре он доверил вашему отцу какую-то тайну.

Доктор пожал плечами:

— *Faute de mieux*⁶, — произнес он. — Да я бы и не назвал это тайной. Видимо, старик

⁶ За неимением лучшего (*фр.*).

отчаянно хотел что-то сказать Джорджу насчет дома и так далее. Отец говорил, что это выглядело очень трогательно. Знаете, Директор был выдающейся личностью.

— У меня сложилось именно такое впечатление, — отозвался инспектор.

— А сейчас, Тиббет, если я ничем больше не...

— Прингл, — сказал Генри. — Юрист.

— Тут не могу помочь, — ответил Томпсон. — Фирма закрылась вскоре после его смерти.

— Семьи у него не осталось?

— Никогда не был женат. — Доктор криво улыбнулся. — Любые тайны, которые мог знать Артур Прингл, умерли вместе с ним. — Он посмотрел на часы. — Мне очень жаль, Тиббет, но...

Его прервал телефонный звонок. Нетерпеливым движением Томпсон снял трубку.

— Доктор Томп... Кто? Да, конечно, миссис Мансайпл. Приеду как только смогу. Меня чуть задержали сегодня. — Взгляд, брошенный им на Генри, нельзя было назвать дружелюбным. — У меня пара срочных вызовов, а потом... да, да, вы мне сказали, но у нее такие приступы бывали довольно часто? Да... обычные таблетки, беспокоиться не о чем... позже приеду... до свидания, миссис Мансайпл.

Он повесил трубку и встал:

— Ну, надеюсь, что оказался вам полезен, Тиббет.

— В помощи нуждается... — начал инспектор, понимая, что медицинская этика запрещает задавать доктору вопросы об этом звонке, но Генри был очень заинтригован.

Томпсон отлично знал медицинскую этику.

— До свидания, инспектор, — твердо сказал он. — Очень был рад познакомиться.

Открыв дверь, доктор крикнул:

— Изобель, я уезжаю, буду к ужину!

Затем он намотал на шею старый шарф, влез в пальто и поспешил к своей машине. Генри забрал Эмми из гостиной и повез ее обратно в «Викинг». Подошло время ехать в Крегуэлл-Мэнор на разговор с сэром Джоном Адамсоном.

Глава 10

В Крегуэлл-Мэноре имелось все, чего не доставало Крегуэлл-Грейнджу. Прежде всего, он был построен в царствование королевы Анны, когда архитекторы понимали красоту пропорций, без излишней вычурности. Сады Крегуэлл-Мэнора выглядели тщательно ухоженными, газоны пострижены, клумбы аккуратно высажены. Когда пожилая горничная в белом переднике открыла дверь инспектору, он вошел в прохладный холл со строгим интерьером, где пахло лавандой и мебельным лаком. В сравнении с Крегуэлл-Грейнджем, с его своеобразной индивидуальностью Крегуэлл-Мэнор казался безликим, как кукольный домик.

Сэр Джон ждал Тиббета в кожаном кабинете с книжными полками. Он держался свободно и жизнерадостно и настоял, чтобы Генри выпил с ним виски.

Наполняя бокалы, констебль сказал:

— Ну, что ж, Тиббет, нам всем было приятно вас здесь принимать и, конечно, вас будет не хватать. Но, с другой стороны, затягивать с подобного рода делом никому не хочется. Очень ценно, что вы так быстро его раскрыли, и мы все вам благодарны. — Он поднял стакан: — За ваше здоровье и успехи! Пусть следующий ваш визит будет более долгим — и неофициальным.

Инспектор улыбнулся:

— Вы очень добры, сэр Джон, — сказал он. — Более, чем я заслуживаю.

— Отнюдь. Исключительно хорошая работа...

— Я о том, — пояснил Генри, — что пока еще не уезжаю из Крегуэлла.

Растерянность сэра Джона была почти комичной.

— Не уез... — начал он. Потом взял себя в руки. — А, понял. Вы остаетесь отдохнуть на несколько дней!

— Не отдохнуть, сэр Джон. Я не завершил расследование.

Но на этот раз констебль сохранил самообладание. Однако по голосу было очевидно, что приятных ощущений эта новость не вызвала.

— Что за экстраординарное поведение, Тиббет? — спросил он. — Вы мне по телефону совершенно ясно дали понять, что раскрыли загадку смерти Мейсона и что арестов не будет.

— Это была чистая правда.

— Что же тогда...

— Сэр Джон, — спросил инспектор, — вы игрок? В смысле, вы играете на скачках?

Вопрос застал Адамсона врасплох.

— Черт побери! — сказал он. — Вопрос совершенно неуместный, бестакт...

— Искренне заверяю вас, — перебил его Генри, — что не стал бы задавать его, но он очень важен.

— Я даже не буду делать вид, что понимаю, куда вы клоните, Тиббет. Но, если вы настаиваете — да, я ставлю сколько-то фунтов на Дерби, на Национальной, ну, и так далее. Как большинство людей. Но я бы определенно не назвал себя игроком.

— Вы никогда не размещали ставки, например, у Реймонда Мейсона?

На этот раз было отчетливо заметно колебание сэра Джона перед ответом.

— Я вам уже сказал — делал иногда небольшие ставки, и обычно у Реймонда Мейсона. В конце концов, если у тебя есть сосед-букмекер...

— У вас не было с ним никаких дел до его приезда в Крегуэлл?

Главный констебль был определенно шокирован:

— Конечно, нет, — ответил он. И после очень небольшой паузы добавил: — Когда этот человек сюда приехал, он к очень многим — к Мансайплам, например, или ко мне, — подходил с предложением открыть у него счет. Мейсон говорил, что нам это будет просто и приятно, поскольку он — личный друг. Я случайно узнал, что Джордж Мансайпл просто рассмеялся в ответ — вряд ли он или Вайолет за всю жизнь хоть шестипенсовик поставили. Но для себя я решил, что это может быть полезно...

— И вы открыли счет в «Букмекерской конторе Реймонда Мейсона»?

И снова незначительное колебание. Затем сэр Джон ответил:

— Нет-нет. Ничего столь серьезного. Я просто обращался к Мейсону, когда хотел сделать небольшую ставку. Послушайте, Тиббет, мне не понятно, к чему вы ведете.

— Сегодня утром я был в лондонском офисе Мейсона, — ответил Генри, — и ознакомился с его записями.

— Тогда вы должны знать, что никаких счетов у меня в этой фирме не было, — сказал Адамсон с некоторым напором. — Зачем было меня расспрашивать?

— У вас не было счета в фирме «Букмекерская контора Реймонда Мейсона», — начал инспектор.

— Именно это я и сказал.

— Но у вас был личный счет. Лично у Реймонда Мейсона.

Сэр Джон был слегка шокирован, но тут же нашелся:

— Разве не это я пытаюсь вам сказать?

— Мистер Адамсон, — сказал Генри. — Я должен вам сообщить, что просмотрел этот счет.

Тут уже не пришлось сомневаться, что реакцией сэра Джона был гнев.

— Верх бесстыдства! — взревел он. — Значит, этот молокосос-сынок...

— Фрэнк Мейсон не имеет к этому отношения, — возразил Тиббет.

— Так кто тогда...

Генри торжествующе улыбнулся:

— Я имел дело с мистером Мамфордом.

— Каким-каким мистером?

— Мамфордом. Генеральным менеджером.

— Генеральный менеджер не знал бы...

Сэр Джон осекся.

— Он и не знал, — заверил инспектор. — Ему было известно о существовании личных счетов, но ключа от шкафа с папками он не имел. Мистер Мамфорд проявил сильное недовольство, когда я сам открыл священный шкаф. Это оказалось не очень сложно — вопрос был лишь в правильном выборе ключа на связке Мейсона.

К удивлению Генри, констебль расхохотался.

— Значит, позорная тайна вышла наружу, — сказал он. — Естественно, я не рвался кричать на всю деревню о своих делах с Мейсоном.

— Позволю себе добавить, — вставил Тиббет, — что вряд ли вы хотели бы кричать на всю деревню, что должны ему три тысячи фунтов.

— Три тысячи... — На лице Адамсона отразилось чистейшее удивление. — Что вы, черт побери, имеете в виду?

Генри почувствовал, что ему начинает надоедать происходящее.

— Вы отлично знаете, что я имею в виду, сэр Джон. Я сегодня утром видел ваш счет. Вы были должны Реймонду Мейсону три тысячи фунтов — неоплаченные игорные долги.

— Но это просто смешно. Я ничего ему не был должен.

— Там все написано черным по белому.

— Дорогой мой Тиббет, — ответил сэр Джон эмоционально, — я знаю, на что ставлю деньги, какие из моих лошадей выигрывают, а какие проигрывают. Может быть, я делал больше ставок, чем пытался вам внушить, но... — Тут ему в голову пришла новая мысль: — Конечно, они подложные. Поддельные документы. Видимо, Мейсон думал, что они дадут ему власть над... а что будет теперь? Когда этот его жалкий сын потребует от меня денег...

— Никто ничего не станет от вас требовать, мистер Адамсон, — перебил Генри. — Мистер Мамфорд дал мне слово, что все долги по личным папкам будут списаны.

Сэр Джон резко сел.

— Это правда?

— Да.

— Тогда это ставит меня еще в более неприятное положение.

— Что вы хотите этим сказать, сэр?

— Я не идиот, молодой человек! — огрызнулся констебль. — Если смотреть на внешнюю сторону фактов, как поступаете вы, то этот проклятый счет дает мне сильнейший мотив для убийства Мейсона...

Его прервал пронзительный телефонный звонок.

Сэр Джон быстро снял трубку, словно радуясь поводу прервать неловкий разговор.

— Адамсон слушает. Кто? Да, Джордж, что на этот раз? Надеюсь, не новый труп?

С другой стороны донесся поток речи, во время которой сэр Джон стал краснеть. Наконец словесная лавина начала затихать, и констебль смог вставить хоть что-то:

— Джордж, мои соболезнования... Все, что смогу сделать... Да-да, бедная Вайолет... Да, конечно, так об этом и надо думать, но всегда неожиданно... Да, не совсем неожиданно, конечно, но... Тиббет? Он сейчас у меня... конечно, скажу ему... да, да... хорошо, дай мне знать, если что... да, пока, Джордж.

Он повесил трубку, достал из кармана большой платок и громко высморкался.

— Звонил Джордж Мансайпл.

— Да, я это понял, — ответил Генри.

— Звонил сказать... умерла тетя Дора.

— Тетя Дора, — повторил инспектор. Он очень огорчился, но неожиданной новостью для него не была.

— Нет-нет, ничего по вашей линии. — Сэр Джон, взволнованный трагическим известием, пытался сохранить улыбку. — Ей было все-таки девяносто три... Такой исход ожидаем, вечно жить невозможно. Вайолет сегодня находилась в Грейндже на каком-то заседании комитета, и тетю Дору не видела целый день. В половине пятого она поднялась к ней спросить, не хочет ли старая леди чаю. И нашла ее без сознания. Сразу же позвонила Томпсону, но он отмахнулся — мол, обычный приступ и сказал, что приедет позже. Появился он несколько минут назад, но слишком поздно. Старая леди, бедняжка, уже умерла.

— Очень жаль, — сказал инспектор, чуть запнувшись.

— Ее нам будет очень не хватать, — произнес констебль.

— Уверен в этом.

— Да, кстати... Джордж сказал, что тетя Дора ждала вас сегодня вечером с какими-то брошюрами. Просил вам передать, что теперь нет смысла ехать.

— Я знаю, — сказал Генри. У него был очень несчастный вид, и настроение не лучше. — И все-таки... наверное, мне нужно заехать в Грейндж.

Дверь ему открыла Вайолет Мансайпл. Глаза у нее были красные от недавних слез, но она заставила себя улыбнуться и сказала:

— А, мистер Тиббет! Я думала, Джон вам сообщил...

— Да, миссис Мансайпл, он передал эту неожиданную новость. Я хотел вам выразить свое глубокое сочувствие.

— Я рада, что вы приехали, — ответила Вайолет. Открыв дверь шире, она пригласила Генри войти. — Тетя Дора очень хотела с вами поговорить.

— Мне очень неприятно вторгаться к вам в такое время...

Миссис Мансайпл резко оборвала его:

— Нет, мистер Тиббет, мы всегда вам рады. Да и в любом случае, в этой семье не принято соблюдать траур.

— Не принято?

— Директор этого не одобрял. Конечно, Эдвин, учитывая его положение... но в глубине души он с нами согласен. Даже когда умерла мать Джорджа, Директор не велел опускать шторы и не стал отменять ни одной деловой встречи. Наутро он уже был за своим письменным столом в Кингсмарше, как всегда.

Генри подумал, что, учитывая дальнейшее поведение Огастеса Мансайпла, ему стоило бы согласиться на соблюдение публичного траура. Но это уже не его дело. Он сказал:

— Могу я ее видеть? Тетю Дору? Я хотел бы... выразить почтение.

— Конечно, мистер Тиббет. Она в морге похоронного бюро Паркинса в Кингсмарше. Можете прийти туда в любой момент до похорон.

Тиббет этого не ожидал.

— Вы хотите сказать... что уже?

— Да, конечно. Они, знаете ли, работают быстро и эффективно. Доктор Томпсон подписал свидетельство о смерти в пять часов, и я тут же позвонила Паркинсу.

Генри растерялся. Он не мог придумать ни одного предлога, чтобы осмотреть комнату тети Доры. Инспектор огляделся в поисках какого-нибудь повода, и совершенно случайно его взгляд проник в кухню — там был заметный беспорядок.

Вайолет Мансайпл покраснела:

— Ой, мистер Тиббет, прошу вас, не смотрите туда. У меня не было времени помыть посуду после ленча, все из-за этого дурацкого заседания. Я даже не успела сделать чай, когда поднялась к тете Доре, а там...

Голос ее дрогнул и она замолчала. Потом, взяв себя в руки, сказала:

— Но, конечно, вы же хотите взять те брошюры...

— Брошюры?

— Те, что тетя Дора собиралась вам дать. Вы же за ними приехали? Подождите здесь, я схожу и принесу вам их. Она отложила брошюры возле кровати, для вас. Сию минуту.

Вайолет Мансайпл исчезла наверху. Генри быстро вошел в кухню. Стакан тети Доры он узнал без труда. Тот был пуст, но на нем остались следы высохшего лимонада. Генри огляделся вокруг. На полке стоял небольшой аптечный пузырек с пробкой. Невозможно было понять, чист он или нет, но времени думать не оставалось. Инспектор отлил лимонад в пузырек, заткнул его и сунул в один карман, в другой спрятал стакан тети Доры. Генри успел выйти в холл до того, как вернулась Вайолет. Но тут, к своему ужасу, он увидел, что Джордж Мансайпл стоит в дверях своего кабинета и внимательно наблюдает за происходящим.

Генри промямлил какие-то слова соболезнования, но Джордж пропустил их мимо ушей и кратко сказал:

— Не спрашиваю, что вы делали в кухне — это ваше дело. Только прошу вас не расстраивать Вайолет больше, чем это необходимо. Время для нее нелегкое, а тут еще этот Праздник в субботу.

— Но вы же его отмените?

— Нет, конечно. Моя жена вам не сказала? Директор никогда не одобрял траура. Все будет идти как обычно. А вот и Вайолет.

Майор вернулся к себе в кабинет, а миссис Мансайпл вышла из-за поворота лестницы.

— Надеюсь, я все их нашла, мистер Тиббет.

У нее в руках была большая пачка печатных материалов.

Генри быстро взял брошюры и вложил в портфель.

— Уверен, что нашли, миссис Мансайпл. Это так заботливо с вашей стороны... Нет-нет, не беспокойтесь, не провожайте, я сам выйду.

В кармане пальто постукивал о трубку стакан тети Доры, но, к счастью, Вайолет этого не заметила. С максимальной быстротой, насколько позволяло достоинство, инспектор вышел и сел в машину.

Сперва он поехал к дому доктора Томпсона, где — как и ожидалось, — явно оказался не совсем желанным гостем. Молодая девушка в белом комбинезоне, которую Генри раньше не видел, сообщила ему, что доктор и миссис Томпсоны сейчас заняты ужином, и беспокоить их нельзя. По срочным случаям следует звонить доктору Бренту из Нижнего Крегуэлла.

От Тиббета потребовались некоторые усилия для убеждения юной церберши в том, что хотя его случай является срочным, доктор Брент никак не сможет заменить доктора Томпсона. Девушка еще смотрела на посетителя в глубоком сомнении, когда открылась дверь — видимо, из столовой, и оттуда появилась Изабель Томпсон с весьма недружелюбным лицом.

— Мэри, в чем дело? — спросила она. — Я три раза звонила, и... — Тут хозяйка увидела Генри. — А, это вы.

Энтузиазма в ее голосе не присутствовало совсем.

— Да, миссис Томпсон. Мне очень неловко вас беспокоить, но я должен поговорить с вашим мужем.

— Ох ты, боже мой. Неужели нам нельзя иметь хоть минуту покоя?

— Мне действительно жаль, миссис Томпсон, но это важно.

— Что, прах побери, здесь происходит, Изабель?

В холл вышел доктор с салфеткой в руке.

— Сегодня вечером, — сказал Генри, — вы подписали свидетельство о смерти мисс Доры Мансайпл.

— Да, подписал. Есть возражения?

— Нет, я только хотел бы узнать причину смерти.

Алек Томпсон улыбнулся:

— Дорогой мой Тиббет, ей было девяносто три.

— Мне это известно, но даже люди ее возраста не умирают без причины.

— Естественно, причина есть. В данном случае — сердечная недостаточность. У нее уже давно было слабое сердце.

— Вы ее осмотрели?

Алек Томпсон стал проявлять нетерпение:

— Послушайте, Тиббет! Вы были у меня в кабинете, когда позвонила Вайолет Мансайпл. У тети Доры был обычный приступ. Вы слышали, как я велел дать ей прописанные мною таблетки.

— Если это был обычный приступ, почему тогда миссис Мансайпл вам позвонила?

Доктор нетерпеливо взмахнул салфеткой.

— Наверное, приступ оказался серьезнее обычного, иные симптомы, видимо. Я приехал туда, как только смог, обслужив сначала более срочный вызов. Но старая леди уже умерла. Явно от сердечной недостаточности — это каждому понятно.

— Да и мне тоже, — ответил Генри. — У меня все, спасибо.

От дома доктора инспектор поехал в полицейский участок. Сержант Даккетт встретил его с горячим дружелюбием, предложив едва теплый чай, и стал с нескрываемым любопытством слушать телефонный разговор Тиббета с инспектором Робинсоном в Кингсмарше. Последний с профессиональным спокойствием согласился послать в Крегуэлл машину за стаканом и аптечным пузырьком, чтобы провести лабораторный анализ.

Когда Генри повесил трубку, сержант Даккетт, стараясь, чтобы вопрос прозвучал между делом, спросил:

— Это стакан из Крегуэлл-Лоджа, сэр, как я понимаю? Из дома покойного мистера Мейсона?

— Нет, — ответил Тиббет. — Не из Крегуэлл-Лоджа. — Достав стакан и пузырек из кармана, он положил их на стол. — Эти предметы, сержант, следует тщательно завернуть и отдать шоферу из Кингсмарша.

— Да, сэр. — Даккетт разглядывал предметы с большим интересом, потом спросил с интонацией человека, знающего, что у него есть мозги. — Наверное, стоит их надписать, сэр?

— Да, — ответил Генри. — Надпишите.

Сержант, облизав губы, достал ручку и пачку стикеров. Потом посмотрел на начальника с ожиданием.

— Напишите: «На химический анализ. Главный инспектор Тиббет».

Разочарование Даккетта могло бы тронуть любое сердце.

— И больше ничего, сэр?

— Больше ничего, — твердо ответил Генри. — Я возвращаюсь в «Викинг», позвоните мне, если будут новости.

Эмми ждала мужа в баре, попивая легкий эль и жалуясь на острый голод.

— Тебе пришлось задержаться у сэра Джона? — спросила она, почти не скрывая любопытства.

— Я был не у сэра Джона, — ответил Генри. — Точнее, был у него до шести часов. А потом я был в Грейндже. Сегодня вечером умерла тетя Дора.

Настроение у Эмми поменялось мгновенно.

— Умерла? Какой ужас. Она казалась совершенно здоровой за ленчем.

— Знаю, — мрачно ответил инспектор.

— Боже мой, какая жалость, — сказала Эмми. — Бедная миссис Мансайпл! Сперва Реймонд Мейсон, а теперь еще и это. Хотя стоило ожидать...

— Почему ты так говоришь?

— Ну, ей же было за девяносто...

Тиббет рассеянно кивнул.

— Да, знаю. — Помолчав, он добавил: — И это скажет каждый.

— Генри! — Эмми поставила стакан на стол. — Ты же не станешь утверждать...

— Я не знаю, — ответил он. Вдруг на Генри навалилась усталость. — Вот правда, не знаю. — Он улыбнулся жене. — Может, опять это проклятое чутье.

— Но... — Она быстро оглядела бар. Если не считать двух мужчин в твидовых костюмах, громко обсуждающих в дальнем конце зала вопросы свиноводства, никого

больше не было. И все же Эмми понизила голос: — Если смерть тети Доры оказалась неестественной, то тогда и смерть Реймонда Мейсона тоже была такой же.

— Это мы знаем, милая. Его застрелили.

— Да, но ты думал, что это был несчастный случай. А теперь ты полагаешь, что его убили намеренно, также как и тетю Дору, которая слишком много знала.

Настала долгая пауза. Потом Генри сказал:

— Боюсь, что это может быть правдой или хотя бы частично. От всей души надеюсь, что это не так. А теперь давай убедим вот этого пережитка феодального общества дать нам поесть.

Через два часа, когда супруги поужинали, выпили еще по кружке пива в баре и поднялись по шаткой лестнице к себе в комнату, инспектор открыл портфель и достал пачку бумаг, полученных от мисс Мансайпл. Он положил их на стол, придвинул стул и стал внимательно изучать.

— Что это у тебя? — спросила Эмми, направляясь в ванную. Она остановилась и заглянула через плечо мужа.

— Брошюры тети Доры, — ответил Генри.

— «Экстрасенсорные проявления в царстве животных», — прочла Эмми. — «Ауры и эманации», «Свидетельство о духе собаки-поводыря» — ты же не думаешь, что здесь обнаружишь ключ к разгадке?

— Не знаю, — ответил инспектор, — но я должен их просмотреть.

Тетя Дора собрала для Генри странный ассортимент литературы. Эмми уже давно легла и уснула, а он все еще усердно пробивался сквозь откровения духа индейского проводника (открывшегося одной леди в Илинге), который говорил о проявлениях духов людей в животных и наоборот. Он обратил внимание, что старушка подчеркнула несколько пассажей лиловыми чернилами: «Действия человека всегда объяснимы, но только если известны все обстоятельства. Вот почему чистым безумием является попытка прожить жизнь, а уж тем более интерпретировать ее, без помощи Мира Духов». Генри поразило сходство данной фразы с чувствами, которые испытывал по поводу людского поведения сэр Клод.

Другие подчеркнутые выдержки относились к черепаховой кошке по имени Манон, которая дважды являлась владельцам после смерти и каждый раз пыталась ограбить кладовую, а также к гнедому мерину, настоятельно отказывавшемуся проезжать там, где случайно была убита на охоте его мать.

Но возле кровати тети Доры Вайолет Мансайпл нашла не только брошюры. Было еще несколько пожелтевших экземпляров «Буголаленд таймс» двадцатилетней давности и последнего номера прошлого года с огромным заголовком на первой полосе «НЕЗАВИСИМОСТЬ!!». На полях старушка написала: «Бедняжки. Да смилуется над ними Господь!»

Отмеченный абзац в номере годичной давности сообщал об отставке в связи с состоянием здоровья Его Преосвященства Эдвина Мансайпла, горячо любимого народом Буголаленда независимо от расы и вероисповедания. Двдцатилетней давности газета вроде бы не имела *raison d'être*⁷ в этой коллекции, пока Генри не заметил небольшой абзац, пером тети Доры не отмеченный, где сообщалось о трагической гибели мистера Энтони Мэннинг-Ричардса и его семьи в автомобиле, сорвавшемся в пропасть при попытке преодоления печально знаменитого перевала Оквэйб в восточном Буголаленде.

Тиббету трудно было поверить, что тетя Дора действительно подготовила для него эти вырезки. Скорее, вспоминая сентиментальный рассказ Эдвина, он решил, что она их хранила как память о своем несостоявшемся браке.

Последним предметом были листы писчей бумаги, сколотые ржавой булавкой. Текст был написан характерным почерком тети Доры — энергичной женщиной средних лет, но

⁷ Причины быть (*фр.*).

лиловые чернила с годами выцвели. Сверху содержалась надпись:

«Копия письма, написанного доктором Уолтером Томпсоном из Крегуэлла для моего племянника Джорджа Мансайпла по поводу смерти его отца, моего брата Огастеса Мансайпла, М. А.». Ниже шли слова тети Доры, написанные недавно менее уверенной рукой: «В случае моей смерти я хотела бы, чтобы это письмо передали моей внучатой племяннице Мод Мансайпл. Таково было бы, без сомнения, последнее желание ее деда».

Сильно заинтригованный, Генри открыл сам документ. В заголовке стоял тот адрес, по которому сейчас жил доктор Алек Томпсон. Текст был таков:

«Дорогой Мансайпл!

Читая это письмо, Вы уже будете в курсе трагических событий — аварии и последовавшей за ней смерти Вашего отца. Я могу лишь выразить свои глубочайшие соболезнования Вам и миссис Мансайпл.

Как Вы, вероятно, знаете, мне выпал печальный долг ухаживать за Вашим отцом в последние его часы, и не может быть сомнений, что он хотел передать Вам нечто, для него важное. Поскольку речь его была неясной, я записываю этот разговор, пока события свежи в моей памяти, чтобы Вы могли судить о последних желаниях «Директора».

В полдень его привезли в больницу, он находился без сознания, но пришел в себя в три часа пополудни, когда я находился в его палате. Первая мысль у него, что понятно, была о его старом друге Артуре Прингле. Он произнес «авария», несколько раз, с усиливающимся нажимом, а потом спросил: «Что с Принглом?».

Артур Прингл был, конечно, к тому времени уже мертв — погиб на месте аварии, но я счел, что подтверждение этого факта могло бы повредить здоровью больного, и потому уклонился, сказав нечто о его тяжелых травмах. На это мистер Мансайпл резко ответил: «Он выживет?» — и когда я заколебался, он сказал: «Не дурите меня, Томпсон. Артур мертв?»

Я был вынужден признать правду.

Эта весть очень сильно расстроила мистера Мансайпла. Он несколько раз повторил слова: «мертв» и «Прингл». Глаза у него были закрыты. У меня возникло впечатление, что он сосредотачивается: точно такое же выражение лица у него наблюдалось при сражениях с кроссвордом. И еще, Директор быстро терял силы — вероятно, не совсем осознавая. Потом он открыл глаза, посмотрел на меня и сказал:

«Томпсон».

«Да, мистер Мансайпл?» — ответил я.

«Отошлите всех. Хочу говорить с вами».

В палате не было никого, кроме сестры, но все же я попросил ее подождать за дверью. Тогда мистер Мансайпл сказал:

«Джорджу сказать. Очень важно. Надо сказать Джорджу».

Я осторожно напомнил, что вы на другой стороне земного шара. Это, видимо, вызвало его раздражение, и он сказал:

«Знаю, знаю. Надо сказать Джорджу».

Раздражение его утомило, и молчание затянулось. Наконец он слабым голосом заговорил:

«Сказать Джорджу. Томпсон, скажите Джорджу: дом, дом».

«Грейндж? Что именно?»

«Не продавать... дом... — произнес он совершенно твердо. — Никогда. Джорджу скажите...»

К этой минуте он очень ослабел, и снова наступило долгое молчание. Дыхание стало затрудненным, он пробормотал несколько раз:

«Ад... здесь...»

«Мистер Мансайпл, об аде вам еще думать слишком рано, и уж во всяком случае он не здесь. Мы вас вылечим».

На это Директор открыл глаза и посмотрел на меня в упор. Чистым и громким голосом он произнес:

«Вы всегда были набитым дураком, Томпсон».

И, как будто это напряжение отняло у него последние силы, он лишился сознания и более в себя не приходил.

Смерть наступила в 16:37. Вряд ли я должен добавлять, что этот случай меня сильно взволновал, и не в последнюю очередь — из-за предсмертных слов мистера Мансайпла.

С глубочайшим сочувствием,
Искренне ваш,
Уолтер Томпсон».

Генри прочел этот документ несколько раз. С кровати донесся сонный голос Эмми:

— Ты вообще спать собираешься?

Инспектор встал.

— Есть сумасшедшая мысль, — сказал он. — Но она может оказаться верной.

Глава 11

Из Кингсмарша позвонили в восемь утра, когда Генри скреб перед зеркалом покрытое пеной лицо. Он быстро смыл мыло и спустился к телефону.

Голосом, тщательно лишенным любопытства, сержант Даккетт прочел результаты лабораторного анализа. Содержимое аптечного пузырька и высохшие следы на стакане тети Доры были идентичны: они состояли из лимонного сока, сахара и воды с небольшой добавкой солей барбитуровой кислоты — которые обычно входят в снотворные таблетки. Поблагодарив сержанта, инспектор повесил трубку.

Вернувшись к себе, он снова намылил лицо с необычной для себя энергичностью.

— Спешить? — спросила Эмми.

— Да. Кажется, нащупал что-то. Надеюсь только, не слишком поздно.

— Ты куда? — спросила Эмми, но он уже вышел.

Первым делом Генри заехал к доктору Томпсону, который ответил на поставленный вопрос и согласился предпринять некоторые действия. Инспектор его поблагодарил и поехал в следующую намеченную точку.

Крегуэлл-Лодж выглядел недружелюбно. Шторы плотно задернуты, двери заперты на засов. Тем не менее после долгих звонков наконец появился Фрэнк Мейсон, небритый, зевающий, и явно страдающий простудой.

— Чего нужно? — спросил он нелюбезно и зашелся в приступе кашля.

— Посмотреть кое-что в Лодже, — ответил Тиббет.

— Ордер есть?

— Нет. Но получить его нетрудно.

— Думал, вы уже прочесали весь дом частым гребнем, — буркнул Фрэнк, но провел гостя в кабинет. — Чашку кофе?

— Спасибо, было бы хорошо.

— Сейчас, минуточку.

Фрэнк шумно высморкался и двинулся в кухню.

Кабинет на первый взгляд выглядел точно так же, как два дня назад, но когда Генри присмотрелся, то заметил отчетливую разницу. Кто-то эту комнату тщательно обыскал.

Инспектор подошел к книжным полкам. Тома в кожаных переплетах явно снимали, потому что порядок их был нарушен, и некоторые стояли вверх ногами.

На письменном столе также имелись следы поспешного обыска, а ежедневника, который заинтересовал инспектора в прошлый раз, нигде не было.

Генри не стал терять времени на осмотр комнаты и сел в кресло. Когда Фрэнк Мейсон вернулся из кухни с двумя чашками на подносе, Генри с удовольствием дымил трубкой.

— Ну и как, нашли? — спросил Тиббет.

Мейсон положил себе сахара, взял печенье, хрипло закашлялся, сел напротив и отпил кофе. Потом ответил:

— Что нашел?

Генри легким движением бровей показал на стол и на полки.

— То, что искали.

— Ничего я не искал.

— Правда? А кто же тогда искал?

— Я вас не понимаю.

— Ну не стройте из себя глупца, — сказал инспектор. — Кто-то обыскивал эту комнату. И не говорите мне, что вы не заметили.

— Что заметил?

— Во-первых, книги. — Генри сделал глоток. — Кто-то почти каждую снимал с полки.

— За каким чертом?

Тиббет всмотрелся в, казалось бы, невинное лицо Мейсона.

— Вы не знаете?

Молодой человек, намеренно или нет, уклонился от вопроса. Но на его лице появилось гневное выражение, и он сказал:

— Есть только один человек, который хотел бы здесь порыться, и это тот, кто убил моего отца!

— Или это так выглядит, — ответил Генри. — А как там пистолет?

Мейсон резко и сердито покраснел:

— Какой пистолет?

— Тот, что на чердаке, — терпеливо ответил инспектор. — Пистолет майора Мансайпла. Он все еще там?

Наступила секунда смущенного молчания, потом Фрэнк сказал:

— Это как спросить человека, перестал ли он бить жену. Что ни ответь, все равно будешь не прав.

— Но вы же знали, что пистолет там?

Мейсон промолчал.

— Нашли его, когда искали что-то другое, — проницательно сказал Генри. — Случайно.

В наступившей тишине было практически слышно, как кипят мысли у Фрэнка Мейсона, в поисках наиболее подходящего ответа. Наконец он сказал:

— Ладно. Да, я нашел его вчера. Случайно, как вы и сказали. Я знал, что он никак не может быть связан со смертью моего отца, потому что полицейские мне сказали, что тот пистолет у них.

— И что вы с ним сделали?

Мейсон высморкался. И уже более свободно ответил:

— Он здесь, в ящике стола. Хотел отнести его майору Мансайплу. Как ни крути, это его пистолет.

— Понимаю. И когда вы предполагали его вернуть?

— Ну... хотел сходить туда сегодня. Думал, может быть...

Фрэнк снова запнулся. Генри широко улыбнулся:

— Думали, может быть, застанете Мод Мансайпл?

Лицо молодого человека опять побагровело:

— Вы ее сюда не припутывайте!

— Не буду, — сказал Тиббет. — Но вам придется найти иной повод зайти в Грейндж. Пистолет я забираю.

— Как скажете, инспектор. Воля ваша. Он вот здесь...

Фрэнк с некоторым шиком открыл ящик стола — тот самый, в котором Генри в прошлый раз обнаружил ежедневник, но сейчас, как Тиббет уже знал, ящик был совершенно

пуст.

— Но... я же положил его сюда вчера...

Генри встал:

— А теперь он пропал, — сказал он. — И позволю себе сказать, что «Илиада» Гомера тоже пропала.

— «Илиада» Гомера?

— Именно. Книга шестая.

— Понятия не имею, о чем вы говорите.

— Приятно слышать, — отозвался инспектор. — И все же я думаю, найти эту книгу будет нелегко. Будем надеяться, вы мне поможете.

Принадлежавшее Огастесу Мансайплу издание Гомера в красивых кожаных переплетах состояло из шести томов. На каждом был герб Мансайплов, изображенный тонким тиснением на корешках, все переплетены в бежевую телячью кожу и обильно украшены золотыми завитками. Оставшиеся четыре тома содержали «Илиаду» на греческом и на английском. Но из этих шести томов найти удалось, при всех стараниях Генри, только пять. Недостающая книга была первым томом «Илиады» на греческом (том третий из собрания), где содержались, очевидно, книги с первой по двенадцатую, поскольку том четвертый начинался с книги тринадцатой.

— И вы понятия не имеете, где она? — спросил наконец инспектор.

Фрэнк Мейсон запустил пальцы в рыжие волосы, растрепав их еще больше обычного.

— Я же вам говорю, что вообще не понимаю, что тут к чему. По-гречески я не читаю. И даже не знал, что у моего отца были все эти книги — думал, он их скупал оптом, чтобы произвести впечатление. Если вы мне хотите сказать, что среди них была очень ценная, ради которой его и убили...

— Я бы так не выразился, — возразил Генри, — но одна из них имеет очень большую ценность. Та, что пропала.

— Откуда вы знаете, что книга пропала? Была ли она у него вообще? Да он мог и не заметить, если ему вручили собрание без одного тома. Ради всего святого, отчего бы вам не пойти в Грейндж и не проверить, не там ли книга?

После небольшой паузы Мейсон добавил:

— Полагаю, вы знаете, что Мэннинг-Ричардс — специалист по античным языкам?

— Правда? Нет, я не знал.

Фрэнк засмеялся недобрым смехом:

— Я сказал — «специалист»? Он баловался греческим и латынью, как баловался вообще всем на свете... — Мейсон поискал наиболее обидное выражение: — Он думает, что образование — это развлечение.

Генри не смог подавить улыбку:

— Бедняга, наверное, один из последних живущих на земле, кто так думает.

— Я рад отметить, — сказал молодой человек агрессивно, — что мы практически искоренили привилегированный класс, который мог себе позволить учиться для забавы.

— Именно это я и хотел сказать, — согласился Тиббет.

— Да я же вижу, что вы сидите в кармане у Мансайплов и Мэннинг-Ричардсов, — сказал Мейсон. — Вы — печальный мелкий буржуа, и оба глаза отдали за то, чтобы быть «настоящим джентльменом», как у вас это называется.

Генри на миг посмотрел на него серьезно, потом сказал:

— Если вы собираетесь навестить Мод Мансайпл, то я, наверное, должен вам сообщить, что вчера вечером умерла ее двоюродная бабушка.

— Вот эта, девяностолетняя? Ну, что тут скажешь. Вышло ее время, наверное.

— Мне было сказано, — продолжал инспектор, — что траура не будет, потому что у Мансайплов он не принят. Тем не менее, я бы на вашем месте попытался быть несколько тактичнее. И осторожнее.

— Осторожнее?

— Этот пистолет, — сказал Генри, — сейчас в чьих-то руках. Если он не у вас... — Инспектор не стал договаривать, а спросил: — У вас тут много посетителей бывает?

— Посетителей? А, понимаю, к чему вы. Человек, который... — Фрэнк залился смехом, совершенно лишенным веселья, используемым как оружие против истеблишмента. Так смеется мальчик, показывающий старшим язык. — Вы же не думаете, что Крегуэлл проторил тропу к моей двери? Вряд ли у меня тут вообще могут быть посетители.

— Даже почтальон или молочник?

— Ну... эти — да, вчера оба здесь были. Но я их не считаю.

— Вот и я к тому же, — сказал Генри. — Есть еще кто-нибудь, кого вы не считаете?

— В воскресенье заезжал достоправный сержант Даккетт, мудрец Фенширской полиции, — сообщил Фрэнк с тяжеловесным сарказмом. — Что-то насчет сверки показаний. Да, и еще могу сообщить: в воскресенье вечером изволил явиться великий сэр Джон Адамсон.

— Вот как? — Тиббет очень постарался, чтобы его голос не выдал интереса. — Полагаю, в связи с этим делом?

— Сообщить мне, что дознание назначено на следующую пятницу, — ответил Мейсон. — Очень предупредительно с его стороны. Вполне мог предоставить события обычному ходу. Я вчера официально получил извещение из офиса коронера — с чем было связано посещение почтальона.

— Я так понимаю, что сэр Джон думал, что вы предпочтете...

— Он хотел на меня посмотреть, — ответил Фрэнк. — Вполне понятно. Но, конечно, невозможно подумать, что аристократ может быть подвержен вульгарному любопытству.

— Если вы хотите трактовать это таким образом... — Генри пожал плечами. — Кажется, у вас сильная простуда, — добавил он.

— Как была бы у всякого, застрывшего в этой дыре. Какое это имеет отношение...

— Я просто подумал, не заезжал ли к вам доктор?

Мейсон посмотрел с неприязнью.

— Заезжал вчера, — ответил он. — Я позвонил спросить, когда у него приемные часы, и доктор ответил, что он будет по вызову рядом со мной, и тогда заедет. Выдал мне рецепт на какую-то микстуру от кашля и аспирин. В этом есть что-то зловещее?

— Не знаю, — сказал инспектор. — Когда это было?

— Вчера утром, около одиннадцати, кажется.

— Кто-нибудь из этих людей оставался в этой комнате хоть на какое-то время?

Молодой человек задумчиво сдвинул брови и снова закашлялся.

— Да, — сказал он, когда прошел приступ. — Все они.

— Вот как?

— Когда Даккетт здесь был, зазвонил телефон в холле, и я вышел снять трубку. Это дало ему три или четыре минуты. Потом сэр Джон Адамсон, Великий-И-Могучий, так откровенно ждал, когда предложат выпить, что пришлось налить ему. Я вышел в кухню за льдом — тоже несколько минут. Старина доктор Томпсон попросил показать ему мою карточку здоровья. Я знаю, что для таких простых случаев нет необходимости предъявлять карту, но не стал поднимать шума, а вышел и сделал вид, что ищу ее. Чертова бюрократия! Вот в правильно организованном обществе...

К счастью, его прервал очередной приступ кашля. Хотя Генри было бы интересно узнать, как Мейсон — отнюдь не глупец — предполагает согласовать коммунистическое общество с избавлением от бюрократии, но на это времени у инспектора не было. Переждав приступ, он спросил:

— Другие посетители были?

— Насколько я знаю, нет, но это не значит, что тут больше никто не мог шастать.

— И вы бы не заметили?

— Ну, если бы меня дома не было.

— Но вы бы обратили внимание на взломанные двери или окно...

— Я не запираю двери, — ответил Фрэнк Мейсон. — Своим собратьям, людям труда, я доверяю.

— Кажется, при этом имеется очень много людей, которым вы не доверяете, — заметил Генри.

И вдруг, совершенно обезоруживающе, Фрэнк Мейсон улыбнулся. Тиббет поразился, как настоящая улыбка вместо презрительной усмешки может осветить лицо и сделать его интересным.

— Те, кому я не доверяю, — ответил молодой человек, — все люди богатые. А в этом доме нет ничего, что требовало бы запирать его от людей такого сорта.

Генри в свою очередь тоже не мог не улыбнуться, но с некоторой горчинкой.

— Думаю, вы не правы, — ответил он. — Имелся предмет, который стоил кражи, но его уже нет, так что теперь нет смысла запирать конюшню, когда лошадь уже украли. Ладно, мне пора. А кстати, — сказал он, задержавшись на пороге, — я был бы рад почитать вашу книгу, когда вы ее закончите.

— Я смотрю, вы пытаетесь в этом что-то накопать, да?

— Не в том смысле, в каком вы подумали. Меня всегда интересовал Ксенофан. Он определенно предвосхитил множество современных радикальных идей, и мне было бы интересно увидеть, как вы свяжете его с Марксом.

— А что вы об этом знаете? — подозрительно спросил Фрэнк Мейсон.

— Ну, в частности, вспомните эту его забавную мысль о богах, созданных по образу и подобию людей.

— Вы меня удивляете, — сказал молодой человек. — Я полагал, что вы последователь Гераклита, учитывая ваше отношение к истеблишменту.

Несмотря на высокомерный тон, было заметно, что он заинтригован.

Генри засмеялся:

— Я не такой уж твердокаменный сторонник истеблишмента. Конечно, *panta rhei* ...⁸

— Все течет, — сказал Мейсон. — Но очень многое...

Он осекся.

— Все-таки вы читаете по-гречески? — мягко спросил инспектор.

Фрэнк стал пунцовым.

— Так вы меня просто подлавливали? Все знают, что значит «*panta rhei*», и не надо быть специалистом в греческом...

— Я не пытался вас подловить, — возразил Генри. — Не было необходимости.

— Что это значит?

— Только то, что человек настолько умный и добросовестный, как вы, не взялся бы за такую книгу, если бы не мог прочесть первоисточник.

Мейсон промолчал, а Тиббет добавил:

— И совершенно не было нужды это скрывать.

Он вышел в сад, где гулял ветер.

В Крегуэлл-Грейндже жизнь протекала по обычному сценарию, несмотря на смерть тети Доры. Выйдя из машины, Генри услышал со стрельбища звуки пальбы. С другого конца сада донеслись пронзительные, но не всегда верные ноты кларнета, попавшего в руки не слишком умелого музыканта. Входная дверь была распахнута настежь, и из глубины дома мерным аккомпанементом солисту доносилось ритмичное гудение пылесоса. Однако инспектор решил, что гнетущая атмосфера дома в трауре все же ощущается.

Эхо звонка не успело затихнуть, как раздались торопливые шаги на лестнице. Пылесос умолк, и тут же сверху прозвучал голос Мод:

— Мама, я иду! — Девушка тут же появилась из-за поворота лестницы, явно не ожидая увидеть Генри, она воскликнула: — А, это вы!

⁸ Все течет (греч.) — Прим. ред.

— Боюсь, что да, — ответил Тиббет. — Прошу прощения, что вынужден беспокоить вас в такие дни...

— Не надо извиняться, — ответила Мод, но голос ее был несколько напряжен. — Я надеюсь, мама вам сказала, что мы не соблюдаем траур.

— Да, — подтвердил Генри. — Она меня предупреждала.

Все же инспектор заметил, что Мод одета в белое платье, он знал, что в некоторых странах этот цвет считается траурным. В белом девушка казалась еще более хрупкой.

— Ладно, проходите. Что вы хотели?

Тиббет вошел в холл. Сразу же он отметил приятный и тяжелый аромат хризантем. Дом был наполнен ими — большие чаши мохнатых цветов, многие белого цвета. Конечно, сентябрь, и пик сезона для хризантем, но Генри отметил, что в саду Крегуэлл-Грейнджа их растет совсем чуть-чуть, и уж тем более нет таких образцов, которые могли бы украсить витрину дорогостоящего флориста. «Хризантемы, — вспомнил инспектор, — во многих европейских странах считаются цветами мертвых». Похоже, что кто-то в Крегуэлл-Грейндже решил не подчиняться требованию Директора и соблюдает траур по тете Доре.

— Боюсь, — сказал Генри, — мне нужно сказать пару слов майору и миссис Мансайпл.

Мод посмотрела на гостя в упор:

— Вы не могли бы хоть ненадолго оставить родителей в покое? Реймонд Мейсон мертв, и с вашим расследованием или как там оно называется вполне можно подождать хотя бы до окончания похорон тети Доры?

— То, что я должен сказать вашим родителям, не имеет отношения к Реймонду Мейсону, мисс Мансайпл.

— Что вы вообще имеете в виду?

— Только то, что мне нужно поговорить с майором и миссис Мансайпл.

Мод посмотрела на Генри так, словно он совершенно ей не нравится, и инспектор осознал — уже не в первый раз, — насколько сильна эта девушка при всей ее внешней кукольной хрупкости. Он также понял, что она может быть опасным врагом при всей ее красоте, остром уме и стальном характере, но в то же время способна стать полезным союзником. Еще инспектор задумался, как у Джорджа и Вайолет Мансайпл могло появиться на свет такое дитя, но сам тут же ответил на свой вопрос: Мод — точное отражение предыдущего поколения. Он вспомнил фотографии, которые показывал ему Джордж Мансайпл, и удивился, что не заметил сильнейшего сходства между Мод и давно покойной Роуз Мансайпл. И еще раз инстинктивно посмотрел на портрет Директора, властвующий над холлом. Девушка, проследив за его взглядом, тут же сказала:

— Да, я очень на него похожа.

— Вы, наверное, телепат, — отозвался Генри и улыбнулся ей.

Она улыбнулась в ответ, тут же из смертоносной эринии превратившись в маленькую беззащитную леди в белом платье.

Открывая дверь гостиной, Мод сказала:

— Подождите здесь, я скажу отцу.

Гостиная тоже была украшена двумя большими вазами с хризантемами. Генри смотрел в окно, как Мод идет через сад к стрельбищу. Когда она скрылась за изгородью, к дому с противоположной стороны подошел Эдвин Мансайпл. Увидев в окно инспектора, он приветственно помахал кларнетом и скрылся за углом дома в направлении двери.

Через минуту из-за изгороди появились майор с дочерью, направлявшиеся к дому. У окна гостиной Мод остановилась, что-то сказала отцу и снова скрылась в саду. Джордж Мансайпл вздохнул, сунул пистолет под мышку и вошел в гостиную через стеклянную дверь.

— Мод сказала, что вы хотите меня видеть, Тиббет.

— Боюсь, что да, — ответил Генри. — Вас и миссис Мансайпл.

— Вместе?

— Больше, конечно, это дело относится к вам.

— Ко мне? А о чем речь?

— Речь о мисс Мансайпл.

— Мод? — Майор сильно встревожился.

— Нет-нет, о мисс Доре Мансайпл.

— Бедная тетя Дора. Неужто нельзя оставить ее в покое хотя бы сейчас, когда она мертва?

— Боюсь, нет, — ответил инспектор. — Я понимаю, что вас это очень огорчит, но я обязан сказать. Меня не до конца удовлетворяют объяснения ее смерти, и я думаю, необходимо вскрытие.

Джордж Мансайпл уставился на Генри, открыв рот. Потом его прорвало. Майор со все усиливающимся ирландским акцентом указал инспектору, что тот был призван сюда для расследования смерти Реймонда Мейсона. Он этого не выполнил. С тем же успехом Тиббет мог сказать сэру Джону Адамсону, что Мейсон совершил самоубийство, то есть полнейшую чушь. Он, Генри, продолжает болтаться по Крегуэллу совершенно без дела. И теперь, венцом всего этого, становятся непристойные предложения касательно бедняги тетюшки Доры, которая ничем не провинилась, кроме того, что тихо скончалась в собственной постели от слабого сердца, да упокоит ее Господь. И если уж она не имела права так поступить в девяносто три года, то он, Джордж, хотел бы тогда знать, кто имеет...

Тут майор сделал паузу, чтобы набрать воздуха, но Генри только и успел сказать: «Майор Мансайпл, я...», — как словесный поток хлынул снова.

Значит, вскрытие? А зачем, если позволено будет спросить? Уж не предполагает ли Генри, что тетю Дору убили? А Реймонд Мейсон совершил самоубийство, застрелившись на расстоянии ста или более ярдов? Так или нет? Действительно, приходится согласиться, что брат Эдвин был прав, выражая сомнение в ментальной стабильности инспектора. Боже ж ты мой, уж если кого убили, так это Мейсона, неужто не ясно? Конечно, его, Джорджа, особенно умным не считают, но у него хотя бы есть глаза и уши. Генри может быть совершенно уверен, что никогда, ни при каких обстоятельствах семья не даст согласия на вскрытие тела тети Доры. Томпсон подписал свидетельство о смерти или нет? И без того для Вайолет ситуация очень тяжелая, и он, Джордж, никак не собирается ее дополнительно расстраивать подобной чушью, и если...

Его речь прервалась с приходом Вайолет, как всегда, пребывающей в хлопотах, тут же рассыпавшейся в извинениях перед инспектором, что ее задержала домашняя работа. Пройдя в гостиную, она поняла, что прервала монолог. Тут же Вайолет обратилась к мужу:

— Джордж, в чем дело?

— Дело? Какое дело? Никакого дела нет, милая.

— Что-то все-таки произошло, — сказала миссис Мансайпл с твердой уверенностью в своей правоте. — Ты не в себе, Джордж. Я тебя таким видела только один раз — когда мистер Мейсон пожаловался в Совет на твоё стрельбище. — Она обернулась к Генри: — Не скажете ли мне вы, мистер Тиббет? Что тут происходит?

— Тиббет, ни слова! — рявкнул майор.

— Я говорил вашему мужу, — сказал инспектор, — что не уверен в естественной смерти мисс Доры Мансайпл.

К его удивлению, Вайолет тут же ответила:

— Ох, как я рада, мистер Тиббет! Я с вами абсолютно согласна.

— Вайолет!.. — начал майор на взрывной ноте.

Жена не обратила на него внимания. Обращаясь к Генри, она сказала:

— У нее действительно бывали приступы, но этот был другой. Если бы не то несчастное заседание насчет Праздника... но когда я к ней поднялась, было уже поздно. И я не могла заставить доктора понять, что это не рядовой приступ. По правде говоря, мистер Тиббет: я все пыталась собраться с духом и попросить вас, нельзя ли сделать вскрытие. Она... как будто ее чем-то опоили, такое было впечатление.

Генри кивнул.

— Я думаю, это возможно, — сказал он. — Тетя Дора ведь не принимала снотворного?
— Снотворного? Нет, это исключено. Доктор сказал мне, что ни в коем случае ей нельзя принимать даже самых мягких барбитуратов. Он сказал, что при нынешнем состоянии ее сердца...

— Остальные члены семьи знали об этом, миссис Мансайпл?

— Конечно, — тут же ответила Вайолет. — Все знали, потому что лекарства очень легко перепутать, и нужна была повышенная осторожность. Рамона принимает снотворное, и Джордж, конечно, тоже.

— Вы принимаете снотворное, майор Мансайпл? — спросил Генри.

Джордж стал уже цвета спелого помидора.

— Да, ну и что? Томпсон мне выписал таблетки пару месяцев назад, когда я нервничал из-за всех этих дел с Мейсоном.

— Полагаю, — сказал инспектор, — каждый мог добраться до вашего флакона или флакона леди Мансайпл?

— Думаю, да. Мой стоит в аптечке в ванной, а где Рамона держит свой, — бог знает. Но если вы полагаете, что тетя Дора нарочно пошла и взяла эти таблетки...

— Боюсь, ничего подобного не случилось, — возразил Генри. — Я бы хотел, если не трудно, чтобы вы взглянули на свой флакон, майор. Просто проверить, не пропала ли часть таблеток.

— Дорогой мой, я их не пересчитываю. Это же не яд.

— Но вы хотя бы знаете, был ли пузырек целиком полон или наполовину, или...

— На самом деле, — неохотно уступил Мансайпл, — когда вы сейчас сказали, я вспомнил, что мне нужен был новый флакон, в старом таблетки закончились на прошлой неделе. Томпсон выписал рецепт, и Мод с Джулианом привезли мне пузырек вчера утром из аптеки. Так что...

Он вышел, не закончив фразу.

Вайолет сказала:

— Вы точно знаете, что тетя Дора приняла...

— Мы вряд ли можем утверждать определенно до вскрытия, — сказал инспектор, и миссис Мансайпл печально кивнула. — Но могу вам сказать, что на стакане, из которого вчера пила тетя Дора, найдены следы барбитурата.

Вайолет озадаченно посмотрела:

— А где этот стакан, вы не знаете, мистер Тиббет? Когда я вчера вечером взялась мыть посуду, то не нашла его.

Генри, несколько смутившись, ответил:

— Боюсь, что это моя вина, миссис Мансайпл. Я взял стакан из кухни, когда вы поднялись наверх. Хотел, знаете ли, отправить его на анализ.

— Значит, вы подозревали, — сказала она. — Еще вчера.

Дверь открылась — вернулся майор. Он резво вошел, держа в руках пузырек, и торжествующе заявил:

— Вот, пожалуйста! Видите? Все еще в аптечной обертке, даже печать не тронута. Вы удовлетворены?

— Давайте все же вскроем упаковку, — попросил инспектор.

— Что за чушь! — вскричал Мансайпл, веселясь от подобной глупости. — И все же, если вам так хочется... — Он сломал маленькую красную печать и развернул белую обертку. — Вот!

У него на ладони лежал запечатанный пластиком пузырек, точно такой же, какой Генри забрал из кухни накануне. Внутри он был полностью набит белыми таблетками.

— Мне придется взять эти таблетки на анализ, — сказал Генри, — но выглядит определенно так, будто...

Телефон прервал его на полуслове. Вайолет выбежала в холл снять трубку, оставив дверь открытой.

— Алло? Да, милая Рамона, как это любезно, что ты позвонила. Да, пятница, насколько я знаю... Да, пятница в половине третьего у приходской церкви, а потом в крематорий... Да, конечно, будем рады принять вас обоих... Что? Да...

У миссис Мансайпл перехватило дыхание, словно от волнения, и Тиббет с майором переглянулись. Но она продолжала:

— Да, я обязательно посмотрю, конечно... Где ты их последний раз видела? Понимаю... нет-нет, никаких хлопот... Ну, да, это должно быть важно... я в том смысле, что они тебе нужны... Поищу, конечно... да, до встречи.

Вайолет повесила трубку и вернулась в гостиную.

— Это была Рамона, — объявила она.

— Мы это поняли, — ответил Джордж.

— Она звонила по поводу... насчет похорон и так далее. — Миссис Мансайпл вопросительно посмотрела на Генри: — Я думаю, подготовка к похоронам может идти своим чередом? Да, мистер Тиббет?

— Насколько мне известно, да, — ответил инспектор. — В данный момент нет необходимости что-либо менять.

— Так что сказала Рамона? — нетерпеливо вмешался майор.

— Ну, спросила, уже напоследок, не находила ли я ее снотворного? — Джордж Мансайпл шагнул к жене, а она продолжала: — Рамона сказала, что оставила почти полный флакон на столике рядом с ее кроватью. Она его не заметила, когда складывала вещи, и только дома, в Бредвуде, обнаружила, что флакона нет, он остался на столике. Но... — Вайолет посмотрела на Генри с каким-то отчаянным призывом: — Но я только что убирала эту комнату, и там ничего не было.

Глава 12

— Не понимаю, Тиббет, — сказал сэр Джон Адамсон. — Я думал, дело окончено и закрыто.

— И я на это рассчитывал, — ответил Генри. Он выглядел сильно уставшим, хотя было только пять часов. — Но оказалось, увы, совсем не так. Есть следы барбитуратов в обоих образцах лимонада, которые я послал на анализ. Да, я наливал лимонад из кувшина в пузырек, где до того находились снотворные таблетки майора Мансайпла, но барбитурат в стакане случайностью быть не может. Таблетки леди Мансайпл исчезли, и никто в Кругуэлл-Грейндже не признается, что брал или видел этот флакон, хотя о его существовании знали все. Майор Мансайпл в конце концов согласился на вскрытие, и вот его результат. — Тиббет постучал пальцами по папке, лежащей на столе сэра Джона. — Мисс Мансайпл умерла от сердечной недостаточности, явившейся результатом приема пары таблеток снотворного, что обычному человеку никак не повредило бы. Не подлежит сомнению, что таблетки были растворены в лимонаде.

— Зачем, Тиббет? Вот чего я не понимаю. Причина?

— Могу только предположить, — сказал Генри, — что основанием послужило заявление мисс Мансайпл о том, что она хочет поговорить со мной позже.

— О сверхъестественных явлениях попугаев? Ха! — с силой сказал сэр Джон.

Инспектор вздохнул:

— Знаю, сэр. При такой формулировке это звучит глупо, но...

Сэр Джон взял металлическую линейку и начал набивать татуировку на кожаном столе.

— Мейсон, — напомнил он. — Хватит уже ходить вокруг да около. Скажите мне прямо: что случилось с Мейсоном?

Генри секунду помедлил, затем ответил:

— Я думаю, смерть Реймонда Мейсона была несчастным случаем.

— То есть вы хотите сказать, что кто-то застрелил его по ошибке?

— Нет, я хочу сказать, что он сам себя застрелил по ошибке.

Казалось, сэр Джон сейчас взорвется. Потом, сверхусилием взяв себя в руки, он сказал:

— Мне кажется, вы должны объяснить чуть подробнее, Тиббет.

Генри широко улыбнулся:

— Непременно, — сказал он. — Начну издалека. Реймонд Мейсон хотел купить Крегуэлл-Грейндж.

— Это мы все знаем.

— Он отчаянно жаждал его купить. По какой-то причине Крегуэлл-Грейндж стал для Мейсона навязчивой идеей.

— Хотел утвердиться в качестве земельного аристократа, — сказал констебль и коротко засмеялся. — Зря надеялся!

Тиббет посмотрел на него.

— Да, — сказал он. — Так что Мейсон начал с предложения щедрой цены, а когда получил отказ, увеличил ее. Видимо, прошло некоторое время, пока до него дошло, что Джордж Мансайпл не готов продавать дом ни за какую цену. Следующая попытка наступления состояла в том, чтобы настолько испортить майору жизнь, что он будет счастлив продать дом и уехать во имя покоя и тишины. Главной целью Мейсона было получение запрета на стрельбище, потому что, как он сообразил: для майора Мансайпла это основная радость в жизни, и без нее возникнет искушение... Но у букмекера не получилось, слишком много у майора Джорджа друзей наверху.

Сэр Джон шумно откашлялся и сказал:

— Очень интересная теория. Продолжайте.

— Следующая попытка Мейсона, — сказал Генри, — состояла в предложении руки и сердца мисс Мансайпл. К несчастью для него, она оказалась тайно помолвлена, и он получил не только болезненный отказ и удар по самолюбию, но еще и оскорбления, а также угрозы от жениха девушки. После этого, мне кажется, Мейсон действительно был готов на все. Он решил любой ценой расчитаться с семейством Мансайпл и любой ценой выжить их из дома.

— Все это очень хорошо, — сказал сэр Джон, — но как он собирался этого добиться?

— Очень умно, — ответил Генри. — Мейсон снова вернулся к мысли о стрельбище. Допустим, что там произошел несчастный случай, потенциально фатальный. Тогда все влиятельные друзья майора Мансайпла окажутся бессильны. Естественно, Мейсон знал об изобретении майора — катапульте для теннисных мячей. Он также с легкостью украл у Мансайпла один пистолет для некоторых экспериментов.

— Как вы, ради всего святого, об этом узнали?

— Майор Мансайпл сообщил о пропавшем пистолете пару недель назад, я нашел его в доме Мейсона. К спуску все еще была привязана бечевка. Букмекер экспериментировал со стрельбой, управляемой на расстоянии.

Сэр Джон начал проявлять интерес:

— Вот как? И у него получилось?

— Я думаю, да, — ответил Генри. — Чтобы выстрелить, большого давления на спуск не нужно — лишь короткий резкий рывок. Идея Мейсона состояла в том, чтобы инсценировать несчастный случай с самим собой в роли потенциальной жертвы. Должно было выглядеть так, будто он уцелел по чистой случайности.

— Получается, он сильно рисковал?

— О нет, Мейсон все проработал заранее. Идея заключалась в том, что во время пребывания майора Мансайпла на стрельбище будет произведен выстрел, который теоретически мог бы задеть человека на подъездной дорожке. На самом деле этот случайный выстрел был бы сделан из узкого окна туалета на первом этаже, где растут кусты рядом с входной дверью. Самого Мейсона защитил бы поднятый капот, а поднять его следовало из-за отказа двигателя. Эту неисправность, конечно, он подстроил сам. Защищенный своим

«мерседесом», букмекер находился в полной безопасности. Но попавшая в машину пуля создала бы именно то впечатление, которое требовалось Мейсону. Стрельбище Мансайпла подобного инцидента пережить не смогло бы.

— А кто же должен был выстрелить? У него имелся сообщник?

— Нет. Я же вам сказал: он экспериментировал с дистанционным управлением. Перед тем как уехать из Грейнджа, Мейсон много времени провел в туалете на первом этаже — куда дольше, чем этого требовали бы естественные причины. На самом деле он устанавливал там пистолет. Высунул его в окно, а привязанную к спусковому крючку бечевку прикрепил другим концом к катапульте Мансайпла.

Мы уже не узнаем, как был закреплен пистолет, потому что миссис Мансайпл сделала там уборку раньше, чем я сообразил, как обстояло дело. Но одно ясно: эти катапульти срабатывают по сгоранию фитиля. Мейсон поджег его, выходя из уборной, точно зная, сколько остается времени до срабатывания пружины и последующего выстрела. Наверное, потом он хотел вернуться и устранить следы своего пребывания. Но в результате отдачи после выстрела пистолет, который был приставлен, вероятно, к какому-то предмету — коробке, скажем, или книге, отбросило вперед и он выпал из окна. Этого Мейсон не предусмотрел.

— Что он будет убит, им тоже не предполагалось, — сказал сэр Джон. — Что же нарушило его план?

— Тетя Дора, — ответил Генри.

— Она?

— Я думаю, — сказал инспектор, — Мейсон искренне симпатизировал старой леди. Конечно, в его план не входило, чтобы кто-то оказался раненым, тем более убитым. Сам он был защищен, находясь за поднятым капотом автомобиля, ожидая выстрела, но тут из дома вышла тетя Дора и стала спускаться по ступенькам, размахивая брошюрами. Букмекер, очевидно, пришел в ужас. Она шла прямо на линию выстрела, была в нескольких футах от пистолета. Мейсон знал, что мисс Мансайпл глухая и не услышит, если он крикнет. Остановить старую леди можно было только с помощью знаков — а это подразумевало выход на открытое место. Старушка рассказала, что когда Мейсон ее увидел, то выбежал из-за машины, явно в тревоге, и замахал руками. Он пытался предупредить тетю Дору, чтобы та вернулась. К счастью, она остановилась, но у него уже не оставалось времени вернуться в укрытие — и пистолет выстрелил. Вот так Мейсон и был убит — случайно.

Наступило молчание, затем сэр Джон спросил:

— Тиббет, вы во всем этом уверены?

— Да, настолько, насколько вообще могу быть уверенным. Мне удалось найти в том туалете остатки приспособления Мейсона, хотя там и было прибрано. Выстрел был, несомненно, сделан через это окно, но там никого не было. В это время миссис Мансайпл находилась в холле, говорила по телефону с бакалейщиком, и дверь в туалет была у нее на виду. Епископ отдыхал наверху и спустился немедленно после выстрела.

— Так что только Вайолет могла сделать этот выстрел намеренно? — спросил Адамсон.

— Я думаю, теоретически это возможно, но слишком натянуто, — ответил Генри. — Я говорил с мистером Ригли, бакалейщиком, и он подтверждает, что во время разговора она вдруг сказала, что должна прерваться, потому что ее зовет тетя. Да и вообще, когда епископ спустился, у нее в руке все еще находилась телефонная трубка.

— Вот, значит, как это было. — Сэр Джон вздохнул с недвусмысленным облегчением. — Оружие, обратившееся против стрелка — в буквальном смысле. И никакой загадки.

— Напротив, — возразил инспектор.

— Что вы имеете в виду?

— Две загадки, — ответил Генри. — Первая: почему Реймонд Мейсон так отчаянно хотел купить Крегуэлл-Грейндж? И вторая: кто убил Дору Мансайпл и зачем?

Главный констебль нетерпеливо дернул рукой.

— Я вам уже говорил: Мейсон хотел проникнуть в круги земельной аристократии. Он был богатенький выскочка...

— Вот хотелось бы мне знать, насколько он был богат, — сказал Тиббет.

— Насколько богат? — Сэр Джон коротко засмеялся. — Купался в деньгах.

Наступила короткая пауза, и Генри спросил:

— Мистер Адамсон, вы когда-нибудь выплачивали долги за игру на скачках?

— Мне с моими небольшими ставками всегда везло.

— И все же вы должны были Мейсону три тысячи фунтов.

— Вы уже говорили это, и я снова замечу, что сказанное чудовищная ложь. Мне и в страшном сне не приснилась бы игра на такие деньги. Да и вообще, если бы я был должен Мейсону, почему он ни разу не попросил вернуть?

— Вот именно это мне и хотелось бы знать, — сказал Генри и подался вперед. — Послушайте, сэр Джон! Вы говорили, что не являетесь крупным игроком, но ведь наверняка интересуетесь, сколько денег поставили, выиграли или нет и какой был риск. Вы должны знать свое финансовое положение у Мейсона, хотя бы приблизительно. Или же те досье, что он у себя держал, были чистой выдумкой.

Настало продолжительное молчание. Констебль разжег трубку, уделяя излишнее внимание мелким подробностям. И наконец сказал:

— Ладно, Тиббет, вот как обстоит дело. Положение Мейсона давало ему возможность получать лучшую инсайдерскую информацию. Самые свежие намеки от тренеров и владельцев, и тому подобное. Очень часто — в самый последний момент. Конечно, иногда мне нравилась какая-нибудь лошадь, и я на нее ставил несколько фунтов, в результате выигрывал или проигрывал. Но чаще бывало, Мейсон звонил мне и говорил, что ожидает свежую информацию во время предстоящей встречи. «Только скажите мне, сколько вы готовы поставить, — говорил он. — Десять, двадцать, пятьдесят фунтов? Естественно, я ничего не гарантирую, но думаю, что вряд ли вы проиграете».

— И вы не проигрывали?

— Пару раз терял фунт-другой, но чаще оказывался в выигрыше. Он на следующий день приносил выплаты наличными — бывало, до пары сотен. И всегда предоставлял полный отчет, на каких лошадях за меня ставил, какие были шансы за и против, и так далее.

— Понимаю. И что вы делали взамен?

— Взамен? Не понимаю вас, Тиббет. Ничего не делал.

— Если не считать, конечно, что вы чувствовали себя обязанным пригласить его к ужину, представить его...

— Он являлся моим соседом, — ответил Адамсон, испытывая сильную неловкость. — Я не мог быть невежлив.

— И все же, если не этот стимул, полагаю, ноги бы его не было в вашем доме. Кстати, вы не записывали сделки — на каких лошадях он за вас ставил?

— Господи, конечно же нет. Зачем бы? Все было совершенно просто и невинно.

Генри вздохнул:

— С вашей точки зрения все выглядело совершенно просто и невинно, сэр Джон, я в этом не сомневаюсь. Но факт тот, что Мейсон никогда не был простым или невинным человеком. Он вам рассказывал одну историю и давал деньги. У себя в офисе держал досье, в котором отражал совсем иную картину: вы сильно проигрывали и должны ему приличную сумму. В случае ликвидации конторы вы оказались бы действительно в щекотливом положении: ваше ничем не подкрепленное слово против записей Мейсона.

— Но вы же не предполагаете, что он стал бы меня шантажировать? — в ярости спросил констебль.

— Конечно, стал бы, если было бы выгодно, — хладнокровно ответил Генри. — Но на самом деле я сомневаюсь, что он хоть раз оказал давление подобным образом. Думаю, что все его «личные клиенты» просто подыгрывали ему. Он готов был щедро платить за привилегию обедать в правильных домах и сидеть в нужных комитетах. Однако это,

вероятно, стоило ему очень больших денег.

— Что значит «стоило ему»? Это были выигрыши, которые он выплачивал.

— Так он говорил. Несложно после скачки узнать, какая лошадь выиграла, и сказать вам, что вы на нее и поставили. Я предполагаю, что он просто брал деньги со счета фирмы и списывал по статье «Общие расходы». Не удивительно, что Мейсон так рвался купить Крегуэлл-Грейндж.

— Это вряд ли принесло бы деньги ему в карман. Послушайте, Тиббет, он предлагал Джорджу Мансайплу несуразную цену за дом, куда больше, чем тот стоит. Лично я думаю, что Крегуэлл-Грейндж скорее обуза, нежели выгода.

— А вот в этом, — возразил Генри, — вы и ошибаетесь. Крегуэлл-Грейндж — очень, очень ценное имущество.

— Ценное?

— Если знать, где искать.

— И где же?

— Не знаю, — признался инспектор. — Кстати, сэр Джон, вы никогда не одалживали книг у Мейсона?

— Книг? — Сэр Джон определенно был шокирован. — Разумеется, нет! Зачем мне этот порнографический мусор, который читают люди, подобные Мейсону?

— У него много книг Мансайпла — в основном, классика.

— Если вы думаете, Тиббет, что я после тяжелого рабочего дня буду читать греческие или латинские книги в оригинале, то вы серьезно ошибаетесь.

Ирония сэра Джона была размером со слона.

— Ну, ладно, — сказал Генри. — Где-то же она должна быть.

— Кто она?

— «Илиада» Гомера, книга шестая.

Адамсон посмотрел на инспектора с тяжелым чувством.

— Я бы на вашем месте, Тиббет, вернулся в «Викинг» и лег спать. — Он прокашлялся. — Ваша реконструкция обстоятельств смерти Мейсона — работа настоящего мастера. Что касается прочих вопросов — я думаю, хорошо отоспавшись, вы посмотрите на них должным образом. Засунуть не на то место пузырек снотворного мог кто угодно. Я думаю, леди Мансайпл завтра его найдет.

— Еще и пистолет пропал, — напомнил Генри.

— Незаряженный пистолет, как вы мне сами сказали, — ответил сэр Джон. — Думаю, молодой Мейсон просто забыл, куда его сунул. И завтра же он будет в оружейной у Мансайпла, помяните мое слово. — Он встал и протянул руку. — Ну, всего доброго. Надеюсь, что в следующий раз мы с вами увидимся при более приятных обстоятельствах.

— Всего доброго, сэр Джон, — сказал Тиббет.

Он пожал руку главному констеблю и вышел к машине, потирая шею — жест, означающий, что его что-то беспокоит. В данном случае возникла необходимость запросить ордер для обыска дома Джона Адамсона.

— Ну, ладно, — сказал он сам себе, направляя машину к гостинице. — Может быть, этого не понадобится, и я найду искомое в другом месте.

В гостинице инспектора встретила Мэйбл, барменша. Она хотела узнать, оплатит мистер Тиббет свой счет сейчас или утром.

— Мой счет? — удивился Генри.

— Но вы же завтра уезжаете?

— Почему вы так решили?

Мэйбл слегка порозовела и стала изворачиваться. Вскоре выяснилось, что деревенские сплетни постановили: дело Реймонда Мейсона закрыто, и джентльмен из Скотленд-Ярда уезжает.

Инспектор улыбнулся:

— Жаль вас разочаровывать, Мэйбл, но мы остаемся.

— Остаетесь?
— Как минимум на несколько дней. До конца недели.
На пухлом лице барменши вдруг проскользнуло озарение:
— А, вы остаетесь на похороны мисс Доры! Они в пятницу.
— Это верно.
— И не хотите пропустить Праздник в субботу.
— Определенно не хочу, — ответил Генри.

На следующее утро, в среду, инспектор решил приступить к поиску пропавших предметов, которых было немало: таблетки снотворного, пистолет и — странность в таком наборе — шестая книга «Илиады» Гомера в оригинале.

Обитатели Крегуэлл-Грейнджа не слишком рвались помогать инспектору. Все были подавлены и огорчены кончиной тети Доры и окружающей ее смерть тайной.

Эдвин и Джордж несколько раз настоятельно высказали мнение, что старушка вполне могла сама принять снотворное, перепутав его с чем-нибудь. С чем именно, правда, они не могли объяснить, как и то, куда пропал пузырек. В осмотре дома Мод и Джулиан предложили свою помощь, но Генри был вынужден с сожалением ее отклонить. Джордж и Вайолет торжественно заявили, что полное собрание сочинений Гомера, принадлежавшее Директору, было продано Мейсону, включая, безусловно, и третий том. Некомплектные собрания он покупать отказывался.

Никто из членов семьи не выдвинул ни малейших возражений против обыска дома.

Поэтому инспектор и сержант Даккетт провели утомительное и бесплодное утро, ползая на коленях среди кучи мелочей, накопившихся в большом семейном особняке. И в итоге ничего не нашли.

Во второй половине дня Генри и сержант перенесли свое внимание на дом доктора. Ни сам доктор Томпсон, ни его жена не выразили по этому поводу радости, и Тиббет не сомневался, что общих школьных воспоминаний будет недостаточно для спасения дружбы между Эмми и Изобель. Жаль, ведь в доме ничего интересного найти не удалось.

И снова Генри оказался перед досадной перспективой обыска в Крегуэлл-Мэноре. Он не верил, что сэр Джон Адамсон согласится сотрудничать в этом вопросе. Хотя главный констебль пользуется привилегией вызывать Скотленд-Ярд для помощи в расследовании, при этом он редко оказывается по другую сторону следовательского стола.

Но запугать Тиббета было сложно при всей его внешней доброжелательности. И все же, не из-за трусости, а по разумным соображениям он отложил на время визит в Крегуэлл-Мэнор, чтобы следующий день, четверг, начать с продолжения беседований с членами семьи Мансайпл.

Когда Генри подъехал по извилистой дорожке к Крегуэлл-Грейнджу в четверть десятого утра в четверг, он не обрадовался, увидев на дорожке несколько машин, среди которых был и автомобиль доктора Томпсона. Инспектор забеспокоился: не заболел ли кто-нибудь?

Он быстро припарковал машину и вышел из нее. Входная дверь оказалась распахнута, и оттуда выбежал доктор.

— Что... — начал Генри.
— Извините, спешу.

Томпсон открыл дверцу своей машины и вытащил что-то вроде наволочки, набитой громоздкими предметами. Схватив ее в охапку — судя по виду, она была тяжелой, — он метнулся в дом. Тиббет пошел за ним, но в дверях столкнулся с крупной дамой, в которой узнал миссис Роджерс, владелицу универсального магазина.

— Пардон, — извинилась она. — Не видела вас. Вы насчет лимонада приехали?
— В некотором смысле, — отреагировал инспектор.
— Ядовитое зелье, — сурово сказала миссис Роджерс. — Мы не хотим, чтобы это повторилось.

— Совершенно согласен, — ответил Генри.

— Ну, надеюсь, вы проследите, а то в прошлый раз несколько человек отравились.

Владелица универмага вышла на дорожку и села в машину. Из глубины дома донесся голос Вайолет Мансайпл:

— Хлам в кабинет!

В дверях за спиной у Генри возник человек. Тиббет обернулся и увидел сэра Джона Адамсона на фоне сияющего солнца. Сэр Джон нес большой ящик и крикнул вопросительно:

— Джеммы и варенья?

Тут же из гардеробной, как чертик из табакерки, появилась Мод.

— Консервированные фрукты — в столовую, джеммы и варенья — в гостиную, хлам — в кабинет, — бросила она на бегу и спросила у Генри: — Вы что-то хотели?

Инспектор не успел ответить, как девушка скрылась, и вместо нее явился Эдвин Мансайпл, вышедший из гостиной. На ходу он спрашивал:

— Гарри Пенфолд хочет знать, куда «счастливый нырок».

— Извините, Тиббет, — проговорил сэр Джон, протискиваясь мимо. — У меня в машине еще шесть коробок.

В дверях появилась Вайолет Мансайпл.

— «Счастливый нырок» — в гараж, «кольца» — в утреннюю гостиную, — скомандовала она и снова скрылась в кухне.

Из кабинета с пустыми руками вышел доктор Томпсон.

— Еще одну партию, — сказал он радостно и направился на улицу к машине.

За спиной у Генри вошедший Джулиан Мэннинг-Ричардс спросил:

— «Счастливый нырок»?

— В гараж, — ответил инспектор.

— Спасибо, — сказал Джулиан и скрылся в задней двери.

Появились одновременно Мэйбл и Альфред из «Викинга», у каждого объемный груз.

— Домашний джем? — спросила Мэйбл.

— В гостиную, — ответил Генри.

— Хлам? — осведомился Альфред.

— В кабинет.

Тиббет начал ощущать себя как человек на посту.

— И шевелитесь, Альфред, — добавил доктор Томпсон. Он опять пришел от своей машины с набитым мешком в руках. — Все, это последняя партия. — Обращаясь к Генри, он сказал: — Передайте Вайолет, что Изабель приедет позже и привезет консервированные фрукты.

У инспектора за спиной кто-то громко прокашлялся, и послышался голос Фрэнка Мейсона:

— Я тут немножко хлама привез. Вы не знаете...

— Хлам в кабинет, — распорядилась Мод, спускаясь по лестнице.

— А... мисс Мансайпл... я хотел спросить...

— В кабинет, — безжалостно оборвала его девушка. — Викария кто-нибудь видел?

— Он звонил, — отозвалась из кухни Вайолет. — У него машина сломалась.

— Хотите, я его привезу? — с энтузиазмом предложил Фрэнк.

— У вас есть машина? — с интересом спросила Мод.

— Да, конечно. Здесь, на дорожке стоит.

— Ладно, вываливайте хлам в кабинет, а потом можете отвезти меня в викариат.

— Да, конечно, мисс Мансайпл!

— Слушайте, отчего бы вам не называть меня Мод? Как все меня зовут?

— Хорошо, я...

Она подмигнула Генри, а Фрэнку сказала:

— Королева Виктория, как вы знаете, умерла. И Карл Маркс тоже. А мир продолжает жить.

— *Panta rhei*, — сказал инспектор, понимая, что это несколько злорадно, но он был не в силах удержаться.

Из кухни вышла Вайолет Мансайпл с Джулианом.

— Но он обещал мне отруби для «нырка», — говорила она. — И бросательные кольца.

— Он сказал, что его жена плохо себя чувствует, — ответил Джулиан.

— До чего это неприятно. Где Джордж?

Словно в ответ, прогремела серия выстрелов со стрельбища.

— Ну, знаете ли, — сказала хозяйка. — В такое время... Боже мой, как бы я хотела, чтобы Рамона и Клод были здесь.

— Сэр Клод сказал, что они приедут к ленчу, — ответил Джулиан.

— Будто это чем-то поможет, — сказала Вайолет. Прозвучало так, будто она сердится — насколько может быть недовольным человек со столь мягким характером. — Еще два рта к столу, а главная работа к тому времени уже будет переделана. Милый Джулиан, не могли бы вы найти Мод и попросить ее принести мне список киосков и помощниц? Я буду в кухне.

— Сию секунду.

— Мне кажется, — сказал Генри, — что мисс Мансайпл отправилась в викариат.

— Да нет, этого быть не может, — легкомысленно отмахнулся Джулиан. — Пешком туда далеко, а ее машину в гараже я только что сам разгружал.

«Ну и ладно, — подумал инспектор, — не мое это дело». А вслух сказал:

— Ее подвез Фрэнк Мейсон на своей машине.

На миг Генри показалось, что Джулиан сейчас рассердится по-настоящему — точнее, позволит себе показать злость, поскольку вспыхнувшая в синих глазах ярость была очевидной. Но опасный момент миновал; молодой человек в долю секунды овладел собой, изобразив на лице непринужденную улыбку, и сказал:

— А, ну хорошо, я думаю, это ненадолго. Пойду помогу епископу таскать «счастливые нырки».

— Спасибо, Джулиан, — сказала Вайолет. — И скажите Гарри Пенфолду, что от бочки толку никакого, если не будет отрубей.

— Я скажу, — ответил он и направился на задний двор.

Миссис Мансайпл посмотрела на инспектора серьезно и сказала:

— Простите меня, пожалуйста, мистер Тиббет, но я сейчас просто не в состоянии вспомнить, зачем просила вас приехать.

— Вы не просили, — ответил Генри.

— А, это действительно все объясняет... но нет, я же все-таки просила!

— Вы действительно не просили, миссис Мансайпл. Это я сам...

— Ваша очаровательная жена! — твердо сказала Вайолет. — В ее голосе слышалась интонация организаторши процесса, которую Генри узнал и испугался. — Вес викария.

— Простите, не понял?

— Угадать вес викария. Шесть пенсов за догадку, а угадавшему пирог от мисс Уайтхед в качестве приза.

— Но...

Миссис Мансайпл положила ладонь на рукав инспектора.

— Сегодня утром, когда Гарри Пенфолд мне сообщил, что Элизабет свалилась с простудой, я оказалась в безвыходном положении. Ломала голову, кто может заняться весом викария. И тут вдруг я сообразила: миссис Тиббет!

— Вы хотите сказать...

— Я знаю, что она не откажется, — сказала Вайолет медовым голосом. — Это же очень просто. Ей нужно только принимать шестипенсовики и записывать имена и предположения. Вот, смотрите! — Она говорила так, будто действительно была захвачена врасплох. — Вот мой список, который я просила Джулиана передать Мод, чтобы она... а вот он, в холле. Давайте посмотрим. Конкурс «Вес викария»... вычеркиваю миссис Пенфолд и вписываю миссис Тиббет.

— Я должен буду ее спросить, — сказал Генри в сомнении.

— Конечно, должны, — ответила миссис Мансайпл тоном великодушного победителя.

— Но я знаю, что она не откажется.

— Хлам куда? — спросил жизнерадостный голос.

— В кабинет, — машинально ответил инспектор.

Открылась дверь кухни, в холл заглянул румяный человек в твидовом костюме.

— Насчет отрубей, миссис Мансайпл, — сказал он.

— Да, Гарри. Что там с отрубями? Вы обещали...

— А получается вот как. Если можете кого-нибудь послать к большому амбару на земле Тома Родда...

Вайолет обернулась к Генри:

— Сами видите, мистер Тиббет, — сказала она. — Просто ну никак. Вы приезжайте к чаю, здесь будет тогда спокойнее. И Клод с Рамоной тоже будут, — добавила Вайолет, словно обещая редкое угощение.

Генри засомневался, и в этот момент появились один за другим еще четыре человека с вопросами, решить которые могла только организатор.

Инспектор сдался.

— Я понимаю, миссис Мансайпл. Поеду, попрошу Эмми насчет этого конкурса про вес викария.

Вайолет его даже не услышала.

Глава 13

Прибыв в «Викинг», Генри первым делом передал Эмми предложение от Вайолет Мансайпл — взять на себя обязанности вышедшей из строя миссис Пенфолд и принять командование конкурсом «Вес викария». Эмми сказала, что в жизни нужно испытать все.

— Ну, тогда ты лучше позвони миссис Мансайпл и скажи о своем решении, — ответил Генри. — Там сейчас сумасшедший дом, но я думаю, ей передадут твои слова.

— Ты не считаешь, что я должна туда поехать и сказать ей лично?

— Боже мой, ни в коем случае! Я тебе говорю, там сейчас как на Пикадилли в час пик.

Эмми исчезла в коридоре, направляясь в маленькую темную каморку под лестницей, где стоял телефон гостиницы, а Генри начал составлять официальный доклад о смерти Реймонда Мейсона. Через несколько минут Эмми вернулась.

— Ты до нее дозвонишься?

Эмми рассмеялась:

— В конце концов да, — сказала она. — Сумасшедший дом — это ты верно сказал. Но после нашего с ней разговора трубку взял майор Мансайпл, и заявил, что хочет поговорить с тобой. Ждет у телефона.

— О, проклятье! — заявил инспектор. — Он не сказал, в чем дело?

— Нет, этого майор говорить не пожелал.

— Ну, ладно. Пойду узнаю, чего он хочет.

— Тиббет?

Голос Джорджа Мансайпла звучал отрывистым соло на фоне аккомпанемента пронзительных звуков, наполнявших Грейндж.

— Слушаю, — ответил Генри.

— Вы тут вчера обыскивали дом в поисках некоторых предметов.

— Да, было такое.

— Хлам в кабинет! — донеслось призрачное эхо голоса Вайолет откуда-то издалека.

— В частности, вы искали мой пистолет, который я объявил пропавшим.

— И это верно.

— Так я подумал, вам приятно было бы узнать, что он нашелся.

Откуда-то донесся треск, голос Мод скомандовал:

— Все, что для «нырка», должно быть обернуто.

— Где он нашелся? — спросил инспектор.

— Ну, как. На своем месте. На стойке в гардеробной, со всеми остальными.

— О, проклятье! — отозвался Генри.

— Что такое? Я думал, вы будете рады.

— Увы, нет. Сегодня весь Крегуэлл слоняется по вашему дому, и вернуть пистолет на место мог кто угодно. Мне это не нравится.

— Ну, тут я ничего не могу поделать, Тиббет. — Джордж был уязвлен тем, что его хорошие новости встретили столь холодный прием. — Как-то я сообщил о его пропаже, теперь говорю о его возвращении.

— Хорошо. Я надеюсь, что будет возможность снять отпечатки пальцев. Послушайте меня внимательно, майор Мансайпл. Я прошу вас завернуть пистолет в...

— Боюсь, поздно, — сказал Джордж.

— Что это значит?

— Я бы не узнал, что он нашелся, если бы не Эдвин.

— При чем тут епископ?

— Он помогает мне в субботу на стрельбище. На удивление хорошо стреляет — для кларнетиста.

— Прошу вас, майор Мансайпл, не могли бы вы просто изложить мне факты?

— Я, видите ли, каждый год сдаю стрельбище в аренду, — сказал Джордж, явно никуда не спеша. — Конечно, без катапульт. Для любителей слишком сложно, да и подготавливать хлопотно. Нет, мы ставим обычные мишени и берем по полкроны за шесть выстрелов. В конце дня выдается небольшой приз за лучший результат.

И снова вдали зазвучал голос Вайолет:

— Ладно, если Джулиан взял машину Мод, а Фрэнк уехал, то узнайте, будет ли миссис Томпсон...

— Не могли бы мы вернуться к вопросу о пропавшем пистолете? — попросил инспектор.

— А, да, конечно. Как уже было сказано, Эдвин помогал мне на стрельбище в субботу, так что сегодня я попросил подготовить пистолеты обычным образом. Почистить, смазать и зарядить. Сейчас Эдвин пришел и сказал: «Джордж, я все сделал. Все пять». — «Все пять? — переспросил я. — Их там только четыре. Тот, из которого застрелили беднягу Мейсона, в полиции, а еще один потерян». — «Там, — говорит он, — их пять, и это так же верно, как то, что я стою здесь». Конечно, я пошел в гардеробную, а там они все...

— Тщательно вычищенные и смазанные епископом, — сказал Генри с горечью.

— Да, он отлично выполнил работу, надо отдать ему должное. Эдвин совершенно уверен, что их было пять, когда он начал работу, примерно час назад. А я уверен, что утром их было только четыре. Следовательно...

— Да, — сказал инспектор. — Я способен сделать вывод.

— Ну, вот так. Это все, что я хотел вам сказать. Будьте здоровы, Тиббет.

Генри вернулся к себе в комнату в смешанных чувствах. На первый взгляд — это хорошо, что пистолет вернулся к законному владельцу: по крайней мере, его не скрыли с какими-то нехорошими намерениями. Но, с другой стороны, он был размещен в месте, наиболее удачном для быстрого использования. И у инспектора появились нехорошие мысли относительно доступности каждого из пяти заряженных пистолетов в доме, где абсолютно точно произошло одно убийство. Он знал, что стрельбище со всем его оборудованием было открыто в субботу для всех, и данный факт тоже спокойствия не прибавлял.

Генри вернулся к своему докладу и работал над ним, не отрываясь, если не считать перерыва на быстрый ленч.

В половине четвертого его снова позвали к телефону. На этот раз звонили из Скотленд-Ярда. Согласно сообщению звонившего сержанта, с Тиббетом настоятельно хотел связаться некий мистер Мамфорд. Он отказывался сообщить о себе и о своем деле какие бы то ни было подробности — просто утверждал, что ему требуется поговорить с главным инспектором. Начал он звонить в три часа, и все попытки убедить его побеседовать с кем-нибудь другим оказались безрезультатными. Единственное, что мистер Мамфорд в конце концов объявил, — у него есть важная информация по делу Реймонда Мейсона. Тогда сержант решил, что об этом следует сообщить Генри. Он передал номер телефона мистера Мамфорда и предложил, чтобы инспектор сам позвонил этому человеку.

— Мистер Тиббет, слава богу, наконец-то! — Мамфорд был более чем взволнован: он так напуган, что в телефонной линии слышалось потрескивание, как при таянии льда. — Я не знаю, что мне делать. Такого никогда раньше не было. И я не могу звонить в полицию!

— Что случилось? — спросил Генри.

— Ну... — собеседник сглотнул. — Прежде всего, вы, быть может, помните, что когда вы у нас были, то пришли... нежелательные посетители...

— Помню, — ответил инспектор.

— Сегодня появилась совершенно непристойная... Нет, вы должны сами это прочесть в одной весьма популярной ежедневной газете, я не буду упоминать ее названия. Это про моего покойного работодателя и некоторых его клиентов. Написана очень продуманно, поэтому я немедленно позвонил юристу фирмы, и он ответил, что, по его мнению, в суд мы подать не можем. Отчего все это приятнее не становится.

— Мне очень прискорбно все это слышать, мистер Мамфорд, — сказал Генри, — но я совершенно не понимаю, чем могу вам помочь.

— Мне никто не может помочь, — ответил генеральный менеджер с трагическим отчаянием. — Статья стала большим ударом, но не предполагал, что это только начало.

— И что же случилось потом?

— Я приехал в офис после ленча позже обычного, — сказал мистер Мамфорд. — Причиной послужило большое количество времени, проведенного у юриста. Сначала я ничего особенного не заметил, но затем...

Настала небольшая пауза, после чего управляющий выдал только одно слово:

— Взлом!

— Вы хотите сказать, что офис был ограблен?

— Именно. Кража со взломом!

— Что было украдено?

— Вот в этом-то все дело, инспектор. Вот что самое ужасное. Самые... самые приватные материалы, принадлежавшие моему покойному работодателю. Я надеюсь, не требуется объяснять подробнее.

— Если вас обокрали, — сказал Генри, — вы должны были сразу же заявить в полицию. Почему вы этого не сделали?

— Боюсь, я недостаточно ясно выразился, главный инспектор. Видите ли, я знаю, кто это сделал.

— Знаете?

— Конечно. Это сын моего покойного работодателя. Больше ничего сказать не могу. Вы должны приехать в Лондон и посмотреть лично.

— Да, — согласился Тиббет. — Да, наверное, должен. — Он посмотрел на часы. — Сейчас без четверти пять. Когда закрывается ваш офис?

— В шесть часов, слава богу, — ответил мистер Мамфорд, проявляя проблеск человечности. — Я вас подожду. Нет слов, чтобы выразить мою благодарность, главный инспектор.

Генри вернулся в спальню и сообщил Эмми срочную новость, что едет немедленно в Лондон, а когда вернется, не знает.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Нечто крайне странное.

— В смысле?

— В том, в котором я и сказал. Не могу понять, что происходит, но есть у меня ощущение: возможно, я был полным идиотом. И мне это не нравится. — Он надел пальто. — Будь ангелом, позвони от моего имени сержанту Даккетту. Скажи, что я должен был уехать в Лондон, но завтра с ним увижусь.

Дорога в столицу заняла больше времени, чем рассчитывал инспектор. Он угодил прямо в час пик пригородного трафика. После долгого перемещения от пробки к пробке Генри наконец оказался возле офиса «Букмекерская контора Реймонда Мейсона». Дверь была крепко заперта, но настойчивый звонок заставил пребывающего в ужасе мистера Мамфорда впустить посетителя. Через внутренний офис они прошли в святилище управляющего.

Первое, что заметил Тиббет — шкаф с личными папками покойного владельца стоял открытым и был пуст. Мамфорд, отследив взгляд Генри, тяжело опустился в большое вращающееся кресло за столом и спросил:

— Видите?

— Расскажите, что случилось.

— Да почти нечего рассказывать. Я вернулся только после трех. Когда я проходил через большой зал, мисс Дженкинс сказала мне: «Вы, мистер Мамфорд, только что разминувшись с мистером Фрэнком. Он вышел пару минут назад». Честно говоря, главный инспектор, мне скорее стало приятно, чем досадно. Наши с мистером Фрэнком отношения никогда не были... скажем так: он совсем не похож на своего отца.

— Да-да. Значит, Мейсон-младший только что ушел.

— Да, верно. Он ждал меня в кабинете. Приехал в половине третьего, насколько я смог понять, и уехал где-то без десяти три. Ну, в общем, я вошел — и увидел то, что видите сейчас вы. Я был в ужасе, главный инспектор — да, именно в ужасе. Я не знал, что делать.

Мистер Мамфорд, казалось, удивился последнему обстоятельству как исключительно редкому.

— При всем отвращении к мысли делиться произошедшим с сотрудниками, я был вынужден позвать мисс Джексон, старшую машинистку, и спросить, были ли при мистере Фрэнке какие-либо документы, когда он покидал офис. «Да, конечно, — сказала она совершенно беззаботно. — Целая охапка — папки, коробки и еще какие-то предметы. Он велел сказать вам, что взял кое-какое имущество своего отца».

— Вынужден констатировать, — сказал Генри, — что он взял не только документы, но и деньги. Не говоря уже про виски. И...

— Где он взял ключ? — даже не спросил, а горестно возопил Мамфорд. — Где? Вы сказали, что ваш ключ — личный ключ мистера Мейсона...

Генри вздохнул:

— Он уже неделю живет в отцовском доме, в Крегуэлл-Лодже. Вполне возможно, что у Реймонда Мейсона были дубликаты ключей, и сын их нашел.

— Эти материалы были конфиденциальны, главный инспектор. Вы полагаете, он... мне очень не хочется об этом думать. Вы же помните, какие там имена. Люди очень высокого общественного положения.

— Вы хотите сказать, — спросил Генри, — что эти папки были бы весьма полезны для шантажиста?

— Какое жуткое слово!

— Кстати, — заметил Тиббет, — у вас есть поблизости экземпляр этой газеты? Про которую вы мне говорили?

— Конечно, есть! — Тут же у Мамфорда возмущение возобладаало над страхом. — Из всех позорных... ох, если бы я только знал виновного!

— Наверное, виновен журналист? — предположил Генри.

— Нет, я о том, кто натравил на нас прессу.

— Да, это очень интересный вопрос, — отозвался инспектор. — Давайте посмотрим газету.

Мамфорд выдвинул ящик стола и вытащил последний номер популярной ежедневной газеты. Она была раскрыта на развороте с заголовком: «Жизнь и смерть игрока», сопровождаемым большой фотографией покойного Реймонда Мейсона. Присутствовали также фотографии нескольких наиболее аристократических клиентов Мейсона, но Генри заметил, что «личных» среди них не было. Каждый раз, когда фамилия титулованного или знаменитого лица появлялась в тексте, она резко выделялась типографским способом — даже если упоминание было случайным — как, например, упоминание Джона Смита, «родственника ГРАФА ФЕНШИРСКОГО». Таким образом, автор активно снабдил свою статью известными именами, и еще тонко приправил ее паутиной намеков. Наличие таких фраз, как «безукоризненно прокладывал курс между волчьими ямами почти-легальности и откровенным беззаконием, марающим доброе имя этой профессии» и «выгодные побочные предприятия, пользующиеся щедрой поддержкой влиятельных знакомых» способствовало созданию определенного эффекта.

— ...вы лучше меня разбираетесь в тонкостях законодательства, — говорил тем временем управляющий.

— Я так понял, что юрист сообщил вам об отсутствии оснований для судебного преследования? — спросил Генри.

— Нет-нет, я говорю о мистере Фрэнке. О завещании.

— А что там с завещанием?

— Юрист сообщил мне сегодня, что завещание мистера Мейсона предельно простое. Все остается его сыну. Так что, сами понимаете, мистер Фрэнк, видимо, счел себя вправе прийти и забрать желаемое. Но так ли это, главный инспектор?

— Нет, — ответил Тиббет, — не совсем так. Завещание еще не вступило в силу, и Фрэнк Мейсон в данный момент ни на что права не имеет.

— Значит, я мог бы подать на мистера Фрэнка в суд за кражу?

— Да, — ответил Генри, — но я бы на вашем месте не стал этого делать. Завещание вступит в силу задолго до того, как ваш иск дойдет до суда, и... в общем, я не думаю, что вам понравится общественный отклик, который эта история породит.

— Именно об этом я и говорю, главный инспектор. Я же не дурак. Именно поэтому и позвонил вам, а не в полицию.

Тиббет не понял до конца, лестно ли ему подобное разграничение. А Мамфорд продолжал:

— Я знал, что вы меня поймете и поможете советом. Что я сейчас должен делать?

— Самое лучшее, что я могу вам посоветовать, — ответил Генри, — не делать ничего.

— Ничего? Но эти материалы...

— Ничего полезного вы сделать сейчас не можете. Если вас всерьез волнует пресса, позвоните в полицию. Если будет еще что-нибудь интересное, звоните мне.

На клочке бумаги Тиббет написал номера «Викинга» и полицейского участка Крегуэлла и отдал управляющему.

— Но, главный инспектор...

— А тем временем, — сказал Генри, — кое-что сделаю я. — Он посмотрел на часы. — Без пяти восемь. Дороги сейчас свободны, так что, даст бог, к девяти вечера буду в Крегуэлле. И навещу мистера Фрэнка Мейсона.

Около девяти вечера, паркуясь на стоянке напротив Крегуэлл-Лоджа, Генри был рад заметить, что в доме горит свет. Его заинтересовало, почему красные бархатные шторы кабинета плотно закрыты.

Он громко позвонил в дверной колокольчик, что спровоцировало неожиданный эффект. Сначала чуть раздвинулись шторы, будто кто-то выглянул. Потом в доме послышался какой-то тихий шорох, и всюду выключился свет. Настала полная тишина.

Инспектор позвонил снова. Реакции не последовало, и он подошел к стеклянной двери кабинета — невольно вспомнив аналогичный поступок епископа буголалендского при аналогичных обстоятельствах. Шторы были плотно задернуты, свет выключен, но сквозь них можно было заметить едва различимое мерцание. Генри осторожно попробовал ручку двери — она легко поддалась, и инспектор проскользнул между шторами в кабинет.

Фрэнк Мейсон стоял возле двери, ведущей в холл, напряженно прислушиваясь. Видимо, он ожидал новых вызовов от дверного звонка. В большом открытом камине весело горели сложенные штабелем дрова, и в кабинете в этот теплый сентябрьский вечер стояла невыносимая жара. На столе лежали несколько секретных папок Реймонда Мейсона, а остальные уже превращались в пепел в камине.

— Добрый вечер, — сказал Генри.

Молодой человек развернулся словно ужаленный. Он посмотрел на гостя, будучи явно в ужасе, — и вдруг широко улыбнулся:

— Забыл я про дверь в сад, — сказал он.

— К моему счастью, — ответил Тиббет. — Можно вообще-то снова включить свет.

Фрэнк Мейсон так и поступил. Затем сказал:

— Простите меня за необщительность. Ничего такого, просто мне хотелось побыть одному. — И после паузы неловко добавил: — Я тут жгу кое-какие старые бумаги.

— Вижу, — ответил Генри. Сев в кожаное кресло, он спросил: — А зачем вы натравили журналистов на бедного мистера Мамфорда?

— Не натравливал я их на него. Этот мелкий ябедник не стоит и минуты времени, чьего бы то ни было. — Фрэнк замолчал, потом добавил: — Я подумал, что мир должен знать про таких людей, как мой отец.

— Мне кажется, — сказал инспектор, — что у вас какая-то путаница в мыслях. Всего пару дней назад вы утверждали, что вашего отца убили, и требовали правосудия и справедливости.

— Так нельзя же убивать человека только за то, что вам не нравится, как он живет, — ответил Мейсон и снова внезапно улыбнулся: — Даже если вы — коммунист-революционер. И к тому же он был моим отцом. Вы только что сказали, что я требовал правосудия и справедливости? Да, я требую: правосудия для человека, который его убил, и справедливости — для общества в целом, защиты от таких людей, каким он был. Я бы не назвал это путаным мышлением.

— Нам с вами, — сказал Генри, — необходимо прояснить несколько моментов. Во-первых, вашего отца никто не убивал.

— Но...

— Я объясню, — перебил Тиббет.

И рассказал, как все произошло.

Когда он закончил говорить, Фрэнк Мейсон медленно произнес:

— Наверное, вы правы. Это значит, что я должен извиниться перед Мэннинг-Ричардсом, но будь я проклят, если это сделаю. — Помолчав, он добавил: — Забавно вот что: старик пожертвовал жизнью, чтобы спасти старую мисс Мансайпл, а она умерла меньше чем через неделю. Мог не беспокоиться.

Генри посмотрел на него с интересом:

— Никто же не мог знать, что мисс Мансайпл умрет, — сказал он. — Правда ведь?

— Да, конечно. Никто не мог.

— Ну, вот, — продолжил инспектор. — С этого мы и начнем, с пистолета. Что вы с ним сделали?

— Я вам говорил. Положил его в этот ящик...

— Вы не относили его сегодня в Крегуэлл-Грейндж с хламом для праздника?

— Конечно, нет. А что, он нашелся?

— Да, — ответил Генри.

— Ну, что ж, это хорошо. Одной загадкой меньше.

— Возможно, — согласился Тиббет. — Теперь о вещах, которые вы сегодня забрали из личного шкафа отца.

Этим вопросом молодой человек был застигнут врасплох:

— Откуда...

— Ну не думали же вы, что мистер Мамфорд оставит подобные действия без последствий? Он тут же связался со мной и очень переживает.

— Это хорошо, — ухмыльнулся Мейсон.

— Почему, ради бога, вы не заперли шкаф снова? Он бы вообще не узнал о пропаже.

— Потому что я, естественно, хотел, чтобы он попереживал, — ответил Фрэнк. — Надеюсь, у него сосуд лопнет. Пусть орет своим голосишком проклятия, какие сможет придумать, и кулачком трясет. Сделать он тут ни черта не может.

— Почему вы так в этом уверены?

— Так в этом офисе теперь же все принадлежит мне? В том числе, кстати, и Мамфорд.

— Нет, — ответил Генри. — Это не так.

— Но завещание моего отца...

— Не вступило в силу, — перебил инспектор. — По закону вам еще не принадлежит ничего. Ваши сегодняшние действия квалифицируются как кража со взломом. С тем же успехом могли чулок надеть на голову и ограбить банк.

Фрэнк Мейсон встревожился:

— Вы уверены? Вы хотите сказать... но он же действительно ничего не может сделать, правда?

— Он мог бы, — ответил Генри. — Но не думаю, что станет. Если вы будете вести себя разумно.

— Разумно — это как?

— Завтра первым делом, — сказал Генри, — поехать в Лондон, принести извинения Мамфорду и вернуть все, что взяли из шкафа.

— Но... — Мейсон инстинктивно глянул на огонь.

— Вполне понимаю ваши трудности, — отреагировал Тиббет. — А зачем вы их жжете?

— Вы знаете, что это?

— Да, знаю.

— А сами бы их не сожгли?

— Хотел бы так сделать, — ответил Генри, — но для очернения памяти вашего отца нет ничего лучше, как отдать их прессе.

Молодой человек покраснел:

— Он был моим отцом.

После паузы инспектор сказал:

— Я бы завершил это дело, а потом все сжег. Насколько я понимаю, документы иллюстрируют клиентские задолженности?

— Конечно. В том и состоял этот мерзкий замысел.

— Тогда никто жаловаться не будет.

— Но Мамфорд...

— И Мамфорд в последнюю очередь, — сказал Генри. — Кстати, когда примете наследство, не выгоняйте его. Человек честный и крайне полезный для фирмы.

Мейсон уставился на собеседника:

— Любопытный вы тип.

— В обоих смыслах слова, — согласился Генри. — Среди прочего мне еще очень интересно, почему ваш отец так рвался купить Крегуэлл-Грейндж.

— Снобизм.

Это слово выскочило будто рефлексивно.

— Иных причин не было?

— Если и были, мне они неизвестны.

— Он никогда ничего не говорил вам?

— Ничего полезного, — отрезал Фрэнк. Он взял со стола очередную папку, инспектор увидел на ней надпись «Джон Адамсон». — И эту на всеобщее, — произнес молодой человек.

Глядя, как пламя лижет содержимое пухлой папки, Генри почувствовал укол сомнения, но подавил его. Он спросил:

— Когда вы узнали об этих секретных папках?

— Когда нашел запасной ключ от шкафа. Он был в ящике отцовского туалетного столика с какой-то неразборчивой биркой. Я сунул его в карман в день, когда сюда приехал — до того, как вы тут рыскали, и не вспоминал о нем, пока не увидел список фамилий в старом ежедневнике отца. Вот тогда я решил разобраться.

— Ключ еще у вас?

— Да, он здесь. — Мейсон вынул из кармана ключ. На нем не было никакой бирки, и Генри это отметил. — Бирку я сжег.

— Ну, ладно, — сказал Генри. — С этим ясно. Но очень важно, чтобы вы вернули завтра все остальное.

— Вы про деньги?

— Деньги, виски и книгу. Кстати, могу я на нее взглянуть?

Мейсон удивился:

— Я не знал, инспектор, что вас интересует порнография.

Тиббет очень вежливо ответил:

— Это книга, которая в нашей стране запрещена. Я должен ее изъять.

Фрэнк встал.

— Как все странно, — сказал он и открыл ящик письменного стола. — Вот она, но боюсь, вы разочаруетесь.

— Почему?

— А тут только суперобложка непристойная. Боюсь, отец думал, что это как-то поднимет его в глазах некоторых клиентов. Такой уж был у него образ мыслей.

Он бросил инспектору книгу. Под яркой аляповатой суперобложкой скрывался детектив. Глядя на выражение лица Генри, Мейсон сказал:

— Я и сам был разочарован. Что, накрылось ваше чтение перед сном?

— Да, — сказал Тиббет и широко улыбнулся. — Накрылось.

Когда он вернулся в «Викинг», Мэйбл уже закрывала бар. Вечер выдался оживленный, сказала она. Заходил сэр Клод Мансайпл со своей племянницей и с ее симпатичным молодым человеком. Они, конечно, приехали на похороны. Бедная мисс Дора, как же это грустно, но все-таки она прожила хорошую жизнь. А миссис Тиббет поднялась к себе, уже легла. Генри не хочет выпить на ночь? Нет? Ну, тогда она желает ему очень доброй ночи.

Когда инспектор поднялся в номер, Эмми уже лежала в кровати. Он ей кратко рассказал, что было в Лондоне и в Крегуэлл-Лодже, а она ответила рассказом о приятном вечере, проведенном с Мод, Джулианом и сэром Клодом.

— А! Я вспомнила, о чем должна тебе рассказать, Генри. Сэр Клод сказал: Вайолет просила его сообщить, если он тебя увидит, что с таблетками леди Мансайпл вышла ошибка. Она их нашла. Видимо, совсем забыла, как положила их в несесер. Так что этот вопрос закрыт.

Генри сел на свою кровать. Вид у него был мрачный.

— Да, — вздохнул он.

— Ты должен быть рад, — сказала Эмми. — Сперва пистолет, теперь таблетки. Все твои загадки оказываются вообще не загадками.

— Вот это, — ответил Генри, — меня и тревожит.

Глава 14

На пятницу были намечены два безрадостных события: утром — дознание по делу Реймонда Мейсона, днем — похороны мисс Доры Мансайпл. Неприятные новости о том, что несколько позже состоится дознание в том числе и по делу тети Доры, сообщили только майору и миссис Мансайпл. По результатам вскрытия коронер Кингсмарша выразил намерение выслушать данные показания об идентификации под присягой, и медицинское заключение; подготовку к похоронам согласился продолжить как планировалось.

Дознание по делу Мейсона привлекло значительное число журналистов из Лондона — благодаря намекам на сенсацию, которые обронил Фрэнк и подхватила пресса. Однако результаты полицейского расследования вызвали заметное разочарование. Генри тщательно изложил свою версию смерти букмекера, и вроде бы никто не собирался ее оспаривать. Упоминался пропавший пистолет, и сержант Даккетт откопал свидетеля — мальчишку на посылках, — который видел, как Мейсон экспериментировал с этим оружием у себя в саду. Ранее он об этом не сообщил, решив, что это игра или подготовка какого-то розыгрыша — «мистер Мейсон был из тех джентльменов, что любят такие шутки».

Некоторое оживление вызвала демонстрация одной из катапульти майора Мансайпла, и прессе пришлось удовлетвориться тем, что можно было из этого извлечь.

Коронер, который, похоже, хотел покончить с этим делом тихо и достойно, указал, что у жюри может сложиться впечатление, будто бы мистер Мейсон был человеком, склонным к подобным розыгрышам. В данном случае, объяснил он, жюри не должно интересоваться, с какой целью Мейсон сконструировал свое устройство. Членам жюри надлежит, выслушав свидетельские показания, сделать вывод: действительно ли погибший сам сконструировал устройство, явившееся причиной его смерти. Если да, то правильным вердиктом будет «Смерть от несчастного случая».

Члены жюри уловили намек, и меньше чем за четверть часа вынесли указанный вердикт, и журналисты двинулись в Кингсмарш-Армс и постарались как можно лучше «изготовить кирпичи без соломы».

А тем временем под слабым позднесентябрьским солнцем на древней улице Кингсмарша Хай-стрит семейство Мансайпл обсуждало, как добраться обратно в Крегуэлл. Клода и Рамону привезли Джордж и Вайолет на своей машине, а Эдвин с некоторым усилием и дискомфортом втиснулся в миниатюрную машину Мод. Вайолет должна была пройти по магазинам Кингсмарша, а остальные хотели побыстрее домой.

Генри тут же предложил свою помощь. Он приехал один в большой полицейской машине, где хватит места для сэра Клода, леди Мансайпл, и для майора тоже. Предложение было с благодарностью принято, и все вчетвером пошли к парковке, а Эдвин мрачно согласился вернуться с Мод и Джулианом.

В машине Генри сообщил леди Мансайпл, что рад был услышать о найденных таблетках. Она приподняла брови.

— Вряд ли можно сказать «найденных», мистер Тиббет. Они не терялись. Не могу представить, как я могла положить таблетки в косметичку. Клод вам подтвердит, я их всегда держу в шкатулке с украшениями — для надежности.

— А она у вас всегда заперта? — спросил инспектор.

— Боже мой, нет, конечно. У меня дорогих украшений нет, — ответила подчеркнуто Рамона.

— Флакон был полон?

— Какие у вас необычные вопросы, мистер Тиббет. Почему вас интересует мой несчастный флакон с таблетками?

Генри не успел с ответом, потому что Джордж Мансайпл сказал:

— У инспектора есть на то причина, Рамона.

— Боже мой, — сказал сэр Клод недовольным тоном. — Я думал, главный инспектор, что вы свою работу здесь закончили. Кстати, я просто в восхищении от вашего сегодняшнего

отчета по этому грустному вопросу. Рассуждение ваше было безупречно и совершенно прозрачно.

— Благодарю вас, сэр Клод, — ответил Генри.

— Так что, — настойчиво спросил сэр Клод, — вопросов не осталось?

— Почти, — сказал инспектор. — Леди Мансайпл, был ли пузырек с таблетками снотворного полон?

— Нет, — сразу ответила Рамона. — Он был наполовину пуст.

— И вы не знаете, сколько таблеток могло пропасть?

— Конечно, нет. Я же их не считаю. Они ведь не ядовиты — успокоительные и снотворные.

— Но в больших дозах ядовиты, — заметил Генри.

— Я не принимаю их в больших дозах, — возразила Рамона. — Если Вайолет так говорит, это с ее стороны очень нехорошо.

Наступило слегка напряженное молчание, нарушенное покашливанием Джорджа Мансайпла. Он сказал:

— Извините, Тиббет, что не можем вас пригласить к ленчу, но Вайолет несколько замотана, как вы понимаете...

— Конечно, понимаю, майор Мансайпл. Ни за что бы не стал сейчас предоставлять ей лишнюю работу.

— Но мы ждем вас на похороны, естественно. И я надеюсь, что потом вы с женой поедете к нам. Просто на чай.

— С удовольствием. Это очень любезно с вашей стороны, — сказал Генри.

Когда инспектор повернул свой большой «уолсли» на подъездную дорожку Кругуэлл-Грейнджа, Мод с Джулианом и епископом уже приехали. Генри собирался, доставив Мансайплов домой, ехать сразу в «Викинг», но майор был непреклонен. Еще раз многословно объяснив невозможность для Вайолет сейчас пригласить гостя к ленчу, он тем не менее заставил инспектора — другого слова не подобрать, — выпить в Грейндже предобеденный аперитив. В конце концов Генри понял, что на споры у него уйдет больше времени.

Дом был неузнаваем. Сквозь открытые двери кабинета были видны штабеля собранного «хлама» — пестрое собрание старых одежд, безделушек, абажуров, книг, кухонной утвари, детских игрушек. Нашлась даже старая потрепанная детская коляска. Часть хлама вываливалась в холл, и портрет Директора был сейчас задрапирован разными шарфами ручной вязки.

Из гостиной вышла Мод и, оглядев беспорядок, сморщила нос.

— Ужас, правда? — спросила она. — И так каждый год. Миссис А. покупает старую шляпку миссис Б. — такую, что на чучело надеть стыдно, — чтобы сделать взнос в Фонд церковной крыши или какой-нибудь еще. На следующий год миссис Б. приносит ту же самую шляпку в качестве хлама, и ее покупает миссис В... и так далее. Сейчас эта шляпка уже просто ритуальный предмет. Насколько было бы проще, если бы люди просто давали деньги и не занимались этими глупостями. Но нет. Праздник всегда был и будет. — Мод улыбнулась: — В гостиной уже не так плохо: джемы, варенья, пироги. Некоторые даже очень хорошие. Я только боюсь, как бы их все не съели по ошибке на поминках тети Доры. — Девушка добавила уже серьезно: — Обидно, что ее там не будет. Она такие вещи очень любила — хорошие похороны и приличный чай после них. Заходите.

Эдвин уже устроился в гостиной со стаканом пива и изучал кроссворд в «Таймс». Он расчистил себе место среди банок джемов, варений и пирогов, устроился в любимом кресле, обращенном к эркеру, и повернулся к комнате спиной. Когда вошли Мод и Генри, епископ даже не поднял головы.

— Шерри, виски или пиво? — спросила Мод.

— Шерри, если можно, — ответил инспектор.

Он смотрел, как девушка подошла к столику, сдвинула какие-то варенья и стала

возиться с графинами и стаканами. Генри вдруг очень ясно представил себе, как Мод работает у себя в лаборатории: в белом халате, ловкая, умелая, знающая, уже не хорошенькая хрупкая девушка, а высокопрофессиональный ученый — хладнокровный и несентиментальный.

Бесстрастный и отстраненный ученый обернулся и сразу снова превратился в Мод Мансайпл — миниатюрную, белокурую, очаровательную. Протянув бокал, она сказала:

— Сухой шерри.

Потом взяла другой бокал и продолжила:

— Наверное, нужно выпить в память тети Доры. Она очень любила иногда пригубить чего надо.

— За тетю Дору, — сказал Генри, поднимая стакан.

— Аминь, — добавила Мод.

— Ерунда и чушь, — сказал вслух Эдвин и перевернул страницу с отчетливым шуршанием.

— Красивые хризантемы, — сказал инспектор. — Они из сада?

Девушка несколько смутилась.

— Нет, — ответила она. — У нас с ними никогда не получалось. Что-то с почвой не то.

— Но они же для тети Доры? — спросил Генри.

Снова едва заметная пауза, и Мод ответила:

— Не обязательно спрашивать в обход. Да, я их купила в Кингсмарше и сама расставила. Да, это традиционные цветы траура. Не забывайте, я же год жила в Париже. У меня было чувство: надо что-то сделать.

— И никто, кроме вас, так бы не поступил?

— Всем остальным... — начала она и остановилась. — Я очень любила тетю Дору.

— Да, — сказал Тиббет. — Я это знаю.

Вошли Рамона, Клод и Джордж Мансайпл, освободившись от бесформенных пальто, вязаных шарфов и шапок, которые сочли подходящей одеждой для присутствия на дознании. Мод снова занялась напитками, и когда все были ими обеспечены, вышла через стеклянную дверь навстречу Джулиану, бесцельно прогуливавшемуся по саду.

— Как ваш гербарий, мистер Тиббет? — спросила Рамона.

Генри быстро и лживо ответил:

— Собираю, леди Мансайпл. Ничего пока особо интересного. Лютики и прочее в этом роде.

Лицо собеседницы просветлело в одобрении.

— В каждом собрании должна быть паства, а не только проповедник, — сказала она. — Вашим самым драгоценным находкам понадобится общество лютиков и ромашек, чтобы они ярче сияли при этом контрасте. Не сомневаюсь, что вы будете и после отъезда отсюда продолжать заниматься коллекцией.

— Я очень постараюсь, — ответил инспектор.

Он не стал упоминать, насколько флора Челси скудна.

Джордж в это время говорил Клоду:

— Нет смысла пытаться это объяснить мне, Клод. Тебе пора бы уже это знать. У меня мозги работают не так, как...

— Квантовую теорию, — перебил Клод, — без малейших усилий усваивают студенты с птичьими мозгами. Не вижу никаких трудностей...

— Клод, это очень несправедливо, — сказала Рамона суровым голосом.

— Что именно?

— Унижение птичьих мозгов. Ты не хуже меня знаешь, что многие птицы обладают очень развитым мозгом.

— Верно, дорогая, — согласился он. — Очень точно подмечено. Многие идиомы некорректны, хотя и красочны. Ладно, если я скажу «с куриными мозгами», ты, надеюсь, согласишься, что эпитет заслуженный.

— Куриные? — спросил епископ из глубины своего кресла. — Опять курятина? Вайолет становится несколько расточительной.

— Речь о куриных мозгах, Эдвин, — проговорила Рамона еще отчетливее обычного.

— Куриные мозги? Что за изыски? — Заинтригованный епископ положил газету на колени и развернулся в кресле лицом к обществу. — Куриную печенку я часто ел, даже в Буголаленде. Но куриные мозги — никогда. На приличную порцию требуется наверняка больше одного. Скорее всего, ты имела в виду телячьи мозги.

— Ни о чем подобном речь не шла! — резко сказал Клод. — Мы с Джорджем обсуждали квантовую теорию.

— Ее связь с куриными мозгами, — сказал Эдвин, надевая на ястребиный нос пенсне, — представляется мне весьма отдаленной.

— Я там ни слова не понимаю, — жалобно сказал Джордж. — Лучше бы Клод это обсуждал с Мод и Джулианом.

— Персики, — сказал епископ, строго глядя на Генри.

— Простите, не расслышал?

— Персики напомнили мне Джулиана. То есть наоборот, он — их. Ненастоящие жители южной страны. Без веток не живут.

Тиббет хотел спросить: «Вы имеете в виду, что приезжие в Африке...» — как вдруг его взгляд упал на страницу кроссворда.

— А, — сказал он. — Персики!

— Именно. Четырнадцать по вертикали.

— Понятно. А растут они на ветках?

— Естественно. Я так записал, когда Джордж сказал про Джулиана, и это мне напомнило.

— О чем, сэр?

— О небо! — вдруг воскликнул епископ в возбуждении. — Клод, послушай. Лодочный шест...

— Что?

— Погоди, я не закончил. Теория, рожденная... лодочным шестом...

— Квантовая!⁹ — воскликнул Клод.

— Квантовая! — вскричал Эдвин, заполняя квадратики черной ручкой.

— Квантовая, — согласился Генри, пораженный совпадением.

— Ни одного слова из нее не понимаю, — сказал Джордж.

— Хэмфри, — сказал епископ, — терпеть не мог персиков. В доме их не держал. Мальчик был такой же, очень своеобразный — это семейное. Конечно, у них на востоке на Рождество был пудинг. Я только что говорил мистеру Тиббету. Без веток...

— Да, я тебя слышал. — Клод подошел к брату, заглянул через плечо и сказал: — Семнадцать по горизонтали — тетива.

— Как ты узнал?

— Это то же самое, что и натянутая нить.

— Да, да. Ты прав. Сейчас, погоди, запишу. Замечательно. Составлял этот кроссворд, наверное, ирландец. Англичанин сказал бы не «тетя», а «тетка».

— Или американец, — предположил Клод. — Они говорят «тетя».

— Не думаю, — возразил Эдвин. — Нет, не думаю. Американец не знал бы, что шест называется «квант».

— Ирландец тоже мог бы не знать, — добавил Джордж. — Так говорят в восточной Англии.

— Что означает, — триумфально объявил Эдвин, — что кроссворд составил американец или ирландец, живущий в восточной Англии.

⁹ Игра слов: quant (англ.) — шест для отталкивания лодки.

— Что американцу делать в восточной Англии? — спросила Рамона.
— Военно-воздушные базы, — сказал Джордж. — Их полно в Норфолке.
— Чушь, — сказал Эдвин. — Кто вообще слышал, чтобы американец писал в «Таймс»? Нет, это ирландец. Вся его работа выдает национальность. — Наступила небольшая пауза, и епископ сказал: — Бедная тетя Дора. Как бы ей понравились эти похороны. Ну, что ж, будем верить, что она душой с нами.

Все время, что Генри работал в отделе уголовных расследований, он честно старался не отступать от положенных процедур. Тщательно исследовал детали, использовал самые современные доступные Скотленд-Ярду научные экспертизы и доверял их результатам. Инспектор знал, что намного больше убийц было поймано на основе тщательного анализа химчистки или обследования подкладки брюк, чем с помощью интуиции и фантазии. И все же у него был «нюх». Сейчас, когда он стоял в гостиной Крегуэлл-Грейнджа со стаканом бледного шерри в руке и смотрел на трех братьев, столь различных по характеру и ментальности и в то же время определенно из семьи Мансайплов, что-то у него в голове прояснилось. Помогла ли здесь интуиция, дедукция или наблюдательность, он сам точно не знал, но перед ним возникла картинка не из приятных.

Не в первый раз Генри оказался в ситуации, когда надо было принимать нежелаемое решение. Его версия — всего лишь интуитивная догадка. У него нет никаких обязательств продолжать какие-либо расследования. Можно спокойно вернуться в Лондон и забыть обо всем. С другой стороны, важна истина, а если окажется, что он прав...

Мансайплы, естественно, ничего не знали о моменте откровения у Генри и последовавшей за ним внутренней борьбе. И они заметно удивились, когда он со стуком поставил стакан на стол и сказал:

— Боюсь, что мне пора ехать, майор Мансайпл.
— Уже? Дорогой мой, но ведь еще рано. Вайолет вернется с минуты на минуту. Выпейте еще.

У Генри пересохло в горле, и стаканчик не помешал бы, но он сказал:

— Нет, боюсь, мне нужно ехать.
— Ну, ладно, увидимся на похоронах. Два тридцать, в деревенской церкви...
— Боюсь, — сказал Тиббет, — что не смогу появиться на похоронах. Мне очень жаль.
— Не сможете? — Рамона была возмущена. — Инспектор, вы же говорили в машине...
— И потом чай, — добавил епископ тоном искusstителя.
— Вайолет будет очень расстроена, — добавил Джордж.
— Мне действительно жаль, — ответил Генри, — но не могу. Я же не хозяин своего времени. Я работник, а в Крегуэлле мне больше делать нечего. Я возвращаюсь в Лондон.

Итак Генри Тиббет вернулся в Лондон, но его жена осталась в Крегуэлле. Как сказала Эмми: обещание есть обещание, и подвести миссис Мансайпл она не может. Эмми также пошла на похороны, и оказалась там единственной, кто плакал.

Чай после похорон был превосходным.

Глава 15

В субботу рассвет выделил тонкие нити облаков в синем небе. Жители Крегуэлла во время завтрака напряженно думали: будет ли на Праздник ясная погода?

В «Викинге» придерживались пессимистической точки зрения. Альфред, подавая Эмми яйцо на завтрак, заметил, что точно так же начиналось четыре года назад, когда разразилась гроза. Мэйбл, протирая бокалы и столы, сказала, что вообще на Праздник никогда хорошей погоды не было.

Под гнетущим влиянием подобных прогнозов Эмми решила подготовиться к худшему.

Она надела шерстяной костюм, к нему скромные непромокаемые туфли и сверху прочный плащ. К девяти часам Эмми была готова и ждала у дверей «Викинга», чтобы ее подобрала Изабель Томпсон.

Изабель, напротив, была настроена оптимистично. На своем потрепанном «форде» она подъехала к гостинице, в легкой безрукавке и сандалиях на босу ногу.

— Ты просто сваришься, — сказала она подруге.

— Не могу себе представить, почему прием догадок о весе викария может потребовать много энергии.

— погоди, — зловеще ответила Изабель и двинулась в Грейндж.

Сцена смятения, которую Генри застал во вторник, когда заносили различные предметы для Праздника, меркла перед тем, что творилось в субботу утром, когда их выносили обратно. Расстановкой столов, которым предстояло служить прилавками, занималась группа мужчин, и, как часто бывает в таких случаях, хлопот от них было больше, чем пользы. Вайолет Мансайпл уже подумывала их прогнать — чего, кстати, они и сами больше всего желали. Мужчины всегда с пониманием относились, когда их выгоняли с позором, и шли в бар «Викинга» к одиннадцати тридцати, то есть к открытию.

Тем временем помощницы, подобно муравьям, сновали туда-сюда в дом, из него в гараж и обратно с охапками всяких предметов в руках. Сама Вайолет была уже на грани безумия. Как жрица оракула, осажденная сверхусердными послушницами, она была окружена настойчивыми дамами, и каждая требовала указаний: куда отнести вот это или что делать вот с тем, или когда прибудет то-то или кто должен делать это.

Увидев Изабель и Эмми, она помахала им каким-то списком поверх голов обступившей ее стаи помощниц. Потом, каким-то образом освободившись, пробилась к новоприбывшим.

— Как это мило с вашей стороны, миссис Тиббет! Я даже не ожидала, что вы все утро пожертвуете... очень вам благодарна. — Она просияла улыбкой. — А Изабель, конечно, всегда наша твердыня. Изабель, милая, если хочешь, чтобы меня не убили, пойд и останови Гарри Пенфолда, который пытается поставить мишени для колец посреди любимой розовой клумбы Джорджа. А потом, если не против, помоги миссис Роджерс красиво расставить варенья и джемы. Спасибо тебе, дорогая.

— А что делать мне, миссис Мансайпл? — спросила Эмми.

— Если зайдете в дом, там найдете Мод с простынями.

— С простынями?

— Мы ими накрываем вместо скатертей столы с закусками в павильоне. Их надо прикалывать особым образом, Мод вам покажет. А потом надо расставить бокалы и чашки... нет-нет, миссис Берридж, эта пепельница «из хлама». А для «счастливого нырка» все должно быть завернуто, потому что отруби...

Хозяйка снова скрылась в толпе.

Эмми с некоторым трудом пробралась к дому. В холле она чуть не столкнулась с Джулианом, который нес большую бочку отрубей.

— Здравствуйте, миссис Тиббет! — сказал он. — Я слышал, что ваш муж вернулся в Лондон?

— Да.

— Его можно понять. Тут скорее тонущий корабль, нежели жилище человека. Да смилуется небо над бедными морями.

Он со своим грузом скрылся в саду.

Из кабинета вышел Фрэнк Мейсон. Его рыжие волосы слиплись в остроконечные пряди, и в руках он нес кучу сборного хлама на потертом подносе.

— Я знаю, что она была там, — говорил он кому-то.

— Ну так теперь ее там нет, молодой человек, — ответил из кабинета командный и неприязненный голос Рамоны. — Сами можете убедиться.

— Это очень важно! — крикнул Фрэнк через плечо.

— Все важно в день Праздника, — ответила Рамона. Она появилась в дверях, но лицо

ее было скрыто под охапкой какой-то одежды. — Мод, милая, можешь это взять?

— Нет, тетя Рамона, не могу, — твердо ответила племянница.

— Позвольте мне, леди Мансайпл, — сказала Эмми.

— Ох, спасибо! — Рамона свалила неаппетитную кучу на руки миссис Тиббет. — На лужайку, под платан. Там уже должны были стол поставить.

Выходя в сад, Эмми услышала слова Мод:

— Насчет чего это Фрэнк тут так переживал?

— Какая-то книга...

Голос Рамоны остался позади.

Стол под платаном еще не был поставлен. Эмми прибыла как раз вовремя, чтобы увидеть, как он разложился на своих складных ножках и опустился на землю с некоторым медлительным достоинством, аккуратно прищемив пальцы помощника, который его ставил. Были слышны вопли от гнева и боли, голоса, немедленно требовавшие лейкопластырь. Эмми, уступая обстоятельствам, свалила свой груз еще одной кучкой на траву и вернулась помогать Мод закалывать простыни. Было десять часов утра.

...В десять минут одиннадцатого в безымянном правительственном кабинете уверенный в себе Куайт говорил следующее:

— Мы, конечно, постараемся вам помочь, главный инспектор — но это может быть нелегко. Эти новые независимые страны — штучки непростые, знаете ли. Мы сейчас в Буголаленде... — он прокашлялся, — не совсем званые гости.

— Но ведь наверняка остались какие-то старые колониальные фамилии, — возразил Генри. — На службе у нового режима?

— Да, это действительно так. Когда я говорил «мы» — я имел в виду именно «нас». Сейчас нелегко стало добывать информацию.

— Та информация, которую я прошу, ни в каком смысле не является секретной. Вопрос сводится к просмотру записей.

— Вы этих парней не знаете, — грустно ответил представитель ведомства.

— Но если мои догадки верны, ваш департамент будет очень заинтересован, — добавил Генри.

Куайт вздохнул:

— Нас заинтересовать не так-то просто, знаете ли. Ладно, выкладывайте. Все подробности по той информации, что вам нужна...

Половина двенадцатого. Столы дляхлама расставлены, мишень для колец перенесена с клумбы роз, палатка «Предсказательницы судьбы» упала второй раз, чуть не прибив Рамону, которая — по ежегодной обязанности — как раз была внутри, обследуя свое рабочее место. Помощников отпустили, к всеобщему облегчению, и рядом с «Викингом» выстроилась плотная шеренга ожидающих открытия.

Только Фрэнк Мейсон остался перетаскивать вещи по поручениям Мод, в перерывах жалуясь:

— Я ее принес по ошибке и должен забрать. Она лежала схламом.

— Дорогой Фрэнк, — говорила бесчувственная Мод. — К концу дня, если ваши золотые часы не будут проданы за шесть пенсов, а штаны останутся целыми, можете считать себя счастливым. Так что перестаньте поднимать шум из-за вашей дурацкой книжки, лучше помогите мне вынести на столы вот эти кувшины с лимонадом.

Эдвин с кроссвордом в руке медленно проследовал на кухню и сказал:

— Меня прислала Вайолет с сообщением.

— Вот как? Что же она велела передать, дядя Эдвин?

— Не могу теперь вспомнить. Что-то насчет киоска «Союза матерей».

Епископ налил себе лимонад, но Мод выхватила стакан у него из рук.

— Нет-нет, нельзя сейчас! Это на потом!

Она вылила лимонад обратно в кувшин. Эдвин с некоторым удивлением рассматривал

свою пустую руку.

В двери показалась голова Джулиана.

— Оркестр прибыл, — сказал он с некоторым отчаянием.

— Отлично, — ответила Мод. — Скажи им, чтобы шли в старую детскую — переодеться в форму.

— Половина из них форму не привезла, — ответил молодой человек. — Некоторые забыли инструменты, а двое уже пьяны.

— А они всегда пьяны, — ответила Мод. — Так что не волнуйся.

Джулиан скрылся.

— Кто всегда что? — спросил епископ.

— Пьяны, дядя Эдвин.

— Пьяны? Союз матерей? Как это удивительно. Я думал, это просто лимонад.

— Ну, знаете ли, — сказала Мод в пространство.

Временами быть Мансайплом требовало крепких нервов. Мод побыстрее выставила Фрэнка с лимонадом в сад.

Эдвин взял тарелку, где лежали маленькие тартинки и бумажка с надписью: «Миссис Берридж, пирожки с кремом, первый приз». Машинально жуя, епископ побрел на стрельбище. Там, что парадоксально, царила тишина. В безмятежном спокойствии, вдали от суеты, Джордж и Клод готовили мишени, патроны и пистолеты к послеполуденным соревнованиям. Эдвин сел на садовую скамейку и предложил братьям тартинки. Они с благодарностью приняли предложение, и какое-то время все молча жевали. Потом епископ сказал:

— Мод мне только что сказала очень странную вещь.

— Правда? — отозвался Джордж.

— Да. Она мне сказала, что женщины из Союза матерей Крегуэлла, как обычно, нетрезвы.

— Seriously? — заинтересовался Клод.

— Очень современные дамы, — заметил Джордж. — Так мне когда-то сказала Вайолет. Видимо, это она и имела в виду.

— У нас в Буголаленде «Матери» очень редко бывали пьяны, — сказал епископ. — Я помню только два случая, с черными, естественно.

— Может быть, в этом дело, — сказал майор.

— Массовое пьянство, — заметил Клод, — это психосоциологический феномен, происходящий от общей неуверенности в себе — желаний идентифицировать себя с группой и при этом укрыться в пределах собственной личности. Любопытно, что он вдруг проявился среди матерей Крегуэлла.

Трое братьев серьезно обсуждали проблему, незаметно для себя опустошая тарелку с призовыми тартинками миссис Берридж.

Двенадцать часов. Мистер Куайт сообщил:

— Пока что, боюсь, нет ничего определенного, Тиббет. Местные ребята не слишком расторопны, а вы, старина, просите заглянуть очень далеко в прошлое. Мы, конечно, со своей стороны тоже искали, но ничего не нашли. Так что вам придется подождать.

Час дня. Измотанные помощницы разбежались по домам кормить мужей и переодеться в праздничные наряды, потому что леди Феншир откроет Праздник ровно в половине третьего.

В Крегуэлл-Грейндже семейство Мансайпл собралось в кухне за быстрым ленчем, как назвала его Вайолет. Это означало, что каждый самостоятельно грабил буфет и холодильник, брал все, что мог найти, и съедал стоя без помощи таких ненужных предметов, как вилка, тарелка и нож. Хозяйка уговорила Эмми остаться и принять участие в этой неортодоксальной трапезе. Вторым и последним чужим человеком был Фрэнк Мейсон. Его

никто на самом деле не приглашал, но он решил остаться по своим причинам, и каждый решил, что его пригласил кто-нибудь другой.

В процессе этого необычного ленча, когда миссис Тиббет достался хвост холодного лосося, тушеный персик и ложка картофельного пюре с колбасой — именно в таком порядке, — Эмми нашла возможность спросить Фрэнка Мейсона о злополучной книге, которую он не туда положил.

Молодой человек несколько смутился:

— Да это ерунда. Просто книга отца, она у меня была с собой, когда я привез хлам из Лоджа, и, видимо, оставил ее в кабинете с прочими предметами. Наверняка она где-то в хламе, но леди Мансайпл никак не давала мне возможности посмотреть как следует.

— Я частично возилась с хламом, — сказала Эмми. — Как называется книга?

Фрэнк заметно засомневался, потом сказал:

— Она никак не называется. В том смысле, что в простой коричневой бумажной обложке, то есть обернута в коричневую бумагу.

Эмми рассмеялась:

— В моей юности, — сказала она, — это был бы «Улисс» или «Любовник леди Чаттерли». А сейчас их можно купить в бумажной обложке.

— Эту не купите, — возразил Мейсон-младший. Он встал с края кухонного стола, где пристроился съесть яблоко. — Наверное, я пойду и...

Фрэнк намеренно недоговорил, небрежной походкой выходя в холл, но Эмми видела, как он направился в кабинет.

В два часа прибыли лорд и леди Феншир вместе с сэром Джоном Адамсоном. Ленч у них состоялся в Крегуэлл-Мэноре, и настроение после него было очень хорошее, несмотря на то, что с их приездом упали первые капли дождя.

В четверть третьего к открытым воротам подошли Мод и Джулиан. Снаружи уже собралась приличная толпа. У некоторых были зонтики, кто-то уже раскрыл их, но в основном преобладали летние платья, и Крегуэлл, казалось, был решительно настроен считать погоду хорошей, вопреки признакам, свидетельствующим о противоположном. Через несколько минут все помощницы заняли свои места. Миссис Роджерс благосклонно председательствовала среди варений и джемов, а миссис Берридж нетерпеливо хмурилась за прилавком с соленьями и рыбными продуктами. Настроение этих двух почтенных дам было легко объяснить: после обнаружения на стрельбище опустошенной тарелки и брошенной призовой открытки было наспех нацарапано новое решение, отдающее первый приз яблочным пирожкам миссис Роджерс.

Рамона, вооружившись картами Таро с потрепанными углами и хрустальным шаром из старого аквариума для золотой рыбки, водрузилась в ненадежно поставленной палатке, готовая предсказывать судьбу всего за один шиллинг. У нее в ушах были кольца от штор вместо серег и на голове алый шелковый шарф — «чтобы войти в образ». Изобель Томпсон, чьей помощницей была Вайолет, стояла возле киоска с «хламом», который во многих отношениях был сердцем Праздника. Сэр Клод Мансайпл по традиции взял на себя «счастливый нырок». Джордж и Эдвин уже ушли на стрельбище, Мод бежала от ворот к палатке с закусками и напитками, которой должна была заправлять. Ей помогал Джулиан. Жена викария взялась руководить метанием колец, а приглашенные учителя получили свой участок работы в детском спортивном секторе. Эмми сидела за своим столом с блокнотом и кассой в виде коробки, готовая принимать ставки на вес викария. Фрэнк Мейсон без толку бродил, разыскивая свою потерянную книгу. Все было готово.

В половине третьего лорд и леди Феншир вышли через стеклянную дверь в сад в сопровождении сэра Джона Адамсона и Вайолет Мансайпл. Под гром аплодисментов они забрались на шаткий помост.

— Мне чрезвычайно приятно, — заявила проникновенным голосом леди Феншир, — открыть прямо сейчас ежегодный Праздник деревни Крегуэлл.

— Раз, два, три! — прозвучал неотчетливо громкий голос, и под грохот литавр и

завывание тромбонистов оркестра Кругеулла выдал свою весьма своеобразную аранжировку «Поднять якоря».

В тот же момент дождь начался всерьез. Было ровно два тридцать.

В два тридцать пять Куайт сообщил:

— Кажется, вам везет, Тиббет. Мы смогли проследить информацию, которая вам необходима. Похоже, есть библиотеки, где хранятся старые экземпляры газет. Я помню, вы говорили, что ваша вырезка — из «Буголаленд таймс» двадцатилетней давности.

— Да, верно.

— Так, а эта из «Ист-Буголаленд мейл». Местная газета того региона, где жила интересующая вас семья — поэтому здесь изложено подробнее. Конечно, это не официальный документ, но тут совершенно ясно, что мальчик погиб вместе с родителями. Все трое, в автомобильной аварии. Прочтите сами.

— Одиннадцать стоунов, пять фунтов, две унции, — медленно произнесла плотная леди. Викарий, застенчиво расположившийся на платформе из ящиков от семян, был польщен.

— Одиннадцать стоунов, пять фунтов, две унции, — повторила Эмми, записывая на клочке бумаги. — Ваше имя, пожалуйста.

— Миссис Бартон, ферма Хоул-Энд.

— Благодарю вас, миссис Бартон. Вот ваша квитанция. Шесть пенсов, пожалуйста.

Сопровождавший ее мужчина — предположительно мистер Бартон — небольшой и жилистый, похожий на престарелого жокея, громко сказал:

— Четырнадцать стоунов восемь фунтов.

У викария вытянулось лицо. Эмми заполнила квитанцию, и пара удалилась.

Викарий обратился к Эмми театральным шепотом:

— На самом деле, миссис Тиббет, мой вес...

— Не говорите, прошу вас, — перебила она, — я могу случайно выдать, если мне будет известно.

— Я лишь хотел сказать, — с достоинством произнес викарий, — что вешу меньше четырнадцати стоунов. — Он вздохнул, осмотрел свой уютно округлый силуэт и добавил: — Летом я играю в крикет. Боюсь, что недостаточно.

— В основном люди называют около тринадцати стоунов, — сказала Эмми утешительным тоном.

— Средняя оценка — тринадцать стоунов десять фунтов, — сказал викарий, обладающий острым слухом. — Я устно высчитал. Дело, боюсь, в этом костюме. Его сшили несколько лет назад, я тогда поплотнее был. Он и создает, э-э... превратное впечатление. — Викарий засмеялся несколько смущенно. — Никогда не судите о книге по обложке.

В этот момент появилась Изобель Томпсон.

— Перерыв на чай, — сказала она радостно, обращаясь к Эмми.

— Изобель, но я...

— Не спорить, — возразила подруга. — Вайолет взяла на себя «хлам», а я подменю тебя на полчаса. Тебе полагается чай. Я бы на твоём месте поторопилась, — добавила она.

И правда, дождь начался снова, крупными плюхающимися каплями. Эмми с благодарностью сказала:

— Спасибо. Если так, то я быстро.

— Я думаю, — сказал викарий жалобно, — что мне надо надеть макинтош.

— Это будет крайне несправедливо, мистер Дишфорт, — сказала Изобель дружелюбно, но твердо. — Все, кто делают ставки, должны иметь возможность хорошо вас разглядеть.

— Получается, будто я уродец в ярмарочном балагане, миссис Томпсон.

— Уродец или нет, но вы точно в ярмарочном балагане, — ответила Изобель. — И подумайте о церковной крыше.

— Вашему мужу вряд ли понравится, если я умру от простуды.

— Я не против подержать над вами зонтик, но плащ надевать не следует. Так сказала миссис Мансайпл.

— Ну, знаете ли! Миссис Мансайпл не может распоряжаться...

Эмми оставила спорящих и пробралась под навес, где были напитки и закуски.

Глотая горячий чай и заедая чудесным пирогом миссис Роджерс, она вдруг вспомнила слова викария — и тут ее осенило. Она огляделась в поисках Фрэнка Мейсона, но его нигде не было. Эмми выглянула из-под тента: лило пуще прежнего, а ей не хотелось тратить свои драгоценные полчаса на беготню под дождем. Тут она увидела Мод и окликнула ее.

— Здравствуйте, миссис Тиббет, — сказала девушка. Она была в резиновых сапогах, блестящем пластиковом плаще и зюйдвестке и выглядела так, будто никакой силы дождь не сможет ее запугать. — Чем могу помочь?

— Вы не видели Фрэнка Мейсона?

— Да, но не сейчас. Он вам нужен?

— Ничего конкретного. Но если увидите его, скажите, что книга, наверное, там, где «счастливый нырок».

— Вы про ту книгу, которую он по ошибке принес с хламом?

— Да, про нее. Он мне сказал во время ленча, что она завернута в коричневую бумагу. А ваша мама несколько раз повторила: все, что для «нырка», должно быть обернуто, а хлам — нет.

Мод состроила гримасу.

— Скучная тогда надежда — найти ее, — сказала она. — Ну, все равно, увижу его — скажу.

— Спасибо, — ответила Эмми и вернулась в сухую теплую палатку с приятным чувством выполненного долга. Было четыре часа дня.

Куайт начал проявлять определенный энтузиазм. Он собрал несколько папок и бумаг у себя на столе и оставил сигарету догорать в пепельнице, пока изучал их. Он сказал Генри:

— Тут может быть кое-что для вас, Тиббет.

— Я долго сомневался, — ответил Тиббет. — Просто не мог в это поверить.

— В нашем департаменте умеют верить всему, — сказал Куайт с мрачной гордостью. — Вспомните дело Лонсдейла. Легенда, тщательно созданная за двадцать лет в нескольких странах...

— Я об этом подумал, — сказал Генри. — Но этот мальчик так молод...

Куайт постучал по машинописному листу, только что выложенному на стол.

— Мачеха отца, — сказал он. — Магда Мэннинг-Ричардс, урожденная Борти. Венгерка. Приехала в Лондон танцовщицей кабаре более пятидесяти лет назад. Познакомилась с Хэмфри Мэннинг-Ричардсом, который в те времена был комиссаром в Буголаленде, и вышла за него замуж. Поехала туда с ним и была враждебно принята британской общиной. После смерти мужа и женитьбы пасынка Тони вернулась в Венгрию, где стала активной революционеркой. При ее знании Буголаленда естественным образом вошла в контакт с наиболее радикальными левыми элементами страны до дней Независимости. Двадцать лет назад Тони Мэннинг-Ричардс погиб в автомобильной катастрофе в Буголаленде вместе с женой и пятилетним сыном. Через десять лет после этого Магда появилась в Алимумбе — городе, где жила поначалу с мужем, в западном Буголаленде. Естественно, она не рискнула появиться на востоке, где Тони и его семью хорошо знали — потому что с ней был пятнадцатилетний мальчишка, которого она представляла как своего внука-сироту.

— Кто же он? — спросил Генри. Ему стало слегка не по себе при мысли о Мод.

Куайт пожал плечами:

— Ваши догадки вряд ли отличаются от моих, старина. Почти наверняка венгр — подлинный родственник Магды. Дитя революции. Это точно. И тщательно подготовлен к

работе тайного агента. Ультраконсервативное, убежденное колониалистское происхождение сделано очень грамотно.

— Он... — Тиббет понимал, что хватается за соломинку. — Он... знает, кто он такой?

— Я бы сказал, — ответил Куайт, — он знает, кем не является, то есть Джулианом Мэннинг-Ричардсом. Его встреча с Мод Мансайпл не случайна, как и их помолвка. У него инструкции — получить работу в Бредвуде. Подумайте сами. — Он откинулся на спинку кресла и сказал почти восхищенно: — Внедрить туда агента. Личным помощником сэра Клода и мужем его племянницы, работающей там же физиком. Доступ к любым секретным документам лаборатории, и такое глубокое внедрение, что потребуется Королевская комиссия, прежде чем кто-нибудь посмеет на него указать. Вот чего я не понимаю — это как вы его вычислили.

— Тетя Дора, — ответил Генри.

— Тетя Дора?

— Мисс Дора Мансайпл, которая умерла на прошлой неделе... она хорошо знала Хэмфри Мэннинг-Ричардса. И она не узнала Джулиана.

— А причины, по которым должна была узнать?

— Она поняла, что это не он, — сказал Тиббет. Куайт поднял брови. — Он не вписывался. Мисс Мансайпл не то что не узнала его, она анти-узнала, если вы меня понимаете.

— Нет, не понимаю, — ответил Куайт.

— А потом про персики, — продолжал Генри.

— Про персики?

— Слишком сложно, чтобы объяснить, — ответил инспектор. — Но на основании некоторых его фраз я удостоверился, что его детские воспоминания о Буголаленде очень туманны, мягко говоря. И все же было очевидно, что он там жил. А потом до меня дошло: он знает западный Буголаленд, где очень жарко и влажно, но ему немного известно про восточный Буголаленд — где как раз должен был родиться и вырасти истинный Джулиан, где климат совсем иной.

— И вы все это поняли по одному замечанию о персиках?

Генри пожал плечами:

— Назовите это обычной догадкой. Причем, боюсь, правильной.

— Бойтесь?

— Ну, он такой обаятельный юноша, — объяснил Тиббет.

Куайт не затруднил себя ответом, он уже с леденящей деловитостью инструктировал кого-то по телефону.

Глава 16

В пять часов вечера Эмми вышла из чайной палатки, направляясь опять на свой пост. Каким-то чудом тучи рассеялись, и выглянуло нетеплое солнце, посылая прощальные лучи.

В этом неожиданно ярком свете Праздник выглядел грязным и растрепанным. Заходящее солнце позолотило немногие неприглядные предметы, еще оставшиеся на столе с хламом. От призов для метателей колец остались последние елочные хлопушки и брошки, стол с вареньями и джемами был очищен полностью, остались только доски на козлах, частично накрытые перемазанной вареньями простыней. Со стрельбища доносились редкие хлопки, свидетельствующие, что этот бизнес еще жив. Школьники, чисто вымытые и приглаженные в начале Праздника, бродили теперь стайками, усталые и перемазанные, жевали или сосали какую-нибудь сладость, и у некоторых был такой вид, словно им уже нехорошо.

В общем, день предсказуемо шел к концу, и Эмми поспешно двинулась через лужайку к своему столу. Тайна веса викария должна была открыться с минуты на минуту, наряду с выигравшими лотерейными билетами и наилучшим результатом со стрельбища. Потом из дома еще раз появится леди Феншир, назовет победителей и раздаст призы. И жители деревни наконец смогут разойтись по своим домам, нагруженные впечатлениями для пересудов на многие вечера.

Не предчувствуя ничего дурного, Эмми шагала по мокрой траве и нисколько не встревожилась, когда увидела, как миссис Мансайпл с озабоченным видом возникла возле небольшой толпы, собравшейся вокруг «счастливого нырка».

— Ох, миссис Тиббет! — начала Вайолет.

— Да, миссис Мансайпл? — вежливо спросила Эмми.

— Молодой Мейсон, — сказала Вайолет, — говорит, что вы подарили ему эту идею.

— Какую? — спросила слегка встревоженная миссис Тиббет.

Из середины собравшейся группы возвысился голос сэра Клод с несколько насмешливым акцентом:

— Мистер Мейсон, я действительно должен...

— Давайте, берите! — кричал Фрэнк. — Берите и все! Нет такого закона, чтобы нельзя было! Берите, говорю!

Еще кто-то из группы вступил в спор на повышенных тонах, и Вайолет Мансайпл сказала:

— Миссис Тиббет, пожалуйста, попробуйте вы. Может быть, он вас послушает.

Эмми неохотно протолкнулась к бочке с отрубями.

Сэр Клод и Фрэнк Мейсон стояли друг к другу лицом, разделенные только бочкой. Сэр Клод был вне себя — насколько это возможно для выдающегося ученого-атомщика, а Фрэнк Мейсон демонстрировал поведение не вполне нормального человека.

Его рыжие волосы встали дыбом, угловатое лицо побелело от гнева и наплыва чувств. Он тыкал в воздух пятифунтовой банкнотой и, пока Эмми подходила, еще раз рывкнул:

— Берите!

Вокруг этой странной пары стояли несколько жителей Крегуэлла и смотрели с той непроницаемой пассивностью, которая окутывает англичанина как плащ-невидимка, когда они хотят наблюдать какие-то события без личных для себя последствий. Однако Эмми находилась в ином положении: она позволила себе быть втянутой в происходящее.

Фрэнк Мейсон ее заметил и тут же перенес свое внимание:

— Миссис Тиббет, это же была ваша идея! Теперь растолкуйте ему...

— Какая идея? — спросила Эмми.

— Что моя книга здесь, в бочке «счастливого нырка».

— Миссис Тиббет! — с некоторым отчаянием произнес сэр Клод. — Прошу вас, урезоньте этого молодого человека. Я распоряжаюсь этим аттракционом, и...

— Берите! — заорал Фрэнк, пытаясь всунуть пять фунтов в карман сэра Клода.

— Он желает, — сказал сэр Клод, обращаясь к Эмми, — купить все содержимое бочки. Пять фунтов по шесть пенсов за раз дадут ему две сотни погружений, а в бочке уже не может оставаться больше двадцати предметов. И в любом случае у каждого должно быть право на попытку...

— Вы говорили, что книгу никто не вынул! — крикнул Фрэнк.

— Никто, пока я был при этой бочке, — с достоинством ответил сэр Клод. — Однако у меня был перерыв, когда меня подменяла Мод, и...

— Да ну вас всех к черту!

Фрэнк Мейсон дошел до предела. Швырнув банкноту в лицо сэра Клода, он перевернул бочку.

Отруби взлетели, образовав облако. Под защитой этой дымовой завесы некоторые заплотировали, другие возмущенно завопили. Сэр Клод издал рев озадаченного интеллектуала, а Вайолет воскликнула со стоном:

— О боже, боже мой! Я знала, обязательно что-нибудь случится!

— Позовите Мод! — настоятельно сказала ей Эмми.

— Кого?

— Мод. Она с ним разберется.

Фрэнк Мейсон, рухнувший на землю вместе с бочкой, восстал, похожий на каравай из печи. Одежда и лицо его побелели от отрубей, а волосы казались подрумяненной корочкой. В руках он держал прямоугольный пакет, обернутый в бумагу.

— Вот она! — крикнул он.

Несколько человек поддерживали его радостными возгласами. Фрэнк содрал бумагу — внутри была мозаичная головоломка. С яростным воплем молодой человек швырнул ее в сэра Клода.

— Ее здесь нет! Кто-то взял!

— Что «кто-то взял»? — спросила девушка, проталкиваясь в круг.

— Мою книгу!

— Так это была ваша книга? — спросила Мод с веселым интересом.

Фрэнк ошетинился на нее сквозь отрубевую маску, невероятным усилием воли сдержался и ответил:

— Да.

— Я тут подменяла дядю Клода, — сказала Мод, — и к бочке пришел Альфред из «Викинга». Он книгу и вытащил. Кажется, был слегка недоволен.

— Недоволен? Конечно, недоволен! — Тонкий возмущенный голос Альфреда раздался с краю толпы. — Ничего себе везение! Вся какими-то иностранными буквами.

— А чего ты хотел за шесть-то пенсов, Альфред? — спросил какой-то местный остряк. — Джеймса Бонда?

— Что вы с ней сделали? — вскричал Фрэнк.

— А что было делать? Сдал ее в хлам.

— В хлам!

Мейсон нырнул в толпу.

— Фрэнк! — крикнула Мод и бросилась за ним.

— Этот молодой человек не в своем уме, — заметил сэр Клод, но бросился следом, стряхивая с пиджака кусочки мозаики. Вайолет схватила Эмми за руку и вскрикнула:

— Остановите его, миссис Тиббет! Леди Феншир сейчас выйдет!

И они обе тоже бросились в погоню. Вряд ли необходимо добавлять, что вся толпа устремилась следом.

Изобель Томпсон была захвачена врасплох. Хлам — или его остатки — располагался в конце лужайки, и так как его было мало, Изобель не слишком серьезно относилась к своим обязанностям киоскера. Поэтому когда налетела толпа, она спокойно курила сигарету и болтала с мужем, который присутствовал на Празднике в профессиональном качестве.

Первый за весь день момент сравнительного покоя четы Томпсонов был начисто разрушен охотничьим кличем Фрэнка: «Где она? Где она?» — и последовавшим за этим бедламом. Стол был перевернут, оставшиеся шляпки с перьями и декоративная керамика разлетелись во все стороны, Изобель вопила, ее муж ругался, а Вайолет Мансайпл разразилась слезами.

В этом смятении ясно и хладнокровно прозвучал голос Мод:

— Ее здесь нет, Фрэнк. Вы сами видите.

— Да в чем дело? Что вам всем нужно?

Голос миссис Томпсон от испуга и эмоций перешел на визг.

— Альфред принес вам книгу для продажи... — начала Мод.

Лицо Изобель слегка прояснилось:

— Да, принес. Он добыл ее в «нырке» и сказал, что ничего в ней не смыслит, попросил, чтобы я добавила ее в хлам...

— Она вся по-иностранному, — вставил Альфред из-за спин любопытствующих.

— Что с ней случилось? — спросил Фрэнк настойчиво. По лицу его струился пот, оставляя в отрубях борозды.

— Ее купила леди Мансайпл, — сказала Изобель.

— Тетя Рамона? — удивилась Мод.

— Да, она. Сказала, что это семейная книга. У нее был перерыв на чай. А потом она унесла ее к себе, в шатер «Предсказания судьбы».

На секунду все затаили дыхание, головы повернулись в сторону шаткой конструкции, украшенной звездами из золоченой бумаги и зодиакальными символами. И толпа устремилась туда.

Рамона внутри палатки раскинула колоду засаленных карт и с серьезным видом всматривалась в перевернутый сферический аквариум. Любопытно, подумала она про себя, что карты и аквариум все чаще вызывали у нее в уме какие-то образы. Чисто субъективные, конечно. Миссис Мансайпл размышляла, может ли она себе что-нибудь воображать в результате чувства вины — угрызений совести по поводу измены своим убеждениям, ведь она поддержала столь варварское и устаревшее предприятие — Фонд восстановления церковной крыши.

— Любил Природу я, и вслед за ней — Искусство, — пробормотала Рамона, будто заклинание.

— Чего? — спросила клиентка — пухлая и миловидная дочь фермера по имени Лили.

Рамона собралась:

— Вижу... — начала она — и остановилась.

Обычная болтовня про молодого красавца и скорой дороги не клеилась — эти слова застряли у нее в горле. Миссис Мансайпл вдруг показалось, что все стало у нее перед глазами темным, как кровь. И только месмерическая поверхность сияющего шара засияла ярче, приковывая внимание, и в этом переливающемся свете появилось лицо. Рамона услышала собственный голос:

— Темно... темно... темное и светлое... тьма и свет... он несет тьму... в свете содержится тьма... люди... много людей...

— Чего? — снова спросила Лили.

Люди поговаривали, что леди Мансайпл малость сумасшедшая, и Лили начинала думать, что это даже преуменьшение.

— Зло... — простонала Рамона. — Оно близится... темнота... люди... люди идут...

— Я слышу какой-то странный шум, вот теперь, когда вы сказали, — сообщила Лили, — будто люди бегут.

— Беги! — Предсказательница вскочила, взгляд ее был какой-то дикий. — Беги от зла! Беги от...

Больше она не сказала ничего. Ни у нее, ни у посетительницы не было времени последовать этому разумному совету, потому что толпа налетела на них. У палатки, конечно, шансов устоять тоже не было. Влетевший Фрэнк Мейсон запутался в пологе и сорвал его с каркаса, Вайолет зацепилась ногой за растяжку, кол вылетел — и вся конструкция с некоторым театральным изяществом рухнула. Спустилась предсказанная Рамоной тьма.

На избавление палатки от ее людей потребовалось заметное время. Лили, сразу и не без оснований заключившая, что настал конец света, билась в истерике где-то под складками парусины. В хаос и разрушение внес свой вклад Мейсон, действовавший как целеустремленный носорог. Растяжка свалила Вайолет на что-то вроде уютной подушки, накрытой парусиной. На самом деле это была Рамона.

Сэр Клод громко звал жену. Он отбросил все заботы о разумном и предсказуемом поведении и был полон единственной мыслью — выбраться с Праздника живым. Толпа разрослась, поглотив практически всех, кто находился в этот момент на территории Крегуэлл-Грейнджа. Лишь немногие избранные, участвовавшие с самого начала, имели хоть какое-то смутное представление, что тут вообще происходит. Слухи разрослись невероятно: ловят опасного преступника, молодой мистер Мейсон свихнулся и напал на сэра Клода, где-

то пожар, это все устроили коммунисты, кого-то застрелили, что подтверждали доносившиеся со стрельбища выстрелы. Миссис Роджерс слезно молила викария вмешаться, и преподобный Герберт Дишфорт выдвинулся вперед — всеми своими тринадцатью стоунами, восемь фунтами и шестью унциями, — дабы принять участие в прискорбной неразберихе.

— Э-э... что-то случилось, миссис Мансайпл? — осведомился он.

— Где Рамона? — орал сэр Клод.

— Ох, викарий! — горестно начала Вайолет.

— Кто-то, — произнес низкий и ясный голос из-под нее, — на мне сидит.

Вайолет вскочила как ужаленная.

— Рамона! — взревел сэр Клод. — Отвечай!

— Вытащите меня из этой чертовой палатки! — вопил Фрэнк.

— Спасите! — визжала Лили.

— Вайолет, немедленно достань оттуда мою жену!

— Это еще кто? — донесся приглушенный рев Фрэнка.

— Уберите от меня руки! — ответил ему визг фермерской дочери.

Палатка задергалась, будто в судорогах, и в результате на свет явилась леди Мансайпл. Волосы у нее были спутаны, платье порвано, одну серьгу она потеряла, но выглядела на удивление спокойной. Поднявшись на ноги с помощью мужа, она сказала:

— Дорогой, я сейчас испытала совершенно необычайное переживание.

— Я вижу, — ответил сэр Клод мрачным голосом. — А вы, юный Мейсон, вылезайте оттуда, я хочу сказать вам пару слов.

Палатка снова задергалась, из-под нее послышалось хихиканье Лили:

— Да что это вы делаете?

Видимо, она быстро пересмотрела свою оценку ситуации и решила, что конец света на какое-то время откладывается. Все, что она услышала от Фрэнка Мейсона (может быть, к счастью), состояло из слов:

— С дороги, ты, черт поб...

Остальное было неразборчиво.

— Духовное переживание, Клод, — спокойно сказала Рамона. — В свете его мне придется полностью пересмотреть свое отношение к паранормальным явлениям. Как жаль, что тети Доры нет с нами.

Мейсон вылетел из-под разрушенной палатки как пробка из бутылки шампанского. Пережитое никак не улучшило его внешнего вида. С отрубями смешалось некоторое количество земли, и к различным местам его тела прилипли каббалистические знаки. Обращаясь к Рамоне, он сказал:

— Где моя книга?

— Ваша — что, мистер Мейсон?

— Моя книга! Книга! Та, что вы купили на столе с хламом. В кожаном переплете...

— А, книга из библиотеки Мансайплов? Это не ваша книга, мистер Мейсон. — Голос Рамоны звучал абсолютно спокойно.

— Еще как моя. Она из библиотеки моего отца. Он ее купил, и книга принадлежала ему. Теперь она принадлежит мне, и я хочу ее получить!

— Это я ее купила, — вежливо поправила его Рамона. — На столе с хламом.

— Она там не должна была оказаться. Произошло недоразумение...

— В любом случае, — продолжала леди Мансайпл, — ее у меня больше нет.

— То есть как это — «больше нет»?

— Она у Джулиана. Он пришел ко мне в шатер, увидел книгу и унес с собой. Не знаю, что его там заинтересовало.

Мейсон издал яростный рык.

— Ну, дайте мне до него добраться! Где он?

Будто в ответ, со стрельбища прозвучал выстрел, и викарий сказал:

— Я видел, как не очень давно мистер Мэннинг-Ричардс проследовал в сторону стрельбища.

Снова настала секунда тишины, принюхивание, взятие следа — и все головы охотников обернулись к изгороди.

И толпа ринулась по следу.

Вместе с Генри в машине сидели несколько людей Куайта, и все они выглядели сурово и мрачно. Тиббет с несчастным видом сидел на месте водителя, желая оказаться за много миль отсюда.

Он сказал:

— Там сейчас идет деревенский праздник, как я вам уже говорил. Думаю, что мы сможем проникнуть туда, не привлекая особого внимания. — Люди Куайта сохраняли спокойствие. — Я был бы вам благодарен, — сказал инспектор, — если бы вы смогли все это сделать как можно тише, без лишнего шума. Мансайплам и без того придется несладко, даже если...

И снова молчание. Наконец Куайт сказал:

— Девушку придется тщательно допросить. Вы это понимаете, Тиббет?

— Конечно. Но я уверен...

— Мы будем уверены тогда, когда будем уверены.

И снова молчание. Потом Генри сказал:

— Я думаю, о его контактном лице в советском посольстве мы никогда не узнаем.

Куайт почти улыбнулся:

— Я мог бы назвать вам его имя, — сказал он. — Но доказать, конечно, мы никогда не сможем. — Он помолчал и добавил: — Этот Мэннинг-Ричардс известен у ювелиров, потому что продавал им украшения, которыми ему платили — очень изобретательно. Это было умно с вашей стороны — подумать, что там надо копнуть.

— Когда я услышал, что он поехал покупать кольцо только после ленча в субботу, — ответил Генри, — до меня дошло: утром он находился в Лондоне где-то в другом месте, а ювелир был лишь поводом оправдать поездку в столицу. Думаю, он встревожился из-за смерти Мейсона и хотел получить инструкции.

— Не сомневаюсь, — сказал Куайт. — И опять же, мы никогда не установим, где он был в субботу утром. И это совершенно не важно. У него в квартире было достаточно... — Куайт закурил сигарету. — Отличные изобретения — эти микрофотоаппараты для копирования документов и радиопередатчики в футляре для фотоаппарата. Да, у нас достаточно материала, чтобы убрать его очень надолго. — Он вздохнул. — Но невозможно им не посочувствовать. Годы подготовки — и сейчас мы забираем его раньше, чем он вообще смог начать действовать. Огромный труд — и все зря.

— Да, — сказал Генри. — Трудно не посочувствовать.

Он думал о Мод.

На дорожке перед Крегуэлл-Грейнджем стояли машины, но сад был на удивление пуст. Инспектор, за которым следовала команда людей Куайта, прошел по опустевшему газону, похожему на пейзаж после битвы. Запутанная рваная парусина и переплетенные веревки указывали на место, где стояла палатка предсказательницы. Бочка с отрубями лежала на боку пустая, ее содержимое рассыпалось по клумбе роз. Прилавок с хламом был перевернут, разбитые чашки и стаканы молча свидетельствовали о разгроме в палатке с закусками. И ни души.

Люди Куайта удивленно посмотрели на Тиббета. Инспектор сказал раздраженно:

— Ну, я тоже не знаю, что здесь случилось. Могло быть все, что угодно. Вы Мансайплов не знаете.

— Похоже, что Праздник окончен в любом случае, — сказал Куайт. — Может быть, и наша птичка упорхнула.

Именно в этот момент слева из палатки с закусками вышла очень грязная маленькая девочка. Она была бледна и сказала Генри:

— По-моему, меня сейчас стошнит.

Тиббет присел перед ней.

— А где все? — спросил он.

— В палатке никого не было, — доверительно сообщило дитя. — Я съела пять мороженных, три пирожка, немножко маршмэллоу и джем, а сейчас меня...

Так оно и получилось.

Генри подержал ей голову, вытер рот, успокоил. Люди Куайта стояли и смотрели, улыбаясь. Инспектор спросил:

— Сейчас тебе лучше?

— Да, спасибо, — радостно ответила девочка. — Пойдемте посмотрим, не осталось ли еще пирожков?

— Я бы хотел узнать, куда все подевались.

Девочка неопределенно показала рукой:

— Они пошли в ту сторону.

— На стрельбище, — уточнил Генри.

— Я тоже так думаю, — серьезно сказала девочка. Люди Куайта подтянулись. — А там еще целая коробка маршмэллоу была. Пойдем посмотрим?

— Не сейчас, — ответил инспектор. Он встал и сказал сопровождающим: — Нам сюда.

Джордж Мансайпл как раз передал Джулиану заряженный пистолет, когда толпа прорвалась сквозь изгородь. Джулиан тщательно целился в круглый узор мишени, стоявшей у стены нижнего конца стрельбища. Эдвин сидел на скамейке, мирно раскладывая простреленные мишени. Рядом с ним в лучах бледного солнца лежал том «Илиады» в кожаном переплете с гербом Мансайплов.

Увидев все это, Фрэнк Мейсон крикнул:

— Здесь!

Джулиан с пистолетом в руке резко обернулся.

— Что это все... — начал он.

— Вам это с рук не сойдет! — заявил Фрэнк. — Я про вас все знаю, мистер Мэннинг-Ричардс! И знаю, что вы задумали.

Он шагнул вперед.

— Стоять на месте! — Голос Джулиана ударил словно плеть. Фрэнк остановился. Толпа напирала, стараясь влезть в просвет изгороди. А Джулиан ласково и нежно сказал: — Мод, милая, ты не могла бы подойти на минуточку?

— Мод!

Эмми попыталась поймать ее за рукав, но опоздала. Мод с радостной улыбкой протиснулась мимо Фрэнка и подошла к Джулиану.

— Что такое, милый?

В долю секунды дуло оказалось возле виска девушки. Она посмотрела слегка удивленно, улыбнулась.

— Если кто-нибудь двинется, — сказал Джулиан, — я застрелю мисс Мансайпл.

— Джулиан... — начала Мод, будто это все была шутка.

— Заткнись, сучка, — перебил Джулиан. — Встань передо мной.

Мод без всякого выражения на лице встала перед ним — между Мэннинг-Ричардсом и замолкшей толпой. Джулиан начал медленно отступать назад, к щели в дальней изгороди. По дороге он свободной рукой ухватил книгу. С каждым шагом назад Мод двигалась вместе с ним, при этом пистолет был нацелен ей в голову: все время девушка находилась между Джулианом и Фрэнком.

Среди этой мертвой тишины молодые люди отступали назад, шаг за шагом приближаясь к Тиббету и людям Куайта. Джулиан всего на долю секунды опоздал заметить эту опасность, и Генри успел ударить его по руке, так что выстрел никому не принес вреда.

И тут, будто по сигналу стартового пистолета, толпа людей сорвалась с места. Она продолжала бушевать, когда в сад вышли, ни о чем не подозревающие лорд и леди Феншир и сэр Джон Адамсон, источая благожелательность, подогретые напитками и вполне готовые раздавать призы. Последнего делать не пришлось. Толпа стремительно пронеслась по лужайкам, к подъездной дорожке и наконец — в «Викинг», где каждому было что рассказать соседу.

Джулиан Мэннинг-Ричардс — его арестовали под этим именем, поскольку настоящее установить не удалось, — сидел в тюрьме по обвинению в шпионаже. Семья Мансайпл укрылась в родовом доме — переживать потрясение в гордой изоляции. Фрэнк Мейсон находился в Крегуэлл-Лодже, шумно понося истеблишмент, в который, очевидно, был включен весь мир, кроме самого Мейсона и мисс Мансайпл. Мод находилась в полицейском участке Крегуэлла и сидела за чистым столом напротив главного инспектора Тиббета.

— Вы его встретили в Париже, — говорил Генри, — а потом в Лондоне. У вас не было никаких причин подозревать, что он не тот, за кого...

— Вы, кажется, в этом совершенно уверены, — перебила Мод.

Инспектор посмотрел на нее.

— Вы бы никогда, — проговорил он, — даже не допустили мысли помогать шпиону проникнуть в Бредвуд?

— Да, — ответила девушка. — Не допустила бы.

— Что касается мисс Доры Мансайпл — вердикт, я думаю, будет таким: «смерть в результате несчастного случая». Никто никогда не сможет точно установить, кто дал ей снотворное, или доказать, что не она сама приняла его по ошибке. Тем не менее я должен вам сказать, мисс Мансайпл, что уверен: это сделал Мэннинг-Ричардс. Именно он подал ей первый стакан лимонада и она, если помните, сделала замечание о его вкусе.

— Я помню, — ответила Мод.

— Причина, конечно, в том, что для него тетя Дора представляла опасность, и он это осознавал. Память и интуиция подсказали ей, что Мэннинг-Ричардс самозванец. Она даже могла знать, что в свое время настоящий Джулиан погиб в раннем детстве. Как бы там ни было, она потрудились и нашла для меня ту газетную вырезку.

Наступило молчание.

— Я понимаю, что вываливаю все это на вас очень резко, — вновь заговорил Генри, — но ведь для вашей же пользы. Когда вы осознаете, что он был расчетлив и циничен, мог вам лгать, обманывать и даже убить, — вы знаете, что Джулиан бы не поколебался...

— Я это знаю, — ответила Мод.

— Вы очень разумная девушка, — сказал Тиббет. — Для вас это страшное потрясение, но вы молоды и справитесь. Если сейчас осмыслите факты, то поймете, что эта рана заживет со временем.

— Со временем, — повторила она без всякого выражения.

— Да, именно так, — подтвердил Генри. — Со временем.

— Я не поняла, что это за история с книгой, — сказала Мод.

Глава 17

— Я не понял, что это за история с книгой, — сказал сэр Клод.

— С какой книгой? — спросил епископ. — Да, Вайолет, спасибо, еще чашку кофе выпью с удовольствием. Что-то Мод сегодня поздно.

— Мод сейчас в полиции, Эдвин, — сказал Джордж Мансайпл.

Он очень устал. Было девять часов вечера, и он еще не до конца переварил дневные

события.

— В полиции? Почему?

— Из-за Джулиана, — объяснила Рамона. — Ее молодого человека. Оказалось, что он русский.

— Русский? Но он же внук Хэмфри Мэннинг-Ричардса!

— Нет, не внук, Эдвин, — терпеливо пояснила Вайолет. — Он только им притворился. Епископ вздохнул.

— Мне всего этого не понять, — сказал он. — А почему этот юноша, Мейсон, устроил сегодня такой переполох? У него все лицо было в отрубях.

— Это из-за книги, Эдвин, — сказала Вайолет.

— Какой книги?

— Какая-то книга из библиотеки Директора, — вмешался Джордж. — Все это очень загадочно.

— Я не понимаю этой истории с книгой, — повторил сэр Клод.

— А вообще где она? — спросила Рамона.

— Не знаю, — раздраженно ответил Джордж. — Ее забрал Тиббет. Вот с прошлой недели одни только неприятности и беспокойства. Будь я проклят, Вайолет, если на следующий год отдам свой сад под этот Праздник, раз на нем такое происходит.

— Ну, Джордж, перестань! Не Праздник же виноват, что...

— Мэннинг-Ричардс — не русская фамилия, — сообщил епископ. — А если Тиббет думает иначе, это лишь показывает его невежество.

— Согласна, все это очень запутанно, — сказала Рамона. — И я не верю, что он по-настоящему пытался собирать гербарий.

— Милая, Джулиан никогда не собирал гербарий, — возразил сэр Клод. — Давай не будем приписывать человеку то, чего он не делал.

— Не Джулиан, Клод, — ответила Вайолет. — Инспектор Тиббет.

— Тиббет — тоже не русская фамилия, — сказал епископ, и разговор вдруг затих. Тут вошел Генри вместе с мисс Мансайпл.

— А, Мод, вот и ты, — отреагировал Эдвин. — Я для тебя сохранил вот это, сам еще не смотрел.

Он протянул последний номер «Таймс», аккуратно сложенный кроссвордом наружу.

От подобного жеста железная броня девушки дала трещину, слезы выступили быстрее, чем она смогла их сдержать, и голос дрогнул, когда Мод сказала:

— Спасибо, дядя Эдвин.

Схватив газету, она выбежала из комнаты.

Епископ неподдельно удивился:

— Что с ней такое?

Рамона мягко ему объяснила:

— Эдвин, дело в том, что Джулиан оказался русским. Мод не могла не расстроиться.

— Джулиан? Кажется, Клод говорил, что это Тиббет...

— Бедняжка Мод, — сказала Вайолет. — Наверное, стоит мне к ней пойти...

— Я бы не стал на вашем месте, миссис Мансайпл, — возразил Генри. — Мне кажется, ей нужно побыть одной.

— Ах, инспектор Тиббет... боюсь, что у нас тут некоторый беспорядок... позвольте я вам налью кофе. Может быть, вы слышали о случившемся днем...

— Да, — ответил Генри. — Кое-что из этого слышал. Я привез вам книгу.

— Книгу? Какую книгу? Ту самую?

Клод надел свои очки без оправы и внимательно посмотрел на инспектора.

— Да, — ответил Тиббет. — Книгу, принадлежавшую вашему покойному отцу, Огастесу Мансайплу. Один из томов «Илиады» Гомера.

— Но это не наша книга, инспектор, — сказал Джордж Мансайпл.

— Не ваша?

— Нет. Я ее узнал. Это одна из книг библиотеки Директора, которые я продал некоторое время назад Реймонду Мейсону. Сейчас она принадлежит его сыну, Фрэнку.

Генри улыбнулся:

— Юридически это совершенно верно, — сказал он. — Однако, можно считать, что она принадлежит леди Мансайпл, купившей ее за шесть пенсов на развале хлама. Это ведь так? — обратился он к Рамоне.

— Совершенно верно, мистер Тиббет. Я объяснила этому молодому человеку...

— А что, ради всего святого, она делала на развале? — спросил Джордж.

— Ее туда пожертвовал Альфред из «Викинга». Он вытащил ее из бочки «счастливый нырок», и, не будучи специалистом по греческому...

— Инспектор, не будьте занудой, — попросила Вайолет. — Давайте к фактам. Как она попала в бочку?

— А, кажется, я начинаю понимать, — сказала Рамона. — Фрэнк Мейсон принес ее сюда по ошибке...

— Нет, — перебил Генри.

— Но, мистер Тиббет, он мне сказал...

— Это не была ошибка, — снова не дослушал инспектор. — Он ее принес, чтобы здесь спрятать — и место было очень хорошее. Потом хотел тихо забрать книгу, но она из-за коричневой обертки попала в бочку, и он не мог ее найти.

— Спрятать от кого?

— От меня.

— Я не понял, — в четвертый раз сказал сэр Клод.

— Сейчас объясню, — пообещал Генри. — Для этого я и приехал. Фрэнк Мейсон искал эту книгу все время после смерти отца.

— Но зачем вообще ему было... — начал Джордж.

— Вот это и есть самое смешное, — ответил Тиббет. — Он понятия не имел, чем эта книга так ценна. Фрэнк просто знал, что она ценная, потому что так сказал ему отец. А потом он обнаружил, что я тоже ее ищу. Поэтому, обнаружив книгу, решил ее от меня спрятать.

— Я думал, инспектор, — многозначительно произнес епископ, — что вы собирались объяснить.

— Я это и делаю, — ответил Генри.

— Ну, ладно, так где же, прежде всего, юный Мейсон нашел книгу?

— В офисе своего отца в Лондоне. В личном шкафу старшего Мейсона. Самое досадное, что я осмотрел этот шкаф еще до Мейсона-младшего и книгу не заметил. Мейсон на нее надел кричащую порнографическую обложку.

Эдвин был шокирован:

— На Гомера? Директору бы это не понравилось.

— Уверен, что не понравилось бы, — согласился инспектор. — В общем, Фрэнк Мейсон ее нашел и привез обратно в Крегуэлл-Лодж. Вскоре после этого я туда зашел. Когда он увидел, что я иду к дому, то поспешно снял с книги суперобложку и надел ее на другую книгу. И прежде, чем мне представилась возможность обыскать дом, Мейсон завернул книгу в коричневую бумагу и привез сюда с собственным хламом.

— Все это очень хорошо, — сказал сэр Клод, — но когда вы намерены перейти к сути? Что такого особенного в этой книге и как вы вообще об этом узнали?

— Я как раз к этому подхожу, — ответил Генри. — В ежедневнике Реймонда Мейсона я нашел запись, которая меня озадачила. Это был регистрационный номер его машины.

— Какая-то совершеннейшая чушь, — отреагировал Эдвин, сердито глядя на Тиббета, и добавил, понизив голос и обращаясь к Клоду: — Я же тебе говорил, что он слегка не в себе.

— Номер машины Мейсона был РМ1 — что вполне обычно. Но в ежедневнике он записал номер КН6С83. Было очевидно, что это номер не машины, а какой-то другой, который он желает запомнить. Нетрудно было заключить, что это означает: Книга Шесть Страница Восемьдесят Три. А потом я прочел хранившуюся у тети Доры копию письма

старого доктора Томпсона к майору Мансайплу.

— Лучше бы позвонить молодому доктору Томпсону, — вполне слышно сказал епископ Клоду. — У парня совсем с головой беда.

— Из этого письма, написанного сразу после смерти старшего мистера Мансайпла, было ясно, что мистер Мансайпл на смертном одре очень старался довести до доктора Томпсона какую-то информацию, чтобы тот передал ее его сыну Джорджу. Я не мог поверить, что он просто велит не продавать дом — это в семье само собой разумелось и было упомянуто в завещании. Не мог я поверить и в то, что Директор потратил драгоценное последнее дыхание на сообщение, что он здесь в аду. Финальная ремарка в адрес доктора Томпсона также была значима.

— Какая ремарка? — спросила Рамона.

— Что доктор Томпсон — дурак. Это означало, что тот не понял смысла, который пытался передать ему Директор. Но доктор Томпсон, к счастью, был настолько щепетилен, что в своем письме майору записал слова мистера Мансайпла буквально, и у нас есть возможность их интерпретировать. На самом деле он просил не продавать не «мой дом», а «моего Гомера». То, что доктор Томпсон принял за слова «ад» и «здесь», означало «Илиада» и «шесть». Это меня сразу навело на мысль о записи в ежедневнике Мейсона — книга шестая «Илиады» на странице восемьдесят третьей содержит послание, оставленное мистером Огастесом Мансайплом его сыну Джорджу.

— От разных людей я слышал, — продолжал Генри, — что старший мистер Мансайпл к старости стал крайне подозрителен к посторонним, что никому не доверял, кроме своего юриста, Артура Прингла. Прингл, несомненно, имел инструкции передать Джорджу тайну «Илиады» — но умер до того, как мог бы это сделать. Услышав о смерти Прингла, Директор изо всех сил постарался передать сообщение сам, но не был понят. Многие годы книга стояла здесь на библиотечной полке, никем не читаемая, потому что никто из вас классическими языками не владеет. Наконец она была продана Реймонду Мейсону, который хотел декорировать свой кабинет кожаными томами. Что заставило его заглянуть в книгу, мы не знаем и не узнаем, хотя я лично думаю, что он делал вид, будто читает эти солидные тома, желая произвести впечатление на людей вроде сэра Джона Адамсона. Как бы там ни было, Реймонд Мейсон открыл книгу — чего не делал никто из вас — и выяснил тайну страницы 83. Это объясняет, почему он так отчаянно стремился купить ваш дом, перепробовал все подходы и уловки, чтобы заставить майора Мансайпла продать усадьбу — и даже погиб в отчаянной попытке это сделать.

У Джорджа Мансайпла был почти такой же вид, как во время метафизической дискуссии Клода и Эдвина.

— Я ни слова не понял из всего, что вы сказали, Тиббет, — заявил он. — Какое отношение ко всему этому имеет регистрационный номер Мейсона? Кстати, эта его машина мне всегда не нравилась.

— Наверное, — ответил Генри, — пришла пора вам на это взглянуть.

Он протянул майору книгу в кожаном переплете, и тот осторожно ее взял.

— Для меня это непонятная грамота, старина.

— Смотрите внимательнее, — сказал инспектор. — Между страницами.

Все взгляды устремились на Джорджа, исследовавшего книгу. В мертвом молчании он поднял ее вверх, показывая, что страницы 84 и 85 были склеены вместе. Видимо, сравнительно недавно их аккуратно разделили острым ножом, потому что разрез был заметен, но потом соединили снова прозрачной лентой.

Генри достал карманный нож:

— Разделите страницы, майор Мансайпл.

Джордж разрезал страницы, и оттуда выпорхнул на пол тонкий листок, исписанный выцветшими чернилами. Эдвин встал и поднял его.

— Это почерк Директора, — сказал он.

Тиббет кивнул:

— Письмо адресовано мистеру Мансайплу. — И, обращаясь к майору, добавил: — Прочтите его, сэр.

Джордж медленно расправил листок и начал читать вслух:

Дорогой Джордж!

Когда ты будешь читать это письмо, я буду уже в могиле, отправленный туда в основном из-за неверных назначений этого старого дурака Томпсона. Артур Прингл — единственный честный человек в Англии — сказал тебе, где найти это письмо. Когда ты его прочтешь, то увидишь, что я предпринял шаги для сохранения твоего наследства. В противном случае, будь уверен, тебе не хватило бы средств содержать Крегуэлл-Грейндж, — что, как ты знаешь, я тебе поручил делать неукоснительно.

В последние годы у меня укреплялись подозрения в отношении Мастермена, менеджера банка, и сейчас я уверен в его нечестности. Я подумывал переместить драгоценности твоей дорогой матери в более надежное место — но в наши дни где его найти? Все банки одинаково вероломны, и все они там воры и мошенники.

Но мне, кажется, удалось их одурачить. В течение многих лет я изымал украшения из банковского сейфа по одному, заказывал копии из стразового стекла и фальшивку отдавал в банк. Настоящие драгоценности я прятал в Крегуэлл-Грейндже, где имел возможность наблюдать за ними лично. На прошлой неделе я как раз заменил последнюю драгоценность — бриллиантовую брошь в виде солнца с лучами. И теперь, когда Мастермен со своей бандой мошенников придет грабить сейф, то найдет там только железки и стекляшки.

Должен сознаться, что эта мысль приносит мне заметное удовлетворение.

Теперь мне только остается сказать тебе, где находятся настоящие драгоценности. Они все закопаны под плиткой пола в винном погребе Грейнджа. От двери отсчитай десять плиток вперед и три влево. Сама плитка находится под контейнером с моим винтажным портвейном. Надеюсь, вино не слишком было побеспокоено, когда мне приходилось сдвигать контейнер, чтобы заложить очередное изделие. Но я должен порекомендовать дать портвейну покой, хотя бы на несколько месяцев перед тем, как его пить. Ты заметишь — надеюсь, не без юмора, — что я оставляю тебе «Крегуэлл-Грейндж со всем его содержимым». Таким образом, твое право на драгоценности неоспоримо.

Более всего я советовал бы тебе оставить драгоценности там, где они есть, доставая для продажи по одному предмету по мере того, как тебе будут нужны деньги. Ни в каком случае не должен ты доверять эти драгоценности банку, равно как и свои инвестиции — биржевому брокеру или свое здоровье — лицу медицинской профессии. Смотри, к чему это меня привело.

Твой любящий отец,

Огастес Мансайпл.

Джордж, закончив чтение, удивленно присвистнул; на миг воцарилась мертвая тишина. Потом Генри поспешно сказал:

— Вы, очевидно, сейчас хотели бы обсудить полученную информацию — и, наверное, пойти и покопаться в погребе. Полагаю, нет сомнений, что драгоценности там найдутся?

— Если он их туда положил, то они еще там, — ответил майор. — В погребе до сих пор сохранилось приличное количество бутылок любимого портвейна Директора. Их, конечно, никто никогда не беспокоил.

Инспектор протянул руку Джорджу.

— Что ж, — сказал он. — Поздравляю вас, майор Мансайпл. Эти драгоценности должны стоить тысячи фунтов.

У Джорджа был крайне удивленный вид. Он пожал руку Тиббету и спросил:

— А кто же тогда вернул мне мой пистолет?

— Не знаю точно, — ответил Генри, — но думаю, что это мог быть сэр Джон Адамсон.

— Но зачем?

— Просто добрый поступок, — поспешно ответил инспектор.

Он не считал необходимым объяснять, почему сэр Джон хотел, чтобы дело о смерти Реймонда Мейсона было закрыто быстро и без шума.

— А тетя Дора?

— Я думаю, — отозвался Генри, — что это будет признано несчастным случаем. — Он помолчал. — Надеюсь, вас не слишком сильно огорчил несчастливый роман между мисс Мансайпл и этим молодым человеком. Мод, я думаю, справится. Юность очень вынослива.

В холле инспектор встретился с мисс Мансайпл. Точнее, она его там ждала.

— Вы знаете, что это я купила хризантемы.

— Да, — ответил Генри.

— Я должна была попытаться как-то загладить. Потому что это я...

— Пожалуйста, — перебил Тиббет, — не надо продолжать.

— Я люблю его все равно, — сказала Мод. Глаза ее были сухими. — Даже, если бы он застрелил меня, и это помогло бы ему уйти. Я буду его ждать. Не могут же его посадить в тюрьму навсегда.

— Ему было на вас совершенно наплевать, — грубо ответил Генри. — Предложение он сделал, чтобы получить работу в Бредвуде.

Девушка обернулась к нему миниатюрной тигрицей:

— По-вашему, это что-то меняет? Вы думаете, чтобы любить человека, нужно быть любимой в ответ?

— Вам следует учесть еще одну вещь, — сказал инспектор. — Через несколько лет его, быть может, обменяют на британского агента и депортируют в Россию. Что вы тогда будете делать?

— Поеду с ним, если он меня возьмет.

— Такие чувства для вас сейчас естественны, — согласился инспектор. — Но я очень вас прошу не замыкаться в себе. Крайне разумный молодой человек этот Фрэнк Мейсон, если отвлечься от его довольно неудачной манеры поведения. Он спрашивал у меня, как я думаю, не может ли он вас навестить...

— Меня здесь не будет, — ответила Мод. — Я уезжаю.

— Уезжаете?

— Очевидно, что я не могу вернуться в Бредвуд и здесь остаться тоже не могу. Я хотела спросить вас, инспектор Тиббет: вы знаете, в какую тюрьму увезут Джулиана? Рассчитываю снять комнату где-нибудь поблизости и найти себе работу. Я полагаю, что мне разрешат его посещать.

— Думаю, что разрешат, — ответил Генри. — Но...

— Не стоит воображать, — перебила Мод, — будто я собираюсь вписаться в вашу уютную счастливую развязку.

— Тогда, — ответил инспектор, — мне остается только надеяться, что вы найдете свою собственную.

Выходя, он оглянулся и увидел эту девушку в последний раз — одну, в просторном и пустом холле, а за спиной у нее стояла ваза, полная белых хризантем.

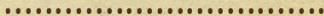

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Семья Мансайпла всегда отличалась экстравагантностью. Но соседи уже привыкли к странным ирландцам и давно перестали их обсуждать. Вот только труп Реймонда Мейсона на подъездной дорожке их дома спровоцировал новую волну слухов.

Случайная ли это пуля со стрельбища Джорджа Мансайпла? Стоит ли принимать во внимание показания единственного свидетеля – девяностолетней старушки, увлекающейся спиритизмом? Имеет ли к случившемуся отношение сын покойного? Генри Тиббету в очередной раз предстоит восстановить картину произошедшего и объяснить ряд странных событий, случившихся в доме Мансайплов.

Детективы Мойес написаны в классической английской традиции «подозреваются все».

Угадать истинного убийцу невозможно до последней страницы!

«Sunday Times»

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-116194-1

9 785171 161941